

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

ДЕМОНЫ ОЛИМПА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мой дорогой безумец

18+

Валентина Зайцева

Демоны Олимпа:

Мой дорогой безумец

<https://litres.ru/74394782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она носила шрамы под одеждой. Он носил ад в душе. Их встреча стала войной на уничтожение.

Оля Свиридова выжила. Вырвалась из рук того, кто превратил её жизнь в кошмар, и мечтала лишь о тишине. Элитная академия «Олимп» должна была стать её убежищем. Но среди золота и лжи её настигает Сергей Вилков — дерзкий, опасный и до безумия красивый мажор, который однажды случайно разбил её мир.

Вспыльчивый и привыкший брать всё силой, Сергей не привык к отпору. Но Оля бросает ему вызов, заставляя чувствовать то, от чего он бежал. Они ненавидят друг друга. Они не могут дышать друг без друга.

Но за спиной Сергея стоит его собственный демон — старший брат, готовый уничтожить всё, что дорого Вилкову. Чтобы спасти Олю, Сергею придётся сделать невозможное: вырвать её сердце своими руками и заставить возненавидеть себя.

«Мой дорогой безумец» — это история о любви, за которую платят кровью, и о том, что даже сломанные люди способны спасти друг друга. Если осмелятся.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	19
Глава 2	35
Глава 3	56
Глава 4	70
Глава 5	82
Глава 6	94
Глава 7	112
Глава 8	130
Глава 9	152
Глава 10	170
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Валентина Зайцева

Демоны Олимпа:

Мой дорогой безумец

Пролог

Сергей

Меня называют мажором с золотой ложкой во рту, но мне от этого не легче. Есть что-то невероятно ироничное в том, как сверхбогатые люди тащатся в глухие, Богом забытые поселки ради летнего отдыха. Казалось бы, живи себе на пятизвездочных курортах, где лазурные пляжи и дорогие яхты, или наслаждайся прохладой модернизированной дачи в горах. Но нет! Каждое лето наша семья тащится в этот поселок Терновник, чтобы запереться в столетнем, пахнущем сыростью срубе с видом на реку. Сюда ещё мой отец в детстве ездить был вынужден, и дед его сюда таскал. Видимо, у нашей фамилии такая традиция — доводить мужчин семейства до смертной тоски, что само по себе просто смертельно опасный фокус.

От такого однообразия быстро начинаешь лезть на стену. А если история чему-то и учит, так это тому, что нет ничего страшнее скучающего и нервного Вилкова, у которого нако-

пилась уйма нерастраченной энергии.

Здравый смысл здесь вообще не ночевал. Даже отец тихо ненавидит эти каникулы: он целыми днями прячется в импровизированном кабинете, с головой уходя в работу. Мать, если и решает вылезти из дома в относительно трезвом виде, то лишь ради того, чтобы пообщаться с другими такими же скучающими женами, которых она на дух не переносит. Пустые сплетни и бесконечные попытки друг перед другом покрасоваться — точно не её история. Да и сидеть в четырех стенах с вечно занятым мужем ей тоже претит. Я же слоняюсь по комнатам, как загнанный в клетку лев, судорожно пытаюсь занять руки хоть чем-нибудь, пока под кожей дико искрит и пульсирует нерастраченная энергия. А если вспомнить Глеба... О, Глеб — это вообще катастрофа вселенского масштаба. Оставить нас с ним и мамой в одном ограниченном пространстве — верный рецепт катастрофы. Короче говоря, семейной идиллией здесь никогда и не пахло.

Именно это звенящее внутри беспокойство и выдёргивает меня из душного домика летней ночью. Направление стандартное: на поиски приключений, легкой романтики и, если повезет, хорошей драки. Три вещи, которые целеустремленный девятнадцатилетний парень с легкостью найдет даже в такой глуши.

— Эй, Вилков! — раздается за спиной знакомый голос.

Я поднимаю голову и вижу, как по потрескавшемуся асфальту ко мне идут Роман и Матвей. Я едва заметно киваю

в знак приветствия:

— Здорово, клоуны. Чего нового?

— В Терновнике-то? — усмехается Роман, с размаху ударяя своим кулаком о мой. — Да глухо, как в танке.

— Зато, — тут же вставляет Матвей с загадочной улыбкой, — говорят, на причале сегодня намечается движуха. Пойдем глянем?

— Дай-ка загляну в свой плотный график, — шутливо отвечаю я, доставая телефон, на котором ожидаемо нет никакой связи. Честно говоря, за последние недели я только и делал, что пытался выровнять загар да очаровать пару местных девчонок. — Ага, смотри-ка, я совершенно свободен.

Мы сворачиваем на узкую улочку, минуя старые ряды с сувенирами, аптеку и выходим на грунтовку, ведущую прямо к воде. Я знаю здесь каждый поворот, каждый куст, каждый закоулок. Крутые обрывы над рекой, сомнительные кругло-суточные магазинчики, двухэтажные дачи. Родители обычно спокойно отпускают детей гулять по Терновнику допоздна, искренне полагая, что здесь попросту негде вляпаться в неприятности, а если кто-то и найдет приключения на свою голову, так они сами в молодости творили ровно то же самое.

Роман залезает во внутренний карман куртки и извлекает на свет серебристую фляжку. Выглядит немного показушно, но, когда он предлагает глотнуть, я не отказываюсь. Крепкая жидкость обжигает горло огненной волной и оседает в желудке приятным теплом. Возвращая фляжку обратно, я бро-

саю:

— Это чисто наша тусовка или местные тоже будут?

Между нами, «летними» мажорами, и местными парнями всегда существовала негласная грань. У наших ребят вечеринки обычно проходят с размахом: дорогой алкоголь, катера, роскошные девушки, готовые на всё ради внимания богатого красавчика. А вот вечеринки местных — это совсем другое дело. Они собираются спонтанно, на честном слове и чистом энтузиазме. Алкоголь там самый дешевый, а девчонки...

Девчонки там с таким характером, что от них искры летят. Иногда это пугает, но чаще — безумно притягивает.

— Наверное, солянка будет, — отзывается Матвей, делая большой глоток и вытирая рот тыльной стороной ладони. — Мне Катя написала, позвала подтянуться.

Эта самая Катя работает в местном прокате лодок. Она яркая, дерзкая девчонка, с которой Матвей прошлые выходные провел на одной из пришвартованных яхт. А я вот прошлые выходные провел куда веселее: с кулаками отстаивал честь в драке с каким-то зазнавшимся пижоном, заработав в итоге двадцать пять тысяч рублей, несколько бутылок пива и шатающийся коренной зуб. Для тихого Терновника это была просто легендарная ночь.

Мы поднимаемся на небольшой холм, откуда открывается вид на общественный пляж и пристань. Днем здесь резвятся дети и загорают семьи, а с наступлением темноты это место

превращается в центр притяжения местной молодежи и пары залетных студентов. Идеальная точка, если ты ищешь неприятностей. Я уверенной походкой направляюсь к уже шумящей толпе.

— О, Серый! — окликает меня знакомый голос. Я оборачиваюсь и вижу Марину — девушку, которая проводит здесь лето чуть ли не дольше меня. На ней надет короткий топ, сквозь ткань которого отчетливо угадываются идеальные формы.

— Привет, Марин. Как жизнь?

Она подходит ближе, чуть покачиваясь на ходу — судя по всему, уже успела приложиться к чужим запасам.

— Нормально... Всё просто прекрасно, блин.

Я привычно обнимаю её за талию, скользя взглядом по линии декольте.

— Выглядишь потрясающе.

— Ты, впрочем, тоже. — Ее ладонь ложится мне на живот, оценивающе касаясь рельефных мышц. Марина никогда не была скромницей, хотя за всё время мы были близки всего раз. — Слушай, у меня тут вопрос...

— Да? — облизываю губы я, мысленно прикидывая, не повторить ли нам тот вечер. — Какой же?

— А где твой братец пропадает всё лето? Что-то я его не вижу.

Улыбка чуть меркнет, но я стараюсь удержать на лице невозмутимое выражение.

— Глеб в этот раз не поехал с нами, — отвечаю я, с трудом сдерживая желание скрипеть зубами при одном упоминании его имени. — Готовится к поступлению в университет.

— Ой, как жаль... — наигранно вздыхает она.

— И не говори. — Я перехватываю фляжку у Романа и делаю ещё один внушительный глоток. — Просто ужасно, как жаль.

По идее, мне должно было стать легче от того, что его нет рядом. Не нужно слушать его ядовитые замечания в адрес матери. Не нужно постоянно вмешиваться и ставить его на место, когда он отпускает свои мерзкие шуточки. Не нужно проводить долгие недели в состоянии взведенной пружины, мечтая, чтобы он просто исчез.

Но вместо долгожданного облегчения я чувствую лишь раздражающую пустоту на месте привычного напряжения. Я словно нахожусь в постоянной боевой готовности, подсознательно ожидая подвоха, едких насмешек и презрительных взглядов, но вокруг — никого. Это как спортивный вариант фантомных болей: ты весь сжимаешься перед ударом, а его всё нет и нет.

— Эй, полегче! — возмущается Роман, заметив, сколько я отпил.

Я молча возвращаю ему фляжку, ощущая легкое жжение в груди.

— Держи. — Сунув руку в задний карман, я достаю памятую пачку сигарет и бросаю ему. — Забирай.

Он довольно кивает: — О, отлично. Пойдем-ка отойдем, затынемся.

Но мой взгляд уже шарит по толпе в поисках хоть какой-нибудь искры, способной разжечь этот скучный вечер. И долго ждать не приходится: неподалеку я замечу тех самых парней, с которыми сцепился на прошлой неделе из-за парковочного места. Эти наглецы умудрились припарковаться вплотную к моей любимой машине — моей сладкой ласточке, не проявив к ней никакого уважения. Совершенно возмутительное поведение.

Самый крупный из них вальяжно опирается на стенку лодочного сарая, отпуская сальные комментарии в адрес группы девчонок, которые явно не в восторге от его внимания.

— Ну чего вы такие недотроги, красотки? — доносится до нас его самоуверенный бас. — Будьте проще!

Мои плечи мгновенно напрягаются, челюсти сжимаются до боли в зубах — срабатывает старый, рефлекторный инстинкт.

— Я скоро вернусь, — бросаю Роману и решительно направляюсь к причалу.

Проходя мимо компании девчонок, я мельком бросаю на них взгляд. Местные — это сразу заметно по манере держаться и одежде. У нас в элитных заведениях все привыкли к строгой форме или ультрамодным брендам, а у этих девчонок есть особая, притягательная дерзость. Рваные джинсовые шорты, стоптанные грубые кроссовки, независимый

взгляд. На секунду я встречаюсь глазами с незнакомкой. У нее пронзительные, холодные синие глаза, а губы плотно сжаты в тонкую линию. Похоже, от моего появления она не в восторге.

Ну ничего, моя хорошая, — мысленно усмехаюсь я, — подожди пару минут, и ты увидишь настоящее шоу.

— Малышка, — тем временем здоровяк делает шаг вперед, преграждая ей дорогу, — знаешь, ты бы выглядела намного красивее, если бы хоть иногда улыбалась.

Девчонка лишь презрительно щурится и гордо вскидывает подбородок. На ней надета свободная клетчатая рубашка, под которой совершенно невозможно разглядеть фигуру, что, судя по всему, жутко раздражает этого местного хама.

— А ты бы выглядел намного лучше, если бы прямо сейчас заткнулся и исчез из поля зрения, Антон, — спокойно чеканит она, вызывая одобрительный смешок у подруг.

Антон картинно прижимает руку к сердцу, изображая глубокую обиду:

— Ой, как жестоко. А я-то думал, мы созданы друг для друга. Хватит ломать комедию, давай я помогу тебе расслабиться.

Он делает ещё один шаг сокращая дистанцию, и остальные девчонки испуганно отступают назад, рассыпаясь в стороны. Единственная, кто продолжает стоять на своем — это она. Хрупкая с виду, но с таким стальным стержнем внутри, что позавидует любой мужик. Из-за плеча выбиваются

длинные каштановые пряди, обрамляя бледное лицо и голубые глаза.

— Знаешь, я тут как раз подумываю развести костер, — ровным, ледяным голосом произносит она, оглядываясь по сторонам. — Поджарить кое-кого вроде тебя было бы очень кстати.

Я невольно фыркаю от смеха, но Антон теряет остатки самообладания. В его взгляде проскальзывает нехороший огонек, а в глазах девушки на мгновение мелькает тень настоящего страха. Она едва заметно сглатывает сухую слюну. Не раздумывая больше ни секунды, я протискиваюсь между ними и встаю прямо перед этим амбалом, глядя на него снизу вверх с неизменной ухмылкой.

— Кажется, эта девушка предельно ясно дала понять, что ты ей абсолютно неинтересен, Антон, — произношу я громко, оборачиваясь к девушке и подмигивая ей. В ответ получаю лишь убийственный взгляд. Ладно, принято. — Так что давай-ка ты просто отойдешь в сторонку.

Здоровяк презрительно хохочет. Он выше меня на полголовы и шире в плечах, но это сухая, неповоротливая масса. Я же двигаюсь быстро и легко, чувствуя, как в кулаках уже закипает сладкое предвкушение драки. Размазать этого самоуверенного павлина доставит мне истинное удовольствие.

— А ты у нас кто такой, красавчик? — процедив сквозь зубы, интересуется он. — Не лезь, куда не просят.

Я широко улыбаюсь:

— Во-первых, спасибо за комплимент, я действительно неплохо выгляжу. Во-вторых, я уже видел, как ты обращаешься с чужими вещами, и мне это категорически не нравится. В-третьих... — я делаю паузу, заглядывая ему прямо в глаза, — если не скромничать, то в этом мире всё крутится исключительно вокруг меня.

Антон сужает глаза, на его лице появляется хищная, злая ухмылка. Не говоря больше ни слова, он выбрасывает вперед тяжелые ручки и со всего маха толкает меня в грудь. Я отступаю на шаг назад, краем глаза замечая, как девушка ловко ускользает с линии удара. Ну всё, теперь у меня есть абсолютно официальный повод преподать этому дурню незабываемый урок.

— Спасибо, — весело отзываюсь я, разминая плечи. — А то мне уже начинало казаться, что вечер будет скучным.

Я резко отвожу руку назад и вкладываю всю накопившуюся злость в прямой удар прямо в его наглую челюсть. Костяшки глухо стукаются о кость, но боли я почти не чувствую — только адреналин, разгоняющий кровь по венам. Не давая ему опомниться, я добавляю второй удар в живот. Антон издает утробный рык, пытаюсь замахнуться в ответ, но я легко ухожу от его неуклюжего удара. Он прет напролом, пытаюсь сбить меня с ног и повалить на землю, но для меня не составляет труда сделать шаг в сторону и всадить удар точно почки.

— Ой, мимо! — издеваюсь я, замечая периферийным зре-

нием, как к месту стычки подтягиваются его дружки. Ну конечно, классика жанра. В честном бою им не победить, поэтому предпочитают брать числом. Что ж, прекращаю церемонии. — Подходите все, на всех хватит, — бросаю я, перехватывая летящий в мою сторону кулак кого-то из его свиты.

— Перестаньте! — раздается чей-то отчаянный женский крик из толпы. — Прекратите эту драку!

Я на секунду замираю, изображая глубокую задумчивость:

— Хм. Нет, пожалуй, я закончу начатое, пока этот кусок мусора не научится базовым манерам.

Но Антон зря времени не терял. Он уже восстановил дыхание, перестал совершать хаотичные выпады и теперь принимает правильную боевую стойку, копируя мои движения. Видя это, я издаю короткий, почти безумный смех:

— Ого, да ты, оказывается, умеешь думать! Теперь разговор приобретает интересный оборот.

Никакой больше слепой ярости — только чистая тактика. Его правый кулак рассекает воздух, но я вовремя пригибаюсь. К сожалению, я не учел, что за первым ударом следует второй — корявый, размашистый боковой с левой. Он все-таки цепляет меня по касательной скуле. И в этот момент в голове противно и отчетливо звучит голос Глеба, полный привычного ядовитого презрения:

— Ну ты и безнадежный придурок, Сергей. Посмотри на себя — огребаешь от какого-то местного алкаша? Типич-

ный лузер. Даже нормально подражаться не можешь, сплошной позор. Это же единственное, в чем ты хоть капельку хорош, и то умудряешься облажаться.

Эта мысль действует как красная тряпка на быка. В глазах вспыхивает багровый туман, накрывая с головой удушающей, хаотичной волной злости, которую невозможно контролировать. Мне хочется только одного — стереть самодовольную ухмылку с лица этого ублюдка.

Я делаю резкий выпад вперед и провожу сокрушительный удар, от которого Антон отлетает на пару шагов назад. Но останавливаться я уже не намерен. Я собираюсь бить его до тех пор, пока от этого наглеца не останется мокрого места.

В этот момент сбоку мелькает тень — кто-то из его шайки спешит на помощь другу. Действуя на чистых рефлексах, я мгновенно разворачиваюсь наотмашь, вкладывая всю накопившуюся ярость в удар кулаком по приближающейся фигуре.

Звук получается глухим и страшным — резкий хруст, сдавленный вскрик и глухой стук человеческого тела, падающего на твердую землю.

Я замираю с поднятым кулаком, не сразу осознавая, что передо мной вовсе не один из прихвостней Антона.

Потому что перед моим ударом была не крепкая мужская челюсть.

Это был не мужчина.

На земле у моих ног неподвижно лежит хрупкая девчонка

с длинными каштановыми волосами. Та самая девушка, которую я вроде как пытался защитить.

Мой кулак медленно опускается вниз.

— Черт... — выдыхаю я, чувствуя, как вокруг нас замирает толпа. Зеваки испуганно прикрывают рты ладонями, с ужасом глядя на лежащую без движения фигуру.

Неужели я её убил? Я ведь бил в полную силу, не сдерживаясь, как привык на ринге. Это был мощный, разрушительный удар — и пришелся он по хрупкому человеку, который совершенно к такому не привык. По девушке с нежной кожей и хрупкой шейкой.

Охваченный леденящим ужасом, я опускаюсь на колени рядом с ней, судорожно пытаюсь нащупать пульс, и замечая, что её глаза открыты. Но взгляд абсолютно расфокусированный, пустой, словно она пытается собрать воедино осколки реальности.

— Эй, — шепчу я, осторожно касаясь её плеча. — Прости меня, я не со зла...

Её пронзительные голубые глаза наконец фокусируются, останавливаясь на моем лице. Она судорожно распахивает рот, жадно заглатывая воздух, и в следующую секунду тишину ночного пляжа разрывает пронзительный, леденящий душу крик.

Я инстинктивно отшатываюсь назад, за мной шарахается вся толпа. А крик всё не прекращается — он растет, набирает силу, превращаясь в безумный, надрывный вопль, иду-

щий из самой глубины испуганной души. Даже набирая полные легкие воздуха, она продолжает кричать так истошно, что кровь стынет в жилах.

Панический ужас накрывает меня с головой, смешиваясь с тупой болью в разбитых суставах. Я смотрю на нее ещё секунду, а затем делаю то единственное, что умеет делать любой настоящий Вилков в критической ситуации.

Я срываюсь с места и бегу.

Глава 1

Сергей

— Симпатичные наколки, — мой доктор Павлова Екатерина Юрьевна мельком бросает взгляд на мою грудь.

Я даже толком не понимаю, о чём именно речь: о плотном узоре на ключицах, над которым мой мастер кропотливо колдует уже целый год, или о свежей метке «Демонов», набитой пару месяцев назад. Впрочем, какая разница? Главное — она откровенно разглядывает мой торс. Внутри сразу просыпается привычное желание расправить плечи, выдать свою самую фирменную ухмылку и отвесить какой-нибудь дерзкий подкат. Ну а что? Кому не нравятся умные, стильные и чертовски привлекательные женщины постарше?

Заманчивая идея, конечно. Но попытка подкатить к собственному врачу — это явно не лучший пример разумного поведения. А я ведь изо всех сил пытаюсь стать хоть капельку серьезнее и взрослее.

Ну... как пытаюсь. Скорее делаю вид, чисто для галочки.

— Спасибо, — отвечаю с максимально невозмутимым видом, наигранно зевая.

Отводя взгляд, я с искренним интересом принимаюсь рассматривать искусственный фикус в углу кабинета. На дворе уже двадцатое января, а этот несчастный пластиковый куст всё ещё наряжен к Новому году — на его хилых веточках

упрямо болтаются блестящие красные шарики и гирлянды.

— Как закрыл первую сессию? — спросила доктор, не отрываясь от карты. — Всё прошло нормально?

«О да, Екатерина Юрьевна, просто зашибись, — мысленно ухмыляюсь я. — Если не считать того, что я влип в закрытый клуб, набил себе символическую татуировку, успел совершить как минимум пять нарушений общественного порядка, миловался на самой сложной лестнице академии, устроил легендарную подлянку всему преподавательскому составу, размял кулаки в пару тройке хороших драк, подпортил жизнь родному брату, получил от него же отставку, обзавёлся парочкой верных корешей... Ах да! И ещё я выкарабкался из очередного сотрясения мозга. Второго за последние полгода. Собственно, поэтому я сейчас и сижу на вашей кушетке».

— Да нормальненько, — выдаю я самый скучный и безобидный ответ. — Тишь да гладь.

Доктор достаёт из кармана халата маленький фонарик и светит мне прямо в глаза, заставляя поморщиться.

— А как твои головные боли?

— Почти прошли, кажется, — я неуклюже сдвигаюсь на медицинской кушетке, отчего одноразовая бумажная простыня громко и противно шуршит. — Ничего такого, с чем я бы не справился.

Она строго смотрит на меня поверх очков, словно видит насквозь всю мою показуху.

— У тебя серия сотрясений, Сергей. Дело не в том, что ты можешь перетерпеть или переболеть на ногах. Мы должны убедиться, что мозг полностью восстановился и твоё состояние действительно улучшается.

— Да я на лету восстанавливаюсь! — бросаю я, мечтательно надеясь, что она скорей от меня отвяжется.

— И в чём же это выражается?

Ей, видите ли, нужны подробности. Придётся импровизировать.

— Голова больше не кружится, не тошнит. Светобоязнь тоже... — Дерьмо. Полное дерьмо, глаза всё ещё режет, но я давлю улыбку. — ...намного лучше! Я даже завязал с дра... с секцией по хоккею и полностью пересмотрел свои физические нагрузки.

Я осторожно подмигиваю ей, проверяя, не заметила ли она мою оговорку. На самом деле я не махал кулаками и не выходил на лед уже месяца два. Просто о своих уличных «тренировках» я ей, естественно, не рассказывал.

— А что с зрением? — Она быстро записывает что-то в карточку. Я любопытно подаюсь вперед, но доктор тут же прикрывает лист рукой.

— Сто процентов, как у орла! — Я выдаю свою самую обаятельную, проверенную временем улыбку, от которой обычно девчонки теряют дар речи.

Эх, крепка броня. На неё мои чары вообще не действуют.

— Угу, верю-верю, — без эмоционально отзывается она.

— В учебе проблем нет? Провалы в памяти? Вспышки раздражительности?

Провалы в памяти? Чёрт, да я бы душу отдал за хорошую амнезию! Это сразу решило бы половину моих проблем. Но даже с пробитой головой мне не настолько везёт, чтобы получить единственный по-настоящему полезный симптом.

— Екатерина Юрьевна, — я смотрю на неё предельно честным и невинным взглядом. — Я в полном порядке. Честно. Соблюдаю весь ваш режим. Я вообще сейчас в своей лучшей форме! — Я слегка прикусываю нижнюю губу, откровенно и без стеснения сканируя взглядом её стройную фигуру под белым халатом. — Если не верите, можете осмотреть меня ещё раз. Помедленнее.

Екатерина Юрьевна одаривает меня взглядом, в котором так и читается: «Кому ты пытаешься затереть, парень?», но ручку с бумагой всё-таки откладывает.

— Хотя я очень сильно сомневаюсь, что ты действительно умерил свой пыл и сидишь дома, — произносит она, скрестив руки на груди, — динамика у тебя и правда хорошая. Мои брови взлетают вверх.

— То есть вы разрешаете мне вернуться в хоккейную команду?

Между её бровями залегает суровая складка.

— Я думаю, тебе стоит потерпеть ещё хотя бы месяц...

— Ещё целый месяц?! — возмущённо всплескиваю я руками.

— ...а потом мы проведём контрольное обследование, — непоколебимо продолжает она. — И если всё будет в идеале, я подпишу справку-допуск. Я понимаю, что тебе всё равно, Сергей, но здоровье мозга — это не шутки. Даже если ты сам не против пробить себе череп при каждом удобном случае, мы хотим, чтобы у тебя было нормальное, здоровое будущее.

Интересно, а кто это — «мы»? Мой отец? Ха, смешно. Мама? Ну, она бы, наверное, переживала, если бы могла воспринимать реальность. А мой старший братец Глеб? Я едва сдерживаю горький смешок. Да он же главный виновник того, что я вообще торчу в этом кабинете!

По факту, единственный человек, которому не всё равно — это строгая женщина-врач напротив да парочка моих верных парней из клуба.

— Спасибо за заботу и доброе напутствие, Екатерина Юрьевна, — ухмыляюсь я, протягивая руку к своей толстовке. — Ладно, посижу ещё месяц на скамейке запасных.

Несмотря на паршивые новости, катастрофы не произошло. Всё равно последнее время я всё чаще торчу в гараже, колдуя над своей любимой ласточкой, да и дела клуба отнимают кучу времени. Главное — вернуться в строй к началу февраля. Тогда всё точно будет путём.

Должно быть путём, без вариантов.

— Как она сегодня? — тихо спрашиваю я у Натальи Сергеевны, нашего управляющего по дому, и опасно кошусь

на потолок, в сторону маминой спальни на втором этаже.

В доме стояла полная, почти звенящая тишина, а это всегда считалось хорошим знаком.

Наталья Сергеевна, полноватая женщина в строго выглаженном жакете, вздыхает и переводит взгляд туда же, куда и я.

— Ну... Утром твой брат заезжал.

Я резко дергаю плечом, разминая затекший сустав, и сквозь зубы процеживаю:

— Чёрт.

— Да ты не переживай так, всё обошлось, — успокаивает она меня своим басовитым, размеренным голосом. — Он к ней даже подниматься не стал. И слава богу. Змея, а не парень. Вечно найдёт способ подпортить бедноватой женщине нервы.

Наталья Сергеевна осуждающе качает головой. Ей уже за пятьдесят, но в её характере и взгляде до сих пор чувствуется чисто стальная выдержка. Она — полная противоположность моей мягкой, ранимой матери. Наталья Сергеевна приходит к нам на работу каждый день словно на плац, держится строго и держит дистанцию, чтобы лишний раз не видеть, насколько далеко Глеб заходит в своих изощрённых издевательствах.

— И не говорите, — бубню я под нос.

— Тебе бы самому лучше дома побыть в этом году, — в который раз поучительно говорит она, тыча в мою сторону

пухлым пальцем. — Матерям нужны их дети.

Я едва удерживаю горький смех.

— Ага, конечно.

Может, маме я и нужен, но жить под одной крышей с Глебом? Спасибо, это уже без меня.

— Не могу остаться. Я сегодня же уезжаю обратно в академию.

Наталья Сергеевна только всплескивает руками, бубня под нос что-то недовольное о современной молодёжи, и уходит в сторону кухни.

Знала бы она всю подоплеку, то наверняка бы меня поняла. Я живу в академии «Олимп» вовсе не потому, что мне так нравится торчать в общежитии. Это единственная сделка, благодаря которой я могу обеспечить матери хоть какое-то подсобное помещение.

Казалось бы, у нас не дом, а целое элитное поместье — восемь отдельных построек на закрытой территории, бывший загородный клуб с огромным парком! Гуляй — не хочу. Глеб мог спокойно занять гостевой дом у бассейна. Или обособиться в коттедже на краю участка и тусоваться там в своё удовольствие. Да чёрт возьми, он мог потребовать себе весь цокольный этаж главного дома — а там, между прочим, две кухни, четыре санузла, бассейн и места столько, что можно без проблем разместить пару спортивных команд!

Но нет, это же Глеб. Его главный приоритет при выборе жилья — находиться как можно ближе к жертве, чтобы

иметь возможность постоянно капать ей на мозги. Я даже сочувствую тем несчастным, с кем он учится в институте: перед ним открылся целый круг новых жертв. Хотя нет, не сочувствую. У меня банально не хватает сил думать о других, когда нужно спасать собственных близких.

У мамы в доме отдельное крыло со своей гостиной и балконом. Сколько себя помню, они с отцом всегда жили отдельно. Условия у неё роскошные, но мне тошно смотреть на то, как она добровольно запирает себя в этих четырёх стенах.

Поднимаясь по массивной дубовой лестнице к её тяжелым двустворчатым дверям, я на секунду замираю, собираясь с духом и натягивая на лицо привычную беззаботную маску.

Она, естественно, ещё не оделась. В комнате царит полумрак — плотные шторы задернуты, а в воздухе висит сизый, тяжелый запах папирос. Мама сидит на кушетке в шёлковом халате и дрожащими пальцами пытается собрать рассыпавшиеся по плечам волосы. Пытается привести себя в порядок. Сделать вид, что у неё всё под контролем и всё хорошо.

— Серёжа! — Её улыбка выходит надрывом и тут же рушится из-за блестящих дорожек слез на щеках. — А я так надеялась, что ты зайдёшь ко мне перед отъездом! Ты ведь сегодня уезжаешь, да?

— Да, мам, — ответил я. Меня до глубины души тронуло то, что она вообще смогла запомнить день моего отъезда. — Упаковал вещи, скоро выезжаю.

Она судорожно смахивает слёзы со щёк, снова пытаюсь выдать яркую, бодрую улыбку. Смотреть на эти попытки казаться сильной всегда невыносимо больно.

— Я так рада! Сделай одолжение, открой, а? Я тут кое-что приготовила для тебя. Вот, держи!

Я осторожно беру из её рук пухлый конверт, но не могу оторвать взгляда от её красных, опухших глаз.

— Мам, ну почему ты опять плачешь?

Она лишь отмахивается тонкой ручкой:

— Ой, да ты же знаешь меня. Опять взгрустнулось, ерунда всё это! Ты открывай, открывай скорее!

— Это не ерунда, — мягко возражаю я, но настаивать не рискую. Бесполезно. В её состоянии депрессивные приступы накатывают без видимых причин. Что, впрочем, не мешает мне каждый раз надеяться на честный ответ.

Тяжело вздохнув, я вскрываю конверт и достаю оттуда подарочный сертификат в наш местный зоомагазин. Я сразу понимаю, к чему это, и на душе становится невероятно тепло. На самом деле у меня на карте лежит столько денег, что я могу купить этот зоомагазин целиком вместе с потрохами, но сам факт...

Мама ловит мою искреннюю улыбку и впервые за день улыбается в ответ — уже настоящей, тёплой улыбкой.

— Ты только обязательно покорми тех бедных бездомных котят у причала, хорошо? Проследи, чтобы им хватало еды. Не экономь на них!

— Обещаю, мамуль, — отвечаю я и наклоняюсь, чтобы поцеловать её в бледную щеку. — Пушистые будут сыты и довольны.

— И присылай мне фотографии! — тут же оживляется она, а её глаза загораются искренним интересом.

Моя мама умеет переживать за всё на свете, как никто другой. Стоило мне полгода назад обмолвиться о стайке брошенных котят в районе причала «Кедровые пороги», как она тут же приняла это близко к сердцу. И, кажется, помнила об этом каждый день. Вот уж действительно парадокс: человек не может толком позаботиться о себе, еле держится на плаву, но всё равно изо всех сил пытается дарить тепло другим.

На протяжении всей жизни меня мучает один и тот же вопрос: как у человека с таким огромным и добрым сердцем мог родиться такой законченный, хладнокровный психопат, как Глеб? Иногда мне кажется, что брат просто забрал себе всю мамину злость и жестокость, не оставив ей никакой защиты от этого мира. А иногда я виню его в её болезни, хотя понимаю, что это не совсем справедливо.

Он просто делает всё, чтобы ей становилось только хуже.

Уезжать и оставлять её здесь всегда паршиво, но в то же время это приносит странное облегчение. Таков наш негласный договор: пока я уезжаю с глаз долой и беру удар на себя, Глеб оставляет её в покое. Не трогает её. Не заходит к ней в комнату. Не отравляет её разум своими ядовитыми, жестокими фразочками, заталкивая всё глубже на само дно

безысходности.

Выезжая на главную дорогу, я вспоминаю её трогательную, из всех сил храбрую улыбку и повторяю себе как заклинание: так действительно будет лучше для всех.

Я выгружаю вещи из своей любимой «Ласточки» и тащу сумки в общежитие. А в целом — всё не так уж и паршиво! В отличие от остальных членов моей семейки, я никогда не питал особой любви к пафосным двухэтажным хоромам, огромным особнякам и родовым поместьям.

Впрочем, скромничать тоже не стал: мне удалось выбить себе «одиночку» — прежний двухкомнатный блок Даниила Волкова. Это даёт мне кучу приятных бонусов, вроде отдельной зоны отдыха и персональной прихожей.

— Здорово, мажор! — Константин Демин просовывает голову в мою открытую дверь, бесцеремонно оглядывая обстановку. — Ну как к врачу съездил? Что Екатерина Юрьевна сказала?

О да, наши «Демоны» и их круговая порука. Дожили, а! Насколько же это иронично: секретная компания из одиннадцати отпетых бунтарей, раздолбаев и смутьянов стала для меня более родной семьёй, чем кровные родственники.

Прямо драма в трёх актах, хоть сейчас кино снимай.

— Нормально всё, — отвечаю я, бросая сумку на пол. — Полный допуск пока не дала, но обещала выписать справку до начала сезона.

Костя понимающе кивает, явно удовлетворенный ответом. А потом с искренним ужасом озирается по сторонам:

— Господи, Серый... Ну и свалка. Ты тут что, ремонт с демонтажом устраивал?

— Чего? — Я разворачиваюсь к комнате и задумчиво чешу подбородок. — Да ладно тебе, нормальная холостяцкая берлога. Просто она...

— Загажена, — безжалостно заканчивает он за меня. — Но при этом выглядит удивительно пустой! Как у тебя вообще получается совмещать эти два состояния? Это особый талант?

Я шутливо показываю ему средний палец:

— Это стиль истинного холостяка, братан. Не завидуй просто, что сам всё ещё ютишься в двушке с Ильей.

— Тебе нужен диван. И ковёр. А ещё, желательно, промышленный моющий пылесос, — качает головой Костя. — И вообще, как комендант общаги сквозь пальцы смотрит на этот хаос? Меня за неразобранный шкаф трижды на дежурство отправляли!

Я выдаю свою самую ослепительную улыбку главного красавчика курса:

— Деньги, святые, личное обаяние...

— Скажи проще: ты слишком чертовски хорош собой, а комендант просто стесняется делать тебе замечания, — с ухмылкой перебивает он.

Я лишь лёгким жестом жму плечами, даже не пытаюсь спо-

ритель. Да, я чертовски красив, судите меня семеро! Но в словах Кости есть доля правды. На полу валяются пустые коробки из-под пиццы — полноценным обеденным столом я так и не разжился, — а носки живописно разбросаны по углам. Комната выглядит не так, будто здесь кто-то постоянно живёт, а словно сюда заскочил на пару дней уличный бродяга. Я растираю затекшую шею, критически осматривая свои «хоромы».

— Ну... Просто я здесь почти не бываю.

Ему даже объяснять не нужно, почему.

Наталья Сергеевна любит повторять, что у моей мамы вечная депрессия, а у меня — гипербуйная гиперактивность. И она не так уж далека от истины. Я физически не могу долго сидеть на одном месте, мне нужно движение! Быть прикованным к кровати из-за этого дурацкого сотрясения мозга — настоящее испытание. В моих венах словно бурлит чистый электрический ток, и у меня нет возможности его сбросить. Стоит мне переступить порог комнаты, как тут же начинается чесаться всё тело: хочется выскочить на улицу, найти очередное приключение на свою голову. Я не из тех парней, кто будет уныло залипать в телефоне или сутками играть в приставку. Мне нужно выходить в свет, флиртовать с девчонками, устраивать качественные потасовки и выпускать пар. Вот только в последнее время этот список развлечений урезался до минимума.

Костя, похоже, чувствует моё настроение, потому что

неожиданно понижает голос и выдаёт:

— Кстати... Нынче ночью намечается сходка. Под мостом на Первомайской. Ровно в полночь.

Внутри у меня всё мгновенно вспыхивает, а вся накопившаяся за день хандра испаряется без следа.

— Серьёзно? На своей машине поедешь?

Кстати, именно я помогал Косте отыскать эту праворульную легенду дрифта в каком-то заброшенном гараже под Тимашевском. Она требовала кучи вложений и прямых рук, но с новым турбомотором уже уверенно шла к своему былому величию.

— Гоняться пока не буду, надо ещё движок нормальным топливом заправить да прошивку докрутить, но выставить на показ — обязательно, — Костя небрежно прислоняется к дверному косяку. — Тебе тоже стоит выгулять свою «Бэху».

Моя «Четвёрка» BMW в М-обвесе. Моя сладкая «Ласточка». Боже, да это же самое прекрасное, что вообще есть в моей жизни! Уж чем-чем, а своей малышкой я обожаю хвастаться перед местными.

— Идет, договорились. Главное — миновать Михалыча, — смеюсь я, вспоминая нашего древнего вахтёра-сторожа.

Дедуля Михалыч славится своей медлительностью и вечной дремотой, но, если проснется — сорвёт любой, даже самый гениальный план.

— Давай просто встретимся уже там, на месте?

— Базара нет. — Костя протягивает мне кулак для при-

ветствия и, крутанувшись на пятках, уходит дальше по коридору.

Именно Костя в своё время притащил меня на эти ночные сходки автолюбителей. Настоящий уличный коктейль из нелегальных гонок, жжёной резины, дрифта и выставки крутых тачек. Сам он вынюхал про это подполье благодаря своему небольшому неофициальному бизнесу: Костя промышлял доставкой дефицитных импортных запчастей, редких спортивных глушителей и эксклюзивным чип-тюнингом. Для него эти тусовки были идеальным местом для поиска новых клиентов. А меня он позвал за компанию — потому что я слонялся без дела, злился на весь мир и просто сходил с ума от невыносимой тоски. Не имея возможности драться из-за травмы головы, я вынужден был урезать тренировки, и, кроме редких интрижек с девчонками, в моей жизни не происходило вообще ни-че-го.

Эти автосходки обычно организовывались спонтанно — сарафанное радио мгновенно разносило весть по нужным людям. Костя всегда узнавал обо всём первым, так как его мастерские руки и редкие детали были нужны всем. Для меня эти гонки стали полноценной заменой дракам! Вся эта тема абсолютна нелегальна, отчего кровь в жилах просто закипает от дикого адреналина. Когда толпа перекрывает дороги, а в воздух взлетает рев моторов — начинается настоящий безумный хаос! Конечно, это не совсем то же самое, что честная драка кулаками, но, когда мои пальцы сжимают

руль, а ноздри забивает сладковатый запах палёной резины, я физически ощущаю, как вся моя темнота и злость сгорают без остатка.

Но самое классное во всём этом — мой дорогой братец Глеб даже понятия не имеет о существовании этого мира! Это единственная отдушина в моей жизни, которую он ещё не успел отравить своей желчью.

И пока я дышу, он о ней никогда не узнает.

Глава 2

Оля

— Ты точно всё собрала? Ничего не забыла?

Я с трудом стаскиваю тяжёлый чемодан по крыльцу и пытаюсь подавить то самое нервное, зудящее чувство под кожей, которое с утра упрямо орет мне: *«Беги, беги отсюда, пока можешь!»* Это прямо чудо какое-то, что я до сих пор не испарилась от такого дикого внутреннего напряжения.

— Да мне много и не надо, мам, — отвечаю я, изо всех сил пытаюсь изобразить бодрый оптимизм. — У нас там всё равно строгий дресс-код, форменная одежда каждый день.

Наш старенький деревянный дом за моей спиной выглядит таким же перекошенным и готовым рухнуть в любую секунду, как и моё внутреннее состояние. Жалко ли мне его оставлять? Ни капельки. Знаете эту слащавую поговорку: *«Мой дом — моя крепость»*? Ха! Написавший её явно никогда не видел этого обшарпанного, сквозящего из всех щелей убожества. Он одновременно и слишком шумный, и пугающе тихий. Иногда мне кажется, что от любого более-менее сильного порыва кубанского ветра эта развалюха просто сложится как карточный домик. Я провела здесь последние восемь лет, постоянно пребывая в напряжении, с ноющими от страха костями, мечтательно молясь лишь об одном — выдохнуть хоть на минуту.

Честно говоря, мне хотелось взять отсюда как можно меньше вещей. Это, конечно, глупый и даже немного детский страх — верить, будто липкая тревога и вечный гнёт этого места могут впитаться в одежду, словно въевшийся запах гари, и увязаться за мной. Но я безумно хочу начать учёбу в академии «Олимп» с чистого листа. Без багажа — как в буквальном, так и в переносном смысле.

Подать заявление на грант в «Олимп» было абсолютно спонтанной идеей. Я была уверена, что у девочки из провинциальной глубинки нет ни единого шанса пробиться в элитную академию для золотой молодёжи под конец года. Даже моя родная семья крутила пальцем у виска: мол, куда ты лезешь со своим суконным рылом в калашный ряд? Зачем простой девчонке вроде Оли Свиридовой рваться к снобам и мажорам?

Да затем, чтобы убраться от *него* как можно дальше!

Скрипучая ветхая дверь отворяется с мерзким, пронзительным визгом. За этим звуком сразу же следуют тяжёлые, отмеряющие каждый шаг ступени — его шаги. Я делаю вид, что не замечаю его, направляясь к старенькой «Девятке» отца, стоящей во дворе. Дверца машины скрипит даже хуже, чем петли на крыльце, а в моей ладони остаётся кусочек отслоившейся ржавой краски. Но эта старая колымага всё ещё на ходу! И это единственная вещь, оставшаяся в семье после смерти папы. Не считая моего любимого фотоаппарата, это единственный предмет из прошлого, который я заберу с со-

бой вопреки всему.

— Что, уже лыжи смазала? — раздаётся за спиной его обманчиво-размеренный, глуховатый голос. — А я думал, ты в последний момент струсил и сдашь назад, как всегда.

— Ну чего ты начинаешь, Никит, — виновато встревает мама, утомленно качая головой. — Оля молодец, сдала все вступительные на высший балл. Она очень хочет учиться. — И уже тише, почти умоляюще добавляет: — Пожалуйста, не надо. Хотя бы сегодня.

Я отчетливо слышу в её голосе скрытое раздражение, смешанное с облегчением. Ей и правда станет намного проще, когда я уеду. Больше не придётся разыгрывать роль заботливой матери, не придется прятать взгляд при виде моих ссадин, синяков или ожогов. Она сможет любить меня на безопасном расстоянии — там, где моё присутствие не провоцирует скандалы. У них с Никитой будет отличная, спокойная жизнь. К ней-то он никогда не применяет силу так, как ко мне.

Я откидываю переднее сиденье и пропихиваю чемодан в узкий проём. И хотя я стою к нему спиной, я физически ощущаю его приближение. Всегда ощущала. Дело ведь даже не в самом доме — это выносимо. Невыносимо само ожидания удара. Ощущение приближающейся неизбежности, против которой ты бессильна. Нет, раньше я пыталась бороться. Было время, когда я из кожи вон лезла: ходила на цыпочках, старалась стать невидимкой, превратиться в идеальную, по-

слушную падчерицу. Я наивно думала, будто могу хоть что-то контролировать.

Какая же я была дура.

Желудок сжимается в тугой ледяной узел. Я вожусь с чемоданом, а звук его приближающихся шагов заставляет внутренности скручиваться от паники.

В следующую секунду я ощущаю его горячее, тяжелое дыхание на своей шее.

Кожу мгновенно обсыпает крупной дрожью. Все инстинкты в один голос орут: «*Беги!*», но я знаю — если побегу, будет только хуже. Проверено годами. Его дыхание обжигает шею, словно едкая кислота.

— Давай помогу, криворукая, — произносит он с наигранной заботой.

«*Да чтоб ты провалился, ублюдок*», — мысленно желаю я.

— Я сама справлюсь.

— Да неужели? — Он выхватывает чемодан из моих рук и сам впихивает его в салон.

И тут же, без паузы, его тяжёлая, огрубевшая ладонь мёртвой хваткой впивается между лопаток, больно сжимая мышцы. Со стороны это, наверное, выглядит как обычное отцовское объятие или похлопывание по плечу. Но его пальцы въедаются в кожу до хруста суставов. Мне больно. Но ещё тошнотворнее от самого факта его прикосновения. Я стискиваю зубы до хруста в челюсти, чтобы не закричать, пока

всё тело бьёт мелкая дрожь.

Раньше всё было по-другому. До этого лета Никите приходилось распускать кулаки, чтобы добиться от меня нужного страха. О, и он делал это с большим знанием дела! Чем больше я привыкала к его побоям, тем изощрённее он становился.

Но после того, что произошло той ночью на причале... хватит и этого.

Мне бы оттолкнуть его, вырваться, заехать локтем в дышалку! Но я замерла, потому что на то, чтобы просто дышать, уходят абсолютно все мои силы. Когда он наклоняется к самому уху и ядовито шипит, я не могу сдержать судорожного вдоха:

— Думаешь, удрала к богатеям и стала лучше нас? Да ты назад приползешь на коленях, сопли вытирая! Эти мажоры тебя быстро в грязь втопчут. Ты — никто, слышишь? Пустое место. Ты никому не нужна.

Напоследок он с силой встряхивает меня за шею так, что зубы щелкают. На глаза вопреки воле наворачиваются слезы, но я упрямо молчу. Я молча переносу эту тупую боль в шее, повторяя про себя: это ерунда. Бывало гораздо хуже. Восемь лет я молила Бога, чтобы Никита просто исчез из нашей жизни, но чудес не бывает. Набрав полный рот воздуха, я резко подаюся назад и со всей дуры заезжаю ему локтем прямо в рёбра!

— Ах ты, дрянь сутулая! — шипит он, хватаясь за бок.

Этого замешательства мне хватает: я моментально заскакиваю на водительское сиденье и со всей силы захлопываю дверцу. Мельком бросив взгляд на застывшую на крыльце маму, я завожу двигатель и буквально выжимаю педаль газа в пол. Старенькая «Девятка» взвизгивает лысой резиной, и машина с пробуксовкой вылетает с грунтовки на асфальт. Мне уже плевать, что скажут соседи.

Чем меньше становится фигура Никиты в зеркале заднего вида, тем сильнее кажется, будто вместе с дымом из выхлопной трубы я сбрасываю с себя всю прошлую жизнь. Я вцепляюсь мёртвой хваткой в руль, делаю глубокий вдох и выплёскиваю всё накопившееся в одном единственном, оглушительном крике!

В этом крике больше нет страха. В нём нет боли. Это крик-обещание. Крик-клятва.

«Это в последний раз, — повторяю я про себя, как молитву. — Это был самый последний раз, когда этот урод поднял на меня руку!»

Впервые за долгие годы этот выплеск эмоций заканчивается не слезами, а безумной, торжествующей ухмылкой. Мне даже не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять: сейчас я похожа на настоящую сумасшедшую. Ну и пусть!

Пусть академия «Олимп» считается обителью местной золотой молодёжи и юных Демонов — меня это больше не пугает.

Ведь я только что вырвалась из самого настоящего ада.

Почти вся дорога до академии превращается в медленное, приятное расслабление. Я не ощущала такой свободы с тех самых пор, как не стало моего папы. Кажется, будто теперь я могу всё: поехать на все четыре стороны, стать кем угодно и начать жизнь с чистого листа. Называть это абсолютным счастьем, пожалуй, было бы наивно, но это точно колоссальное облегчение — дикое, опьяняющее облегчение.

Но судьба, видимо, решила проверить меня на прочность.

Ровно за три километра до поселка Терновник моя бедная «Девятка» начинает жалобно чихать, дергаться в конвульсиях и наконец затихает прямо посреди дороги.

Так близко к цели... и так глупо!

— Чёрт, чёрт, чёрт! — стучу я ладонями по рулю.

Кое-как докатившись по инерции до парковки небольшого придорожного кафе, я глушу мотор и замираю, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Отказываясь верить, что этот день может быть испорчен, я запускаю привычную процедуру оживления своей старушки: качаю педаль газа, даю ей немного «отдохнуть», проворачиваю ключ на нейтралке... Увы. Мотор упрямо молчит.

— Серьёзно?! — рычу я, обращаясь к небесам, где кто-то явно решил надо мной посмеяться. — Вы что, даже на один день не можете оставить меня в покое?!

Уронив лоб на прохладный руль, я тяжело вздыхаю и кошусь в боковое окно. Чуть дальше за кафешкой виднеется ещё одна парковка, а у самого въезда аккуратно сложены пи-

рамиды из старых покрышек. Автомастерская! Настоящий гаражный сервис!

Господи, неужели мои молитвы были услышаны?!

— Ну... в общем, спасибо, что забрала меня, — я сжимаюсь на пассажирском сиденье, плотно прижав локти к бокам и переплетя пальцы на коленях. — Знакомство, конечно, вышло так себе. Но я в «Олимпе» всё равно никого не знаю. А так как мне дали твой номер, когда распределяли по комнатам...

— Да ладно тебе, не бери в голову! — легко отмахивается Анна Белова, заправляя прядь ярких рыжих волос за ухо. — Я весь день в четырех стенах просидела, со скуки чуть не взвыла, пока всех дождёшься. Так что сменить обстановку было только в радость.

Она приехала за мной на симпатичном голубом ауди. На дворе январь, поэтому крыша, естественно, поднята. В салоне до сих пор стоит густой, приятный запах дорогой кожи — машина явно только из автосалона. Впрочем, рядом с моей помятой, покрытой ржавчиной «Девяткой» любой автомобиль казался произведением искусства. Я знала, что в академии «Олимп» учатся далеко не бедные дети, но, когда Анна проезжает под массивной кованой аркой на въезде, я окончательно убеждаюсь: поломка моей развалюхи была скорее благословением, чем бедой. Появись я на ней здесь — сгорела бы от стыда на месте.

— А ты... давно в «Олимпе» учишься? — спрашиваю я в вялой попытке завязать разговор.

У нас с этой девчонкой нет абсолютно ничего общего. Анна выглядит ухоженной, милой и какой-то невероятно правильной. У нее аккуратная укладка, стильная женственная одежда и изящные украшения — тонкая золотая цепочка на шее, серебряные серьги-кольца, а ногти покрыты нежно-розовым лаком. У нас дома, в Терновнике, над такими обычно посмеиваются.

На мне же драные джинсы, растянутая футболка с логотипом какой-то рок-группы и джинсовка, которую тамошние «модники», вероятно, назвали бы «винтажным шиком». А для меня это просто «единственная куртка, завалявшаяся в мамином шкафу». Из всех «украшений» у меня — только старый папин армейский жетон с личным номером на шее. Мои ногти без маникюра, а кожа вокруг них огрубела. Здесь, в «Олимпе», девочки вроде Анны наверняка смеются над такими, как я.

— С шестого класса, — отвечает она. — А до этого училась в их начальной школе — она формально другая, но суть та же. Ах да, пару лет назад я ещё на один семестр уезжала по обмену за границу. Но, по сути, я в этом кругу ада кручу всю свою жизнь.

Она с резким свистом тормозит на свободном месте между новенькой «Ауди» и матовым чёрным «Геликом» и открывает багажник. Я выхожу, огибаю машину и достаю свой

чемодан. Уже выдвигая ручку, я замечаю на другой стороне парковки ярко-синюю спортивную BMW M4. Автомобиль выглядит настолько эффектно и агрессивно, что я невольно замираю — мне кажется, я где-то её уже видела.

— Твои слова про «круг ада» — это просто метафора или тут действительно филиал преисподней?

Анна смеётся и указывает мне рукой на мощеную кирпичом дорожку:

— И то и другое! На самом деле всё не так плохо, да и компания у меня сейчас отличная. Хотя пару лет назад тут кипели такие страсти — хоть драму снимай.

Я недоверчиво кошусь на неё боковым зрением. В Анне нет абсолютно никакой неуверенности. Она держится так, будто владеет этим местом. Даже редкие студенты, проходящие мимо, едва достаивают её взглядом — для них она своя.

Чего не скажешь обо мне...

— Тебе бы заклеить это завтра пластырем или надеть на глазник на запястье, — вдруг говорит Анна, кивая на мою руку. — В «Олимпе» видимые татуировки строго запрещены уставом. Полный бред, конечно.

Я опускаю взгляд на своё запястье. Там красуется небольшая татуировка, которую я сделала в память о папе — тонкий силуэт летящего журавля и дата. В нашей стране журавли — это про память о тех, кто не вернулся из боя...

Что ж. Поздравляю себя — это произошло.

В то время я совершала много глупостей, но татуировка — единственное, что осталось навсегда. Я не жалею о ней, но тёмные чернила на коже служат мне двойным напоминанием.

Во-первых, меня больше некому защитить. Никто не встанет между мной и Никитой. Я осталась один на один с этим миром, а значит, должна уметь заново за себя постоять.

Во-вторых, с этой моей реакцией на прикосновения уже ничего не поделать. Я пыталась заставить себя быть как все, изображала нормальность, но стало только хуже. Проще принять всё как есть — сделать это такой же частью себя, как цвет волос или родинка на ключице. У всех есть проблемы. Считается, что мы должны их преодолевать, но иногда это просто невозможно. Иногда единственное решение — избегать триггеров. И это не трусость. Это элементарный инстинкт самосохранения.

Мы идем через территорию, и я признаю: даже посреди зимы здесь невероятно красиво. В нашем Терновнике тоже есть своё очарование, но оно какое-то увядающее. Чтобы увидеть настоящую красоту, нужно встать ни свет, ни заря и встретить рассвет у реки. Тишина, спокойствие, ни души вокруг... Раньше такие утренние вылазки к обрыву с фотоаппаратом и кружкой горячего кофе были единственным, что помогало мне выжить. Но утреннее волшебство быстро таяло, и Терновник снова погружался в привычную серую удушающую тоску.

Для этого я и беру в руки камеру — чтобы удержать прекрасные мгновения.

Здесь же, в «Олимпе», всё выглядит как кадр из дорогого фильма. Передо мной открывается вид на старинную башню с часами — я видела её только на снимках в интернете и в рекламном буклете. Подумав, что это отличное место для кадров, я киваю на башню:

— А туда можно подняться?

На губах Анны появляется загадочная, почти хитрая улыбка, прямо как у героини из сериалов перед важным сюжетным поворотом:

— Технически — да, но, как и всё в этом месте, не всё так просто. Эта башня принадлежит местной элите — «Демонам». Туда никому нет хода, кроме них самих. — Она выразительно смотрит на меня. — Ну, или если тебя лично туда не пригласят.

Что за бред она несёт? Какие ещё «Демоны»?

— Демоны? — переспрашиваю я.

Мой чемодан, который со стуком катился сзади по неровному кирпичу, резко застревает. Я пытаюсь дернуть его, но колесо намертво засело в щели. Анна импульсивно тянется помочь, и её пальцы случайно касаются моей руки.

Я мгновенно отдёргиваю кисть, словно от раскалённого железа.

— Кажется, колесо застряло... — Она встречается со мной взглядом, и я изо всех сил стараюсь сохранить невоз-

мутимое выражение лица. Анна ловко высвобождает колесо из щели и улыбается: — Вот, готово!

Она протягивает мне ручку, и я осторожно беру её за самый край. Дома с этим было проще. Местные и так старались ко мне не лезть. А те, кто лез... Что ж, у нас в Терновнике главное правило — не суй нос в чужие дела и не задавай лишних вопросов. Это целый культурный код. А вот эта девчонка сейчас смотрит на меня так, будто искренне не понимает, почему я вдруг побелела как полотно.

— Спасибо, — выдавливаю я. Сердце колотится где-то в горле, а легкие будто сжало тисками. Нужно срочно перевести тему! Мой наивный план притворяться здесь цельной и нормальной рушится на глазах. — Так что там с этими... Демонами? Что за бред?

— Ах, да, — легко подхватывает Анна, делая вид, будто ничего не произошло. Внешне действительно ничего не случилось — просто я снова повела себя как ненормальная. — Раньше так называли кучку заносчивых мажоров, которые держали в страхе всю академию и устраивали тут свои порядки.

— Обычные хамы с набитыми карманами, — резюмирую я.

— Именно! — Анна ведёт меня к двум внушительным зданиям из красного кирпича, расположенным по бокам от ухоженного парка. — В прошлом году их группировку официально распустили из-за дикого скандала. Столько драмы

было! — Она картинно закатывает глаза. — Но пару месяцев назад они снова активизировались. Похоже, «Демоны» возвращаются.

Я понятия не имею, о чём она говорит, но мысленно делаю жирную пометку: держаться от этой публики как можно дальше. Я приехала сюда, чтобы сбежать от домашнего тирана, а не для того, чтобы влезать в разборки местной золотой молодёжи.

— В общем, — подводит итог Анна, подводя нас к одному из корпусов, над входом в который высечено «Корпус №1». — Не ходи в башню, если не хочешь проблем. И уж тем более не ходи туда без приглашения.

— Поняла, не дура.

Анна широко разводит руки:

— Добро пожаловать в общежитие! Первый корпус — девчачий. Второй, напротив — для парней.

Я поднимаю взгляд на монументальное здание, которое станет моим домом на ближайшие полгода, и делаю глубокий вдох. Я никого здесь не знаю, и меня никто не знает. Идеально. Именно так я и хотела.

По логике вещей, я должна была вырубиться без чувств — хотя бы от осознания того, что Никиты нет за стеной. Но панический страх ушёл, а вот сон всё равно не шёл. Комната казалась чужой, непривычные тени от уличных фонарей скользили по потолку, а тихий шелест одеяла и дыхание Ан-

ны постоянно напоминали: я здесь не одна.

Это глупо. Анна кажется вполне нормальной девчонкой, хоть и слишком контактной на мой вкус. Она постоянно жестикулирует, трогает свои волосы, тянется к вещам... и ко мне. За последние месяцы я довела до автоматизма умение держать дистанцию и не подпускать людей ближе, чем на метр.

Это выматывает. Я лежу, уставившись в белый потолок. Моя ладонь привычно сжата на рукояти перочинного ножа под подушкой — так дети сжимают плюшевую игрушку, пытаясь привыкнуть к чужим звукам. Дома, даже когда Никита вторгался в моё пространство, он был предсказуем. Опасен, но понятен. Узнаваемый враг.

Едва рассвело, я быстро решила одеться. Анна лишь сонно поворачивается на другой бок и натягивает подушку на голову. Я бесшумно выскальзываю за дверь.

Моя цель — передвигаться по академии тогда, когда никого нет: либо слишком рано, либо слишком поздно. Чем меньше людей вокруг, тем безопаснее. Мне нужно выстроить чёткий график, который сводит вероятность случайных касаний к нулю.

Благодаря вчерашней беглой экскурсии Анны я легко нахожу столовую. Забираю свой кофе с рогаликом и прикладываю карточку к терминалу. Загорается зелёный огонёк — доступ разрешён. Система признала меня. Где-то внутри всё ещё зудит подленькая тревога, что сейчас кто-то выбежит и

закричит, что произошла ошибка. В самом деле, с какой стати элитная академия даёт грант девочке посреди учебного года? Да ещё и нищевродке из Терновника?

«Ты — никто, слышишь? Пустое место. Ты никому не нужна».

И всё же благотворительный фонд «Олимп» посчитал иначе.

Вырваться из Терновника было моей давней мечтой, которая казалась абсолютно нереальной минимум до окончания школы. Но я мониторила портал грантов для талантливой молодёжи и случайно наткнулась на экстренный набор в «Олимп». Это была закрытая система предуниверситета: четыре года жёсткой пахоты вместо привычных старших классов, зато выпускники автоматически зачислялись на бюджет в лучший университет края без всяких экзаменов. Место освободилось посреди учебного года — кто-то из местных избалованных деток не выдержал аттестацию и вылетел со свистом, открыв квоту для льготников... Я заполнила анкету просто от безысходности: подходила под критерии малоимущих, имела отличный аттестат и — благодаря портфолио, наскоро отсканированному в сельской библиотеке, — творческий потенциал. Моя «печальная семейная история», вероятно, тоже сыграла роль. Но главное — я безумно хотела вырваться из дома. Да хоть в бытовку на трассе! Если бы меня не приняли сюда, я бы всё равно сбежала. Просто села бы в папину «Девятку» и ехала, пока не

закончится бензин. Когда пришло письмо о зачислении, я не верила своим глазам.

И вот, три недели спустя, я стою среди вековых дубов и старинных зданий. И я пытаюсь понять, как выжить в этом мире богатых деток, тайных клубов и элитного сервиса.

Я толкаю тяжелую дверь на выход именно в тот момент, когда в столовую вваливается шумная компания парней. Идеальный тайминг, всё по плану. Они одеты в красно-чёрные спортивные куртки с вышитыми фамилиями и нагонами — явно местная команда. Парни громко здороваются с поварами, гремят подносами, толкают друг друга в бока. В этом нет агрессии — обычные пацанские дурачества, но внутри у меня всё равно всё сжимается от привычного напряжения.

Выйдя на улицу, я направляюсь к выходу с территории. Мне предстоит пройти три километра до автомастерской, чтобы узнать судьбу «Девятки». Прогулка на свежем воздухе мне не мешает — надо подумать, где взять деньги на ремонт. На карте у меня осталось всего девяносто тысяч рублей — всё, что я успела заработать за лето. А ремонт старых машин — дело дорогое. Я знаю: стоит мастеру залезть под капот, как всплывет ещё куча проблем. Разумнее всего было бы сдать её на металлолом и забыть, но я не могу. Это единственное, что осталось от отца.

Я прохожу уже половину пути, когда сзади раздаётся ба-совитый, сочный рык спортивного глушителя. По асфальту пролетает яркая синяя вспышка. Поток воздуха взъероши-

вает мои волосы и поднимает сухую листву. Я успеваю заметить лишь задний номер, пока машина не скрывается за поворотом: X 001 AM / 123. Ну надо же, регион наш, а замашки — будто ему вся трасса принадлежит.

К тому моменту, как впереди замаячила вывеска придорожного кафе, у меня в голове созревает план. Если ремонт окажется слишком дорогим, попрошу рассрочку. Найду подработку после уроков и буду отдавать частями. Машина мне пока всё равно не горит — я живу в общежитии. Пусть стоит у них, пока не расплачусь.

Я делаю глубокий вдох и перехожу дорогу к сервису. Несмотря на воскресенье, один из боксов открыт, а изнутри доносится громкий тяжелый рок. Мастер говорил вчера, что будет к десяти, а сейчас только полдесятого. Посчитав это редкой удачей, я вхожу в открытые ворота.

Моя «Девятка» висит на подъёмнике, но первое, что я вижу — это парень, склонившийся над капотом той самой синей «Бэхи». Того самого «ХАМа» с первыми номерами.

Услышав мои шаги, он, не оборачиваясь, тяжело вздыхает и отрывисто бросает:

— Не работаем ещё.

И уже тише, себе под нос, но достаточно громко, чтобы я услышала:

— Так что отвали.

На нем потертые, светлые джинсы с бахромой по низу и чёрные кеды. Это явно не шестидесятилетний мастер в сво-

ем засаленном зелёном комбинезоне. Парень тянется к ящику с инструментами, его сбитые костяшки испачканы в масле. Мои инстинкты мгновенно делают стойку — шею обсыпает крупными мурашками. Я делаю шаг назад, решив подождать на улице. Мне нужен воздух.

Нога задевает какую-то железяку, и громкий металлический звон эхом разносится по боксу.

Парень вздрагивает, резко выпрямляется, аккуратно огибая капот, чтобы не стукнуться головой. Первое, что я замечаю — это его пепельные, почти белые волосы, хаотично зачёсанные назад. Но затем я встречаюсь с его взглядом... и весь воздух разом вылетает из моих лёгких.

Эти глаза. Внимательные, пронизывающие и до ужаса знакомые. Даже если бы я не встречала его раньше, я всё равно узнала бы этот взгляд из тысячи.

Взгляд человека, несущего с собой чистый хаос.

Он не становится менее пугающим даже оттого, что его красивое лицо сейчас выражает искреннее удивление. Я автоматически хватаюсь пальцами за челюсть и пытаюсь заставить ноги двигаться. Но моё тело снова отказывается подчиняться.

«Это всё из-за него», — ядовито шепчет разум.

— Чёрт, девчонка, ты меня напугала, — произносит он, вытирая испачканную ладонь о джинсы. — Ты к дяде Саше? Он по воскресеньям позже приходит. Но раз уж такое дело... — Его взгляд медленно скользит по моей фигуре, а тон

мгновенно меняется на обманчиво-наглый флирт: — Может, я могу чем-то помочь?

— Нет, — отрезаю я ледяным голосом, пока ладонь внутри сумки нащупывает рукоять ножа. — Спасибо, твоей «помощи» мне уже хватило.

Он изогнул бровь, подчеркивая тонкий шрам, уходящий к самому глазу. Его оценивающий взгляд снова пробегает от моих кед до макушки, и всё моё тело буквально натягивается, как струна. Я заставляю себя сделать пару шагов назад к выходу.

— Не хочу показаться эгоистом, но вообще-то в этом мире всё крутится вокруг меня.

Воспоминание о его голосе и той ужасной ночи обрушивается на меня, как сорвавшийся с рельсов поезд. А когда он делает шаг в мою сторону, я окончательно теряю контроль.

— Стой где стоишь! — ору я, выхватывая нож из сумки и выставляя его перед собой. — Сделаешь ещё шаг — и я тебе твои фаберже засуну глубоко в горло!

Его наглая ухмылка мгновенно слетает, уступая место злости:

— Ты совсем сдвинулась?! Я просто... — Он замирает, прищуривается, и я вижу, как в его голове крутятся шестерёнки. Напряжение искажает его породистое лицо. Рука с гаечным ключом сжимается сильнее, а в глазах вспыхивает узнавание. Он тихо и грязно ругается: — Вот чёрт...

Он узнал. Вспомнил. Моя челюсть снова начинает болеть

отзываться на это воспоминание. Прошлым летом мне потребовалось три недели, чтобы просто начать нормально жевать, и фантомная боль до сих пор иногда возвращается. Дело даже не в самом ударе — за восемь лет с Никитой я привыкла к боли. Дело в внезапности. В абсолютной непредсказуемости. В осознании того, что люди вроде Никиты могут подстергать меня где угодно.

Я нигде не в безопасности.

Особенно рядом с такими, как он.

— Слушай, — начинает он, поднимая свободную руку в защитном жесте. — В ту ночь на причале в Терновнике... я вообще не хотел...

— Замолчи! — чеканю я. Единственное, что сделает ситуацией ещё хуже — это его лживые извинения. «Извини» — это пустой звук, я слышала их слишком много. — Передай дяде Саше, что я зайду за машиной позже.

Его взгляд коротко мечется к моей машине на подъемнике, а затем снова ко мне. Я использую эту секунду замешательства, разворачиваюсь и выбегаю из бокса на улицу.

Я сделала всё, чтобы вырваться от одного домашнего ублюдка.

И я ни за что не позволю другому испортить мне жизнь здесь.

Глава 3

Сергей

Удерживать себя в руках удавалось с огромным трудом — ровно до той секунды, пока за ней не закрылась дверь гаража. Я и сам толком не понимал, что именно собираюсь сделать, но сжигающий изнутри гнев уже закипал, вырываясь наружу.

Как только она исчезла с глаз, я размахнулся и от всей души швырнул гаечный ключ через всю автомастерскую. Металл со оглушительным грохотом врезался в верстак и отлетел на бетонный пол, перевернув ящик с инструментами.

Не помогло. Вообще нисколько.

Это совсем не то же самое, что впечатать кулак в чужую челюсть и чувствовать, как по жилам разливается дикий, чистый адреналин. Я залез рукой обратно в ящик, вытащил следующий ключ и со всей дури засадил им в ту же точку на стене. Потом ещё один. И ещё. Я уже не разбирал, что именно летит в кирпичную кладку, просто вымещал злость на ни в чём не повинной стене.

Только вот слепая ярость в груди даже не думала утихать.

Сколько бы раз я ни попал в одну и ту же метку, перед глазами всё равно стояло её выражение лица. Будто она увидела не просто призрака из прошлого, а настоящего монстра.

Хотя на самом деле призрака увидел я.

Как, чёрт возьми, иначе объяснить то, что девчонка из

Терновника — моя самая грязная тайна и худший поступок в жизни — только что спокойно зашла в нашу автомастерскую? Я признал её далеко не сразу. Каштановые локоны были темнее, и теперь просто обрамляли бледное лицо. Да и вообще вся она выглядела невероятно уставшей, осунувшейся и какой-то ёжистой. Но вот глаза... Эти большие голубые глаза я узнал бы из тысячи. И страх в них стоял точно такой же, как и в тот день.

Она до смерти меня боится.

Спасибо хоть, что на этот раз заново закричать не успела.

Господи, за что мне всё это?

Сжав зубы, я зарылся пальцами в волосы. Раньше упаковать эту ярость обратно в глухую коробку получалось гораздо быстрее. В те времена, когда можно было просто начистить кому-нибудь физиономию на улице и свалить на него все свои проблемы, жить казалось намного проще. Для такого состояния в умных учебниках по психологии наверняка есть какое-нибудь заумное название. Что-то вроде «синдром избалованного красавчика с поехавшей крышей». А на иллюстрации к этой болезни были бы просто хаотичные, нервные каракули с подписью: *«Прогноз: неизлечимо»*.

Я попытался сделать глубокий вдох. Все вокруг твердят: «Просто подыши, Серёга, успокойся». Самый бесполезный совет на свете! Мои лёгкие тут вообще ни при чём. Но я всё равно сделал вдох, сжимая зубы так, что воздух со свистом протёк сквозь них.

Взгляд случайно зацепился за «Девятку», висевшую на подъёмнике. Та самая, про которую девчонка сказала, что это её машина. Я заметил этот кусок металлолома ещё утром, когда пришёл на смену, и тогда искренне удивился, как эта колымага вообще смогла своим ходом доехать до бокса. Держится исключительно на грязи, ржавчине и честном слове. Краска местами полностью слезла, молдинги оторваны. Настоящее ведро с гвоздями. Хлам.

Но в то же время — настоящий вызов для механика.

Глубокое дыхание не помогло, зато вид этой рухляди сработал как надо. Я посмотрел на покореженный кузов, и в голове сам собой начал крутиться список необходимых работ. Если взяться с умом и вложить кучу сил, кузов ещё можно спасти. Но это если не думать о том, что происходит под капотом. И в салоне, где, скорее всего, всё тоже давно сгнило.

Когда адреналин немного улёгся, я оглядел разбросанные по полу ключи и едва удержался от стоны. Чёрт возьми, дядя Саша меня просто прибьёт. Он и так с трудом терпит моё присутствие в гараже. В свое время мне пришлось применить всё своё обаяние — насколько вообще можно обаять сурового усатого мужика в промасленной робе, — чтобы он разрешил мне арендовать один бокс для работы над моей синей «Бэхой» в М-обвесе.

У людей, повернутых на железе и моторах, есть своё особое братство. Дядя Саша, видимо, почувствовал это во мне ещё в самый первый день, когда я приехал к нему на своей

машине. Лучше всего работать здесь по утрам или поздно вечером: кругом тишина, никаких клиентов. Это моё личное время. Именно поэтому я так взбесился, когда какая-то девчонка забрела в бокс в мои последние двадцать минут вождённого покоя.

Когда у тебя заняты руки, удерживать крышу на месте гораздо проще. Понятная физическая цель, понятный результат. Проблема лишь в том, что свою «Бэxu» я уже довел до идеала — в ней просто не осталось изъянов, исправление которых могло бы заглушить эту тёмную, мутную дрянь, разъедающую меня изнутри. В последнее время я даже начал отбирать у дяди Саши мелкую чужую работу, лишь бы загрузить руки хоть чем-то. Мастерская стала моим единственным спасением за последние адские месяцы.

И теперь в этом спасении появилась она.

От этой мысли стало тошно, а в груди снова вспыхнула злость. Не думая, я поддался импульсу, схватил с пола последний тяжелый ключ и со всей силы засадил им в стену над выходом. Ключ попал аккуратно в плафон указателя «ВЫХОД». Пластик треснул, и осколки с тихим звоном сыпанулись на бетон.

— Это ещё что за концерт с оркестром? — раздался у двери ворчливый голос.

Я опустил взгляд. В дверях стоял дядя Саша в своём бессменном зелёном комбинезоне. Одно плечо приподнято, брови насуплены, в одной руке кружка с чаем, в другой —

бумажный пакет с пирожками. Разбитый плафон над его головой судорожно мигал оставшимися буквами «ВЫХ».

Я запустил пятерню в шевелюру: — Блин.

Единственное, что было хуже этой бешеной ярости в груди — это липкий, тёмный стыд, который всегда накрывал меня сразу после таких вспышек.

После них всегда оставалось тошнотворное ощущение и страх перед самим собой — точно такой же, как раньше, когда я выходил из очередной уличной драки с разбитыми костяшками и окровавленным лицом. Собственно, поэтому я когда-то и начал ввязываться в драки. Когда бьёшь того, кто сам напросился, стыдиться вроде как нечего. И бояться причинить кому-то боль не так страшно, если человек сам подписался на мордобой.

— Так, парень. Я не знаю, какая муха тебя только что укусила, — дядя Саша кивнул на швабру, стоявшую у стены, — но у тебя есть время до полудня, чтобы привести себя и бокс в порядок. Понял?

«Да пошёл ты, старик... Иди к чёрту» — пронеслось в голове. Но я прикусил язык. Если дядя Саша выставит меня отсюда, что у меня останется? Ни тренировок, ни нормальных гонок, ни гаража? Я же просто окончательно свихнусь.

— Понял, дядь Саш, — сквозь зубы выдавил я. — Извините.

Я подошёл, взял швабру и стал собирать разбросанные инструменты. Дядя Саша отошёл в сторону и направился к себе

в каморку, что-то недовольно бурча под нос про современную молодёжь.

Перед тем как начать уборку, я ещё раз взглянул на висящую «Девятку». Что, чёрт возьми, такого в этой девчонке? Почему одно её присутствие вытаскивает из меня всё самое худшее? Одно я знал наверняка: если я хочу сохранить остатки рассудка, мне нужно держаться от неё как можно дальше.

Я вешал последний гаечный ключ на перфорированный щит, когда стрелка старых настенных часов перевалила за двенадцать. Дядя Саша последние полчаса крутился вокруг «Девятки». Ходил с планшетом, что-то записывал, крутил головой и вздыхал. Было очевидно: чтобы поставить эту колымагу на колёса, потребуется проделать гигантскую работу. Ничего удивительного. Я мало что знал про эту девчонку, но она была из Терновника. На таких машинах там ездят не от хорошей жизни, а потому что на другую тупо нет денег.

— Ну что там, всё совсем печально? — спросил я, когда он с грохотом захлопнул ржавый капот.

Дядя Саша посмотрел на меня взглядом, в котором читалось: «Я тебя простил, но нифига не забыл».

— Если не считать кузова, трансмиссию тут с натяжкой можно назвать рабочей, а мотору нужен капитальный ремонт. Короче, без учёта покраски, если собирать из б/у запчастей, я смогу заставить её ехать тысяч за сто пятьдесят. Не меньше. — Он пошел к каморке, но на полушаге обернулся. — Говорить будешь, что утром произошло?

Я качнул головой: — Обещаю, это не повторится.

На парковку перед мастерской въехала машина. Мы оба синхронно глянули в открытые ворота бокса. Я сразу узнал «Ауди» Анны — нашей рыжей соседки. Но вот то, кто вылез с пассажирского сиденья, стало для меня полнейшим сюрпризом.

Девчонка с голубыми глазами.

Мать твою.

Я сжал челюсти, наблюдая, как она прикрывает ладонью глаза от яркого южного солнца.

— Я пойду в подсобку, разберу коробки, которые вчера привезли, — буркнул я дяде Саше.

Он удивленно выгнул бровь: — Чего-то ты вдруг воспы-
лал трудоголизмом?

Я ничего не ответил, просто ушёл в заднюю комнату. В подсобке было небольшое окошко с пыльными жалюзи, выходявшее прямо в бокс. Я встал в тени и приоткрыл одну планку.

Девчонка вошла в гараж. Она нервно оглядывалась по сторонам, и по её напряжённой осаночке сразу было видно: она ищет глазами меня и готовится к худшему. Когда она убедилась, что в боксе только старый механик, её плечи заметно опустились.

Я воспользовался моментом, чтобы получше разглядеть её. Утром, когда она только появилась, я толком не успел ничего сообразить. А ведь она была совсем миниатюрная, ху-

денькая, но держалась так уверенно и дерзко, что этой подчёркнутой колючестью заполняла всё пространство вокруг. Тонкая талия, огромные голубые глаза, пухлые губы, сжатые в поджатую прямую линию. Бледная, чистая кожа и тёмные каштановые волосы, которые лёгкий ветерок хаотично трепал вокруг головы. Подбородок задран, взгляд исподлобья. Типичная порода девчонок, которые при первой же угрозе обещают открутить тебе всё, что плохо висит.

Хорошая новость заключалась в том, что видеть меня она хотела не больше, чем я её. Плохая — если она приехала с Анной Беловой, значит, она теперь учится в Академии «Олимп». И вот тут у меня в голове не укладывалось: как, чёрт возьми, нищая девчонка из Терновника вообще смогла туда пролезть?

— Ну что? — услышал я её голос. Она обняла себя руками за талию — типичный защитный жест, хотя лицо оставалось непроницаемо-строгим. — Сделать что-нибудь можно?

— Сделать-то всё можно, дочка, — ответил дядя Саша, вытирая руки ветошью. — Только с такой машиной это встанет в копеечку. Запчасти сейчас дорогие, а за этой «Ладой», судя по всему, лет десять никто толком не ухаживал. — Он стал перечислять поломки, не жалея красок. С каждым его словом её челюсти сжимались всё сильнее, а в голубых глазах проступала такая беспросветная усталость, что мне на секунду стало не по себе. — В общем, чтобы она хотя бы просто поехала и не рассыпалась на первом перекрёстке, нужно

минимум тысячу сто пятьдесят.

— Блин, — тихо пробормотала она и сжала пальцами переносицу. — Чёрт, чёрт, чёрт...

— Я тут выбросил из сметы пару крупных работ, которые пока терпят, — дядя Саша сочувственно посмотрел на неё. — Может, у тебя отец есть? Давай я с ним поговорю, объясню всё.

Девушка горько ухмыльнулась, дернув уголком губ: — Машина — это моя забота. — Она упёрла руки в бёдра, о чём-то напряжённо думая. — Слушайте, у меня есть часть денег. Ну, почти вся сумма. Но мне нужно немного времени, чтобы достать остаток. У вас есть рассрочка?

Дядя Саша качнул головой и объяснил, что работает только по факту: либо наличка, либо перевод на карту. Никаких долгов.

Как я и предполагал, лишних денег у неё не было от слова «совсем». Потёртые джинсы и кроссовки девушки из Терновника носят не ради модного стиля, а потому что это практично и дёшево. Они там не избалованные мажоры из «Олимпа», им приходится пахать. Но сейчас она стояла посреди бокса с таким видом, будто ждала очередного удара под дых.

Удивительно, но в этот момент я почувствовал к ней странную солидарность. Эта девчонка привыкла, что жизнь постоянно бьёт её по голове. И при всех наших колоссальных различиях, это было то единственное, в чём я понимал её

слишком хорошо. Интересно, стало бы ей легче, если бы она узнала, что карма уже давно всадила мне заготовку в спину по самую рукоятку?

Из своего укрытия я видел, как она пообещала дяде Саше забрать «Девятку» с парковки до завтрашнего дня. Через пару минут они с Анной уже выезжали со двора мастерской.

Когда шум мотора утих, я вылез из подсобки и подошёл к «Девятке». Она была старой, покоцанной, но в этом уродине имелся свой особый характер. В своё время эта машина явно повидала дерьма. Это вам не вылизанные тачки мажоров для понтов. Эта «Лада» действительно жила.

Я поддел пальцами ржавый капот и поднял его.

— Закрывай капот, Серёга. Надо спускать её с подъёмника и выкатывать на задний двор. Завтра заберёт... Если эвакуатор найдет, конечно. — Дядя Саша подошёл ближе и тяжело вздохнул. — Жаль жестянку. В свои лучшие годы, наверное, резвая была машина.

Я молча кивнул, разглядывая подкапотное пространство. Внутри меня снова заворочалось то самое беспокойное, мутное чувство.

— А что, если... — начал я и запнулся. Сделал вдох, колеблясь между желанием влезть в это дело и здоровым инстинктом самосохранения. — Что если я сам её почию? Бесплатно.

Дядя Саша уставился на меня так, будто я только что предложил ему розетку пальцем поковырять: — Это ещё с

какого перепуга?

Потому что мне скучно. Потому что в моей «Бэхе» больше не осталось косяков, ремонт которых мог бы заглушить эту тёмную хрень у меня в душе. Потому что я терпеть не могу, когда что-то ломается и выбрасывается на свалку просто так. И ещё потому, что у этой машины есть какая-то дурацкая, отчаянная гордость. Точно такая же, как у её хозяйки.

Но вслух я сказал другое: — Я всё равно оплачиваю аренду этого бокса. Поставлю её к себе. На моей машине делать больше нечего, а мне нужен новый проект. Чтобы руки заняты были.

Дядя Саша с подозрением сощурился: — Ты что, запал на эту девчонку?

— Нет, — отрезал я, а затем натянул свою фирменную наглую улыбку Вилкова. — Вы правда думаете, что она в моём вкусе?

— Я думаю, что такому олуху, как ты, ещё повезти должно, чтобы такая девчонка на тебя хотя бы посмотрела, — дядя Саша махнул рукой. — Ладно. Бокс твой, крути что хочешь.

— Только уговор, — быстро добавил я. — Вы скажете ей, что сами договорились с каким-то поставщиком. Скидку сделали, или детали б/ушные дешево нашли... Короче, придумайте что-нибудь. Главное, чтобы она не знала, что это делаю я.

— Так ты всё-таки на неё запал? — Дядя Саша покачал

головой. Похоже, произвести на этого старика хорошее впечатление у меня не выйдет никогда в жизни. Он меня совершенно не боялся и на мои ужимки не покупался. — К чему эти секреты? Почему нельзя просто побыть добрым дядей?

— Потому что, если она узнает, что это я — она винтика из моих рук не примет.

Смех дяди Саши прозвучал так же сухо и скрипуче, как петли на капоте «Девятки»: — А-а, вот оно что... Ну, дело ваше, молодое. Вечно вы всё усложняете. — Он развернулся к каморке. — Ладно, соображу что-нибудь. Девчонке всё равно деваться некуда.

Дядя Саша был прав. Всё было сложно. Вот только совсем не так, как он себе напридумывал. Проще всего было бы сказать, что я накосячил перед ней в прошлом, сильно обидел, а теперь пытаюсь искупить вину и очистить совесть. Выглядело бы красиво.

Но я смотрел на эту разбитую, ржавую «Девятку» и понимал: при всех её смертельных болячках, отремонтировать этот кусок железа — самое простое, что каждый из нас мог бы сделать в своей жизни прямо сейчас.

Планирование работы всегда действовало на меня успокаивающе. Кузов — фигня, с ним подождать можно. Главное — оживить сердце машины.

То, что находилось под капотом этой «Лады», напоминало монстра Франкенштейна. Я ковырялся там около часа, просто поражаясь местному «колхозу». Неродные детали от со-

вершенно других машин, патрубки, замотанные изолентой и стянутые строительными хомутами, а вместо крышки расширительного бачка — пробкой от пластиковой бутылки. Полный абзац.

— Тебя вообще хоть кто-то уважал, а? — спросил я у машины.

Машина, естественно, молчала.

Вскоре я окончательно подтвердил диагноз дяди Саши. Генератор накрылся медным тазом. Но даже если бы он был жив, втягивающее реле стартера сдохнет со дня на день, а замок зажигания рассыпается от старости. Короче говоря, тут был полный заговор запчастей с целью никогда больше не заводиться.

Любой другой механик на моём месте просто выкинул бы этот хлам и всадил туда новые узлы в сборе. Но во мне проснулся спортивный азарт. Я решил перебрать генератор и стартер вручную.

Дядя Саша, увидев это, только поморщился: — Не майся дурью, Серёга. Купи на разборке рабочие за пару тысяч, поставь и забудь.

— Не-а, — возразил я, пробираясь ключом к болтам генератора. — Тут и так оригинального ничего не осталось. Хочу сделать нормально.

— Это не выставочный экспонат, это старая развалюха! Ей просто надо довезти девчонку из точки А в точку Б! — Дядя Саша был прагматиком до мозга костей. Для него

машина — это просто средство передвижения. Она должна быть надёжной и выполнять функцию. Наверное, сорок лет работы в автосервисе и общение с бедными клиентами делают прагматиком кого угодно.

Надёжность — это здорово. Но у машины должна быть душа.

— Я всё понимаю, дядь Саш, правда, — я улыбнулся, вытирая испачканные в масле руки ветошью. — Но почему бы и нет? Ну посмотрите на неё...

Дядя Саша только покачал головой: — Хозяин — барин. Твоя жизнь.

«Только иногда», — мысленно ухмыльнулся я, погружаясь с головой в работу.

Глава 4

Оля

— Ну что он сказал? — спросила Анна, едва я переступила порог нашей комнаты.

Я выходила в коридор, чтобы ответить на звонок из автосервиса, и, честно говоря, готовилась к худшему — к очередной астрономической сумме. Я же прекрасно знаю, в каком состоянии моя машина. И расставаться с ней, даже временно, всё равно больно.

Но сейчас я стояла посреди комнаты и в полном оцепенении тарасилась в экран телефона.

— Он... передумал? — вырвалось у меня.

Анна нахмурилась.

— Передумал чинить? — в её голосе было столько недоверия, что любой другой на моём месте, наверное, обиделся бы. А у меня от смеха аж грудь защекоотало. Да ну, она же абсолютно права!

— Передумал насчёт цены, — пояснила я, падая в старенькое вращающееся кресло у письменного стола. — Сказал, что сделает хорошую скидку, если я разрешу машине постоять у них пару недель. И вроде упомянул, что нашёл на авторазборке подержанные детали — они гораздо дешевле новых. Не знаю, как так вышло, но теперь я точно смогу всё оплатить.

Лицо Анны озарилось искренней, светлой улыбкой:

— Оля, ну это же просто супер! Я же видела, как ты дергалась. Представляю, какой груз с души упал!

«Эх, Ань, ты даже близко не представляешь...» — подумала я про себя.

Анна совсем не похожа на девчонок из моего родного посёлка Терновник. Мы знакомы всего ничего, но она настолько эмоциональная, яркая и дотошно настоящая, что злиться на неё просто невозможно. У неё все чувства — как на ладони. Вплоть до искреннего расстройства, когда я вежливо отказалась взять у нее деньги в долг на ремонт. Я в жизни не встречала людей, готовых без лишних вопросов перевести абсолютно незнакомому человеку пару десятков тысяч рублей.

Она просто не способна понять моё финансовое положение. Я ездила на её чистенькой машиночке, видела гардероб, забитый брендовыми вещами, золотые колечки на её пальцах. Телефон — последней модели, ноутбук и умные часы — тоже. И я ни в коем случае не завидую! Поступая в такое место, как Академия «Олимп», я отлично понимала, куда и к кому иду. Она не виновата, что родилась в богатой семье. Но эта пропасть между нами ощущалась буквально кожей. Студенты «Олимпа», кажется, могут спустить тысяч пятьдесят за вечер на кофе и тусовки и даже не заметить.

И всё же, пусть Анна и далека от моих суровых реалий, в одном она права. Чувствуя, как плечи наконец расправля-

ются, я с удовольствием крутанулась на кресле.

— По крайней мере, мне не нужно бежать искать работу прямо сегодня, высунув язык. Можно спокойно обустроиться и выдохнуть перед учёбой.

Я подтянула к себе картонную коробку из-под обуви и принялась разбирать рулончики фотоплёнки, сортируя их по важности. Дома мне приходилось отправлять их в соседний райцентр, чтобы проявить, а в «Олимпе» есть целое творческое крыло с отличной тёмной комнатой и реактивами.

— Вот только с чего вдруг дядя Саша так резко сменил гнев на милость? — задумчиво пробормотала я.

Анна ослепительно улыбнулась:

— Ну-у-у... может, он просто добрый человек?

Я еле сдержалась, чтобы не посмеяться ей прямо в лицо. Доброта без выгоды и второго дна? Ох уж эти наивные сказки богатых девочек!

— Спорить не буду, — как можно дипломатичнее ушла я от ответа. — Но поверить в это трудно. Особенно учитывая, какой отпетый хапуга и хам у него там работает.

Стоило мне только расслабиться и поверить, что я наконец-то в безопасности, как судьба-злодейка столкнула меня нос к носу с единственным парнем, который смог напугать меня едва ли не сильнее, чем отчим Никита. Самое паршивое в этом — накативший липкий ужас. Паника. Тошнотворное осознание собственной беспомощности.

— Хам? — Анна удивлённо нахмурилась. — А что слу-

чилось?

Я не рассказывала ей про свой первый визит в автосервис. Она просто предложила подбросить меня туда на машине, а я, протопав с утра километров шесть пешком, с радостью согласилась. Я отложила коробку с плёнками на стол и тяжело вздохнула:

— Да вообще бредовая история... Прошлым летом у нас в посёлке, я пересеклась с одним типом. Он приезжал к нам на реку на каникулы. Мы оказались на одной вечеринке, и там... — я осеклась.

Произносить это вслух оказалось сложно. Зачем вываливать душевную грязь на человека, который и так вчера видел меня не в лучшем виде? Я до сих пор сгорала от стыда, вспоминая, как Анна разглядывала синяки от пальцев Никиты у меня на шее. К счастью, она решила, что это просто бурный засос.

Но Анна уже подалась вперёд, сгорая от любопытства:

— И что было дальше?

— Ну... ко мне начал цепляться один местный дурак — сыночек маминого знакомого, — неохотно продолжила я. — И вдруг ни с того ни с сего влез этот тип. Влез и устроил настоящую драку.

«Устроил драку» — это ещё мягко сказано. Я до сих пор помню его улыбочку: губы растянуты в дружелюбном оскале, а глаза холодные, жуткие. Вся его фигура буквально вибрировала и гудела, как провод под высоким напряжением.

Плечи подрагивали от нетерпения. Он не просто вступился. Он искал повод подраться. Настоящий безумец.

Я видела этот взгляд у Никиты тысячу раз. Этот голодный блеск в глазах, после которого ты понимаешь: как бы идеально ты себя ни вела, как бы тихо ни сидела — это ничего не изменит. Если Никите нужен повод сорвать злость, он его найдет.

— Он сделал вид, будто защищает меня, хотя на самом деле у него просто чесались кулаки. Да ещё и дерзил направо и налево. — Я потянула рукава толстовки вниз, прикрывая запястье с татуировкой в виде летящего журавля. — В общем, я органически не переношу драки. И так жизнь не сахар, понимаешь?

Анна понимающе кивнула, хотя, конечно же, ничего она не понимала.

— И этот агрессивный наглец сделал и без того поганую ситуацию просто невыносимой. Ну я и...

— И что ты сделала? — Анна едва ли не подпрыгивала на кровати. Ей не хватало только ведра с попкорном — смотрела на меня так, будто я пересказывала ей сюжет драматического сериала.

— Я попыталась их разнять и влезла между ними, — я притронулась пальцами к скуле, где до сих пор, кажется, отзывалась фантомная боль. — И этот урод развернулся и врезал мне. Наотмашь.

Челюсть тогда треснула, болела несколько недель и до сих

пор ноет на холодном воздухе. Но самым страшным был даже не сам удар. А этот дикий, первобытный страх. Прикосновение чужой агрессии. Я годами запихивала свой ужас в самые дальние уголки души, спрессовывала его там, но контролировала. Держала под замком.

А один его сокрушительный удар разбил эту защиту вдребезги. Теперь я даже от обычного рукопожатия готова подпрыгнуть на месте. Вот в чём главное преступление. И Анне этого точно не объяснить. Да я и сама толком не могу понять, как с этим жить.

Анна подтянула к себе подушку и обняла её:

— Подожди... Ты хочешь сказать, что этот самый тип теперь работает в нашем гараже?

— Представь себе, — я передёрнула плечами. — Захожу я туда, а там он. Не сразу меня узнал, но потом дошло.

А вот я узнала его мгновенно. Стоило его красивому — даже слишком красивому, точно злодей, сошедший с экрана — лицу показаться из-под капота. Дьявол в ангельском обличье. Всё такой же взвинченный, опасный и непредсказуемый. Мне кажется, моё тело подсознательно распознало его ещё до того, как я разглядела черты лица — сердце просто ушло в пятки.

— Паршивый хам, — сквозь зубы процедила я.

— Ужас какой... — Анна сочувственно вздохнула, хотя её голос звучал как-то натянуто. Она слегка побледнела — похоже, в её идеальном мирке о таком обычно не говорят.

— Но... может, у него просто был тяжелый день? Или свои какие-то проблемы, с которыми он не может справиться?

Я только рот открыла от изумления. Анна оказалась не просто доброй, а невероятно, катастрофически наивной! Должно быть, приятно жить в мире, где злодеи — это просто «непонятые мальчишки с проблемами», которым нужно дать немного тепла и понимания.

Да сейчас, ага! Бегу и падаю.

— Даже если у него куча проблем, это не значит, что они должны стать моими, — твёрдо отрезала я. — В любом случае, я сделаю всё, чтобы держаться от него как можно дальше. Последнее, что мне сейчас нужно — это очередной токсичный агрессор, который не умеет держать себя в руках.

Я мельком взглянула на Анну, испугавшись, что сболтнула лишнего, но та лишь задумчиво крутила золотое колечко на пальце. Да уж, вряд ли она поймёт мои страхи. Но я приехала сюда начинать новую жизнь, а значит, старые привычки прятаться и молчать пора выкидывать на свалку. Время ставить границы. Жестко и сразу.

Правило номер один: руками меня не трогать. Правило номер два: никаких придурков в радиусе километра.

К вечеру общежитие гудело как улей — возвращались студенты. Анна, как выяснилось, местная звезда: красивая, общительная, душа компании. К нам в комнату без конца кто-то заглядывал поздороваться.

С одной стороны, я наблюдала за ними с невольным любо-

пытством. Девчонки без стеснения валились на чужие кровати, брали вещи без спроса, постоянно обнимались, гладили друг друга по волосам. В этой естественной близости было что-то абсолютно чуждое для меня. Я чувствовала себя исследователем из передачи про животных, который наблюдает за повадками редкого племени.

С другой стороны, внутри меня закипала глухая, бессильная злость. Я понимала: соседи — это неизбежные компромиссы. Анна имеет полное право принимать гостей, это и её дом тоже. Но от этой суеты мне хотелось орать, ходить взад-вперёд и кусать локти. «Выметайтесь отсюда!» — крутилось в голове. Личное пространство, которого и так было на полметра, сжималось до размеров спичечного коробка. Я изо всех сил пыталась изобразить на лице непринуждённую вежливость, но судорожно хрустела пальцами и, кажется, выглядела как маньяк на допросе.

Интересно, что бы сказала Анна, узнай она, что тот «парень с проблемами» — главная причина, почему у меня сейчас от паники сводит лёгкие?

Тут в комнату буквально влетела девушка в красно-чёрных клетчатых пижамных штанах и очках в толстой оправе. Её зову Карина.

— А где Вера? — спросила Карина, забираясь в ноги к Анне. — Вы же вроде нормально ладили?

Мне и самой было любопытно, но спросить казалось нескромным. Карина мне сразу понравилась — простая и

прямая.

— Переехала к Даше, когда у той ушла соседка, — ответила Анна. Она стояла у шкафа, переодеваясь в майку. Когда она нагнулась, над поясом её шорт мелькнул край татуировки на пояснице, но разглядеть рисунок я не успела. — Вера заявила, что ей не нравится, будто я «постоянно привожу парней».

Анна закатила глаза и поглядела на меня:

— Если что, их было всего двое... ну, может, трое! И я специально выбирала выходные, когда её не было! Никто её вещи не трогал!

Я аж скривилась. Парни? В нашей комнате?! В моём личном пространстве?! Внутри всё сжалось от ужаса. Но потом я вспомнила, как Анна без колебаний предлагала мне свои деньги, и заставила себя выдохнуть. Ладно. Надо просто договориться.

— Слушай... давай просто не тогда, когда я здесь, ладно? — постаралась я сказать, как можно спокойнее. — Предупреди меня заранее, и я с радостью уйду погулять или в библиотеку, чтобы никого не смущать.

Анна даже просияла:

— Серьёзно? Вот это круто! Слушай, если тебе самой понадобится комната для свидания — только скажи, я освобожу!

— Ой, нет-нет! — я аж руками замахала. — Свидания — это вообще не про меня. Точно не в этом году.

Карина хмыкнула:

— Ну, то, что устраивает Анна, свиданиями назвать трудно...

— Эй! — шутливо возмутилась Анна, но тут же усмехнулась. — Ладно, урыла. Но что плохого в том, чтобы погулять, пока не найдёшь того самого?

Девочки переключились на обсуждение общих знакомых. Какая-то Влада закончила стажировку. Её парень Роман подарил ей на Новый год портрет её кота. Пара по имени Тимур и Арина всё ещё вместе, и ходят слухи, что он собирается подарить ей то самое кольцо с символикой их компании.

Я закончила раскладывать плёнки и повернулась, когда девчонки резко утихли. Они шептались, склонившись друг к другу, с самыми серьёзными лицами. Какая-то личная тайна, не для чужих ушей.

Как ни странно, я почувствовала облегчение. Вся эта демонстративная открытость начала меня утомлять. Секреты, личные границы, дистанция — вот это мне куда привычнее.

— Я, пожалуй, пойду пройдусь по территории, пока не стемнело, — сказала я, поднимаясь. Заодно дам им пошептаться. Да и мне самой полезно побыть одной после такого сумасшедшего дня.

Я захватила куртку, фотоаппарат и попрощалась с Кариной.

На улице царствовал суровый февраль. Голые деревья стояли как часовые вдоль старинных корпусов академии. Я

сделала пару кадров, пытаясь передать эту строгую, немного готическую атмосферу «Олимпа».

Чтобы не пересекаться со студентами, я свернула с главной аллеи на протоптанную тропинку, ведущую в обход зданий. Где-то за столовой, откуда доносился гул вентиляции и запах жареного масла, виднелась густая берёзовая роща.

Я уже собиралась сделать шаг к деревьям, как заметила движение. Тёмный маленький силуэт замер в сухой траве. Я притаилась. Чёрный кот! А в пару метрах от него, на стволе старой ивы, пристроился второй — беленький с рыжими пятнами.

— Эй, пушистые, вы чего тут выслеживаете? — тихонько позвала я.

Чёрный котяра вздрогнул от моего голоса и отскочил ближе к дереву, недоверчиво сверкая глазами. Оба выглядели худощавыми, но не истощёнными. Типичные прикормленные коты: не совсем дикие, но и в руки не дадутся.

У рыже-белой кошечки бока выглядели подозрительно округлыми — похоже, скоро будет пополнение. Я присела на корточки, чтобы не казаться большой и страшной, и подняла фотоаппарат:

— Тоже не любите шумные компании, да?

Щёлк. Ещё кадр. Они позировали идеально, застыв как изваяния. Я израсходовала на них почти всю плёнку и ни капли не пожалела. У чёрного были огромные янтарные глаза, а у кошки — потрясающие, изумрудно-зелёные.

Я просидела с ними минут пятнадцать, но подходить ближе они не собирались. Ну и ладно. Я их понимаю. Я и сама не люблю, когда ко мне лезут с нежностями. Людям верить опасно — даже самые близкие могут в любой момент сделать больно.

Из-за кустов выскользнул третий кот — дымчато-серый. Стало совсем темно.

— Ну всё, мне пора, а то замерзну. В следующий раз принесу вам сосиску или лакомство, идёт?

Коты посмотрели на меня как на сумасшедшую. Возможно, так оно и было. Приехать в эту элитную академию — безумное, отчаянное решение. И вот итог: машины нет, денег впритык, а прошлые страхи нагнали меня и здесь.

Но завтра начинается учёба. И какая разница? Главное — я здесь ради образования. Я вырву этот шанс зубами.

Я пошла обратно. За спиной чувствовались внимательные взгляды жёлтых и зелёных глаз. И впервые за всё время пребывания в «Олимпе» мне почему-то перестало быть так одиноко.

Глава 5

Сергей

Я дождался, пока главный холл наполнился шумной толпой студентов, и только потом начал пробираться сквозь эту живую стену в сторону корпуса естественных наук.

Первой, кого я заметил, была Алла Милославская. Яркая помада на губах, волосы собранные в высокий хвост, и юбка такой длины, что еле прикрывает бедра, несмотря на февральский холод за окном. В нашей компании «Демонов» это никогда не проговаривалось вслух, всё выходило само собой: мы держимся вместе и своих в обиду не даём. Но после того как осенью на дискотеке в честь начала учебного года Алла попыталась влезть в отношения Максима и Таисии и едва не разрушила всё, что между ними только зарождалось, мы начали избегать её как чумы. Влезать в чужую пару — это край.

Я попытался вильнуть в сторону, надеясь, что она меня не засечёт.

— О-о-о, Серё-ё-ёжа-а-а! — раскатисто протянула она.

— Чёрт бы тебя побрал, — пробормотал я под нос и оглянулся, наградив её самым мрачным взглядом из своего арсенала.

Этой девице хоть колом на голове теши. На мою угрюмую физиономию она даже не обиделась — только просияла во весь рот и помахала мне пальчиками. М-да, интрижка с ней

прошлым летом — официально худшее решение в моей жизни.

Вдруг чья-то хватка железной петлёй сжалась на моём запястье и бесцеремонно дернула меня назад, зажав между железными шкафчиками.

— Ой! — я демонстративно потер плечо, напустив на себя обиженный вид. — Вообще-то больно!

— Хватит паясничать, Вилков, — фыркнула Тая. — Мы оба знаем, что тебе хоть бы хны.

Вся тяжесть и накопленный за утро стресс моментально испарились. В груди потеплело.

— Тая! Ты вернулась! — я широким жестом загреб её за плечи. — Ну как ты? Доктор там не сильно тебя замучил?

Таисия тут же сдвинула брови и приложила палец к губам:

— Потише ты, балабол!

— А, точно, молчу, — быстро поправился я.

Никто в академии не должен был знать, что Тая проводила зимние каникулы в закрытом реабилитационном центре, восстанавливаясь после жёсткого курса обезболивающих, на которые подседа из-за травмы.

— Как отдых-то? — перешёл я на полушёпот.

— Нормально, — ответила она. И хотя уголки её красивых голубых глаз слегка напряглись, тон звучал вполне искренне. — Честно говоря, всё прошло куда лучше, чем я думала. Никаких слёзных исповедей в кругу, еда отличная, да и вообще...

Я прищурился, разглядывая её:

— И-и-и?..

Тая мгновенно залилась румянцем — привычка, которая у неё осталась ещё с тех времён, когда она была просто скромной младшей сестрёнкой нашего авторитетного Тимура Тулеева. Нынче-то она полноправный «Демон» и одна из самых популярных девчат в «Олимпе», но эта детская непосредственность в ней всё ещё жила.

— Не знаю... Просто чувствую себя легче. Будто снова могу со всем справиться.

— А раньше не могла, что ли? — хмыкнул я, хотя прекрасно понимал: зависимость — это хитрый и паршивый зверь. Проблема в том, что Тая всегда держала всё в себе, и хрен бы кто догадался, через какой ад ей пришлось пройти.

В этот момент на моё плечо опустилась тяжеленая ладонь. Меня без лишних церемоний оттерли в сторону, и Максим Сивов притянул Таю к себе за талию, наградив меня взглядом исподлбья.

— Вилков, — отчеканил он с командными интонациями.

— Сивов, — в тон ему отозвался я с лёгкой подначкой.

Кадетская академия «Хребет», где он раньше учился, въелась в него намертво. Будь я на его месте, я бы тоже потерял чувство юмора. И уж точно не подпустил бы к своей девчонке такого кадра, как я. Тая — золотая девчонка, но для меня она давно как младшая сестра. Никакого романтического подтекста.

— В столовой пересечёмся, — произнёс я, заметив в конце коридора знакомую яркую копну рыжих волос. — Займите мне местечко!

Я быстро нырнул в сторону, пока Максим и Тая не начали устраивать тут публичные нежности. Боже, они настолько милые, что хочется сделать фото на память, а потом долго вытирать слезы умиления. Ладно, признаю: я просто немного завидую. Ребята счастливы, у них всё отлично, а я... А я снова влип по самые уши.

Я подплыл к Анне как раз в тот момент, когда она набирала код на замке своего шкафчика. Заметив меня, она усмехнулась:

— А, Серёжа. Я так и знала, что ты притащишься.

Я вальяжно оперся плечом о дверцу соседнего шкафчика, включив режим неотразимого кавалера:

— Неужели скучала?

— Да нет, просто ждала, когда самый невезучий парень на Кубани решит нанести мне визит. — Замок щёлкнул, и она распахнула дверцу.

Я протянул руку и аккуратно заправил рыжую прядь ей за ухо, обворожительно улыбнувшись:

— Ну почему сразу невезучий? Ты же сама выбрала меня для той памятной посиделки на лестнице у Южного корпуса? По-моему, удача тогда была на моей стороне.

Раньше, стоило мне начать флиртовать с Анной, она тут же заливалась ярким румянцем. Её светлая кожа, усыпанная

веснушками, становилась алой за секунду, и смотреть на это было одно удовольствие. Эх, жаль, что до чего-то большего обычных поцелуев у нас так и не дошло.

Теперь же она лишь закатила глаза, оставаясь абсолютно равнодушной к моим ужимкам:

— Вилков, мы же всё обсудили. Было весело, но...

— Но ты не влюбилась, мы остаёмся друзьями, бла-бла-бла, — я закрутил пальцами в воздухе, изображая болтливый рот.

Да я и сам не сох по ней. Поцеловались и разошлись, делов-то. Анна — девчонка классная, фигуристая, целуется отменно, милая до невозможности. Но встречаться с ней — это всё равно что поднести спичку к канистре с бензином. В её глазах иногда вспыхивает такой безумный, азартный огонёк, что я понимал: мы слишком похожи. А мне нужны совершенно другие девчонки.

Тая с её тихой нежностью — это идеал для Максима. Анна с её чертинкой — на любителя. А вот мой личный идеал — это эдакая капризная, недоступная красотка на пассажирском сиденье моей тюнингованной «бэхи», которая смотрит на всех свысока, как королева. Да, банально, ну и что? Сердцу не прикажешь, а уж гормонам — тем более.

— Я помню, уговор есть уговор, — усмехнулся я. — Но вернёмся к моим баранам...

— Ты про свой самый страшный и постыдный секрет, который теперь ходит по коридорам нашей академии? — пе-

ребила Анна, доставая учебники и бросая на меня понимающий взгляд.

Я насупился и воровато огляделся по сторонам:

— Именно. Когда ты узнала?

— Вчера вечером, когда мы вернулись в общежитие, и Оля рассказала мне про какого-то хама из автомастерской, с которым она имела удовольствие пересечься прошлым летом. А потом, совершенно случайно, ей позвонил дядя Саша и сообщил, что сделает огромную скидку на ремонт её машины. Ничего не хочешь мне объяснить, благодетель?

Я сжал челюсти:

— Не начинай.

Если бы Анна видела, как эта девчонка отлетела на землю от моего удара прошлым летом, как лежала без движения, как потом кричала...

Нет. Для меня это вообще не тема для шуток.

— Слушай меня внимательно, Серёж, — Анна захлопнула дверцу шкафчика и с лёгким щелчком крутанула замок. На её лице не осталось и следа от привычного веселья. — Я не знаю, что ты там затеял с её автомобилем, но мой тебе совет: держись от неё подальше. Оля — девчонка с непростой судьбой, и судя по всему, ты — последний человек на планете, которого она хочет видеть.

Я стиснул зубы. Она права. Я и сам понимал это головой, но машина... Чёрт возьми, я уже увяз по уши! Я обещал дяде Саше, что сам переберу этот движок. Это теперь и моё дело

тоже.

— Погоди, — до меня вдруг дошёл смысл её слов, и я вылутился на Анну. — Ты сказала... Оля? Ее зовут Оля?

Что за простое русское имя для девицы, которая выглядит так, будто готова перегрызть мне горло при первой же встрече?

— Ага, Оля Свиридова, — Анна ткнула меня пальцем в живот и хитро подмигнула. — Хорошо, что ты у нас не любитель простых девчонок, да?

И она упорхнула по коридору прежде, чем я успел что-либо ответить.

Прозвенел звонок, не оставив времени для размышлений. Следующей строгой строкой в моём расписании числилась литература у Аллы Михайловны Розановой. Начало семестра, и попадать к ней в чёрный список с первого же дня не входило в мои планы.

Я развернулся и неспешным шагом направился в кабинет. На пороге кивнул Максиму, вытянувшему длинные ноги на пол-прохода, и на ходу стукнул по парте Лилии Герман. Лилия наградила меня сдержанной полуулыбкой. Расстёгнутая на одну пуговицу больше нормы блузка смотрелась на ней весьма эффектно — дресс-код академиков явно трещал по швам.

Я уже подходил к своему любимому месту — последняя парта у окна, — как ноги мои буквально приросли к полу.

Ну надо же! Невезучий парень — это мягко сказано!

Прямо предо мной, на предпоследней парте, восседала Оля. На ней была стандартная форма нашей академии: клетчатая красно-чёрная юбка, белоснежная блузка и гольфы. Но моё внимание приковали её ботинки — тяжелые, чёрные, на массивной подошве и с потертыми носками. Очень гармонично смотрятся с академическим шиком, ничего не скажешь.

Я поднял взгляд. Её лицо было окаменевшим, а на щеках пылал алый румянец.

Алла Михайловна поверх очков строго посмотрела на меня:

— Вилков, ты почему застыл посреди аудитории с открытым ртом?

— Никак нет, Алла Михайловна, — я моментально натянул на лицо самую обаятельную из своих улыбок. — Просто люблюсь одноклассниками после долгих каникул!

Проходя мимо Элины Максимовой, я легким касанием задел её шарф:

— Элина, шарфик — просто блеск! Алиса, отлично выглядишь!

Я кивнул в сторону галёрки, где восседал Максим, мрачно следивший за каждым моим движением:

— Максим, а ты сегодня прямо светишься! Видно, каникулы прошли с пользой!

— Вилков, — сквозь зубы процедил Сивов, — ей-богу, замолчи...

Я делал всё возможное, чтобы заболтать строгую учительницу и отвлечь класс, потому что аура тёмной ненависти, исходявшая от парты Оли, ощущалась почти физически.

— Вилков... — голос Аллы Михайловны Розановой стал твердым.

— И вы, Алла Михайловна! — я замер у своей парты, приложив руку к сердцу. — У вас новая брошь? Как подходит к вашим глазам! Ваш супруг явно знает толк в подарках!

С этими словами я быстро прошмыгнул на своё место, надеясь, что мой экспромт спасёт ситуацию и никто не заметит дикого напряжения, висевшего в воздухе.

Прозвенел второй звонок, и Алла Михайловна начала урок. Я достал тетрадь и ручку, открыв чистый лист. Аудитория погрузилась в рабочую атмосферу. Обычно мне трудно удерживать внимание на литературе, но сегодня сконцентрироваться было просто невозможно.

Я откинулся на спинку стула, вытянул ноги и стал крутить ручку между пальцами. Оля впереди резко дернулась, издала сухой, напряжённый выдох и с силой притянула свой рюкзак ближе к себе, будто защищая его собственным телом. Эй, ты чего? Думаешь, я у тебя портфель отберу? Нет, милая, это вон Сивов сзади сидит, он может, а я честный малый.

Я знал, что эта Свиридова — девчонка хрупкая. Это было слишком очевидно ещё прошлым летом. Но сейчас, когда она сидела прямо передо мной, она казалась ещё меньше. Узкие плечи, тонкая шея, крошечные серебряные колечки в

ушах. Я уставился на её густые тёмные волосы, спадавшие на спину, гадая, каким образом девчонка из глухого Терновника оказалась в элитной академии «Олимп»?

Здесь мой дом. Это моя территория. А вот она тут явно чужая.

Оля слегка повернула голову, и кончики её волос соскользнули на край моей парты. Я вытянул ручку и, подавшись глупому импульсу, осторожно коснулся кончиком стержня её темных, шелковистых прядей. Провел сверху вниз, наблюдая, как волосы рассыпаются под пластмассовым корпусом...

Хлоп!

— ТЫ С УМА СОШЁЛ?! — взвизгнула она.

Оля взвилась с места так резко, что стул с грохотом отлетел назад. Она стояла в проходе, тяжело дыша, её грудь вздымалась, а глаза горели настоящим пламенем. На тонкой шее вздулась и пульсировала венка.

Я замер с ручкой в руке, опешив от такой бурной реакции.

«Только не кричи, умоляю...» — пронеслось у меня в голове.

— Свиридова! — Алла Михайловна поднялась с места, удивленно глядя на новенькую. — Немедленно успокойся!

— Он трогал меня! — выкрикнула Оля, тыча в меня дрожащим пальцем. — Он схватил меня за волосы!

Я вытаращил глаза, переводя взгляд с её разъярённого лица на учительницу:

— Да не трогал я тебя!

Алла Михайловна сделала шаг к Оле, но та, не слушая никого, схватила свой рюкзак и пулей выскочила из кабинета. Дверь с грохотом захлопнулась.

В аудитории воцарилась звенящая тишина. Все устали на меня. Алиса Медведева, Элина, Лилия — девчонки смотрели на меня как на душегуба. Я лишь развел руками, изображая полное неведение.

— Я пойду с ней, — быстро сказала Лилия Герман, поднимаясь с места.

— Проводи её в медпункт, — кивнула Алла Михайловна.

— Хорошо.

Лилия собрала вещи и вышла. На этот раз мужская половина класса проводила её долгими взглядами.

Я вздохнул, откинулся на стуле и застучал ручкой по парте. Кажется, на этот раз дело вовсе не во мне. У этой девчонки явно какие-то свои тараканы в голове размером с кулак. Ну нельзя же так реагировать на обычное прикосновение ручки!

Я обернулся к Максиму, надеясь увидеть в его глазах хотя бы каплю понимания. Но Сивов выглядел точно так же озадаченно, как и я.

— Вилков, — раздался строгий голос с передних рядов.

Я выпрямился, придав лицу максимально смиренное выражение:

— Да, Алла Михайловна?

Учительница строго посмотрела на меня поверх очков:

— Я не знаю, что между вами произошло, но ты обязан перед ней извиниться.

— Разумеется, Алла Михайловна.

— И после пар остаешься на два дня дежурства по академии за срыв занятия.

Внутри у меня всё закипело. Два дня дежурства?! За что, чёрт возьми?! Но спорить с Розановой — себе дороже. Добавит ещё неделю, и глазом не моргнет.

Я подавил вспышку гнева и послушно кивнул:

— Понял, Алла Михайловна. Сделаю.

Глава 6

Оля

Не трогай. Держи свои руки при себе.

Правило всего одно.

Одно-единственное: держи свои грёбанные руки при себе и не распускай клешни! Кажется, это не так уж и сложно. Даже дети в старшей группе детского сада усваивают эту простую истину в первую же неделю.

Именно эти мысли я прокручивала в голове, нарезая круги по бесконечным коридорам этого величественного, будь он неладен, замка в попытках отыскать туалет. Я выскочила из кабинета как последняя психопатка, пробежала пару пролётов и только потом сообразила, что заблудилась окончательно. Вокруг царила звенящая тишина — никакой привычной суеты и ора, как в моей прежней обычной школе. Наконец на одной из дверей я разглядела заветную табличку «Женский» и юркнула внутрь.

Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять: заоблачная стоимость обучения в элитной академии «Олимп» распространяется даже на уборные. Ни одного разбитого смесителя, зеркала блестят до стерильности, а на каждой кабинке есть целая, работающая дверь!

Подойдя к раковине, я сбросила сумку на чистый кафельный пол и уставилась на своё отражение. Нос и глаза покрас-

нели — верный признак моей главной слабости. Волосы растрепались от бешеного бега по коридорам, обнажив уши и крошечные серебряные колечки, которые Анна настоятельно заставила меня надеть с утра. Форменный жакет сидел идеально, без единой складочки. Посмотрев на себя повнимательнее, я едва узнала девчонку в зеркале.

Это не та дерзкая пацанка в рваных джинсах и с ярким тёмным макияжем. Не тот человек, который шагал по причалу «Кедровые пороги», словно закрывшись от всего мира непробиваемым щитом с надписью: «Отвалите». И уж точно не та девчонка, которая ещё пару дней назад давала отпор отчиму Никите и ловко уходила от любых последствий.

Кто ты вообще такая? — мысленно спросила я у отражения. — *Кто эта правильная студентка, ведущая себя как пациентка психиатрической клиники? Это не я.*

Было дико и жутко, будто меня оглушили, и всё происходящее вокруг — лишь затянувшийся, болезненно яркий сон. Хотя, будь это сном, моё подсознание точно не подкинуло бы сюда этого высокомерного нахала.

Появление этого хама в дверях аудитории застало меня врасплох. И дело было не только в самом факте его присутствия, но и в том, как он выглядел. Предыдущие два раза я видела его в простой поношенной одежде — обычный дворовый парень. Но сегодня на нём был элегантный фирменный пиджак академии, а красно-чёрный галстук слегка съехал набок. Настоящий волк в овечьей шкуре! Он выглядел

одновременно чужим в этой обстановке и абсолютно хозяином положения.

Мне следовало догадаться, что он учится здесь. А где ещё? В наши края на лето съезжаются только детишки с тугими кошельками, а в «Олимпе» ими кишит буквально каждый угол.

Ладно бы он просто пришёл, так нет же — устроил целое представление прямо с порога. Напыщенный, самовлюблённый индюк! Не просто наглец, а ещё и редкий дурак. Легкомысленная ухмылка, вальяжная походка человека, убеждённого в собственной безнаказанности, и полное отсутствие понятия о личных границах. Своими распушенными руками он задевал буквально всё и всех вокруг! Даже преподавательнице — Алле Михайловне Розановой, от одного строгого взгляда которой мурашки бегут по коже, — и той умудрился с дерзкой ухмылкой сморозить какую-то глупость.

Я глубоко вздохнула и решительным движением сняла сережки Анны. Хватит притворяться такой же правильной девочкой, как остальная местная элита. Я не хочу быть похожей на них. Взять хотя бы Анну — доверчивую, наивную и свято верящую в добро. Если это называется «нормальностью», то спасибо, мне такого не надо.

Сорвав бумажное полотенце, я намочила его под краном и приложила к пылающему лицу. Едва я успела вытереть кожу, как дверь уборной с мягким щелчком открылась. В туалет вошла невероятно красивая девушка из нашей груп-

пы. Высокая, стройная, с безупречно уложенными волосами и пронизательным, будто просчитывающим каждый шаг взглядом.

— Ого, — протянула она, удивлённо приподняв бровь. — Так вот ты где! Как тебя вообще занесло в корпус информационных технологий?

Я моргнула. — Меня?

Девушка лёгким движением закатила глаза и подошла к соседней раковине, критически рассматривая своё отражение. — А разве не ты только что выскочила из кабинета Аллы Михайловны, как ужаленная?

Я опёрлась спиной о край раковины.

— Ну, допустим, я. — Я с легким сарказмом оглядела её. — И как это выглядело по шкале от одного до десяти? Насколько сильно я смахивала на сумасшедшую?

— Всё относительно, — ответила она. Достав из аккуратного рюкзака элегантную косметичку, девушка расстегнула молнию и длинными ухоженными ногтями извлекла блеск для губ. — Меня, кстати, Лилия зовут. Лилия Герман. И поверь мне, пусть все вокруг кажутся идеальными и воспитанными, всё это лишь благодаря большим родительским деньгам. Деньги — отличная обёртка с красивым бантиком, создающая иллюзию благополучия. Ну и одинаковая форма отлично маскирует недостатки. — Она нанесла на губы полупрозрачный полуглянцевый блеск. — А вот странности, скелеты в шкафах и дерзкое поведение для «Олимпа» — дело

обычное. Первый день здесь никому легко не даётся, так что ты держишься вполне нормально.

Я облегчённо выдохнула. Стало немного легче, хотя я всё ещё не понимала, почему эта местная королева решила со мной заговорить. — Ну, хоть в чём-то я вписалась в местный колорит, — со скромной иронией усмехнулась я. — Отличное первое впечатление составила, ничего не скажешь!

— Так, а что между вами произошло-то? — спросила Лилия, с щелчком закручивая колпачок блеска и доставая расчёску.

— Ты о ком?

— О Сергее, — пояснила она. — Он к тебе приставал?

Сергей. Наконец-то у этого наглого лица появилось имя. Внутри снова закипела волна раздражения, и я сквозь зубы процедила: — Он лез к моим волосам.

И тут же осеклась. Господи, до чего же детски и глупо это прозвучало со стороны! Кто вообще устраивает сцену и выбегает из аудитории только потому, что кто-то коснулся его шевелюры? Лилия мгновенно перевела на меня недоверчивый взгляд.

— Послушай, я понимаю, как это звучит, — быстро добавила я, пытаясь защититься. — Но я просто... терпеть не могу, когда посторонние трогают меня без разрешения.

Я уже приготовилась к привычной реакции: косым взглядам, расспросам или немому упреку в том, что я корчу из себя недотрогу и строю драму на пустом месте.

Однако Лилия лишь понимающе кивнула, расчесывая волосы расчёской до идеального глянцевого блеска: — Бывает. Дело хозяйское.

Откуда только берутся такие идеальные девушки?

— Но я уверена, Серёжа ничего плохого не имел в виду. Он вообще парень не злой.

Я недоверчиво фыркнула: — Мой личный опыт общения с ним говорит об обратном.

— Вы что, знакомы? — Лилия резко повернулась ко мне, изогнув идеальную бровь. — Раньше где-то пересекались?

Я на секунду задумалась, разглядывая её, а потом спросила: — У тебя не найдётся чёрного карандаша для глаз?

Девушка удивлённо моргнула, но молча подвинула мне свою косметичку. Я выбрала самый тёмный цвет и, наклонившись ближе к зеркалу, уверенными движениями начала подводить глаза: — Мы столкнулись прошлым летом. На одной вечеринке у причала он ввязался в драку с каким-то парнем. Я попыталась их разнять, а он просто развернулся и съездил мне по лицу.

Я увидела в отражении, как взгляд Лилии мгновенно скользнул по моему подбородку, хотя я и не уточнила, куда именно пришёлся удар. — Сцепились тогда знатно.

— Может... это вышло случайно? — осторожно уточнила она.

Мои ноздри гневно раздулись.

— Ну да, конечно, — я перешла ко второму глазу. — Слу-

чайно. Примерно так же «случайно», как пьяный водитель врывается на скорости в чужую машину.

Растушевав подводку пальцем, я вернула карандаш в её косметичку и аккуратно подвинула её обратно: — Спасибо.

С привычным макияжем я снова почувствовала себя собой — той самой Олей, которая не даст себя в обиду.

Лилия ещё раз оценила свой внешний вид в зеркале, убрала расчёску и медленно застегнула молнию на сумке. Затем она повернулась ко мне и произнесла с неожиданной серьёзностью: — Сергей Вилков — вспыльчивый, импульсивный, упрямый и ужасно обаятельный тип.

Обаятельный? Ну-ну.

— Вспыльчивый и импульсивный — это прямо в точку.

— Но он не плохой парень, поверь, — мягко, но твёрдо возразила Лилия. — Вот его старший брат, Глеб? Вот он реально опасный и жесткий человек. Да и среди других ребят в академии полным-полно законченных мерзавцев. Но Серёжа не такой.

Я сдержала порыв закатить глаза.

— Без обид, Лиль, но у меня есть простое жизненное правило: если человек показывает своё истинное лицо, я верю ему с первого раза. А Вилков показал себя во всей красе: агрессивный, жестокий, эгоистичный и опасный тип.

Достав из кармана сережки Анны, я бережно завернула их в салфетку, чтобы случайно не потерять: — Обычный бытовой хам, от которого нужно держаться подальше.

— Да не такой он! — пылко начала Лилия, но тут же осеклась и поджала губы. — Серёжа правда хороший. Он невероятно преданный, с отличным чувством юмора и... чёрт возьми, безумно красивый. И попробуй только проговориться ему, что я это сказала!

— Даже не подумаю, — усмехнулась я. Спорить с ней не было смысла: очевидно, что местная красавица равнодушна к этому пацану, и переубеждать её — всё равно что ломать копыя о стену. К тому же портить отношения с одной из самых влиятельных девушек «Олимпа» в первый же день в мои планы не входило.

— Понимаешь, в чём дело, — продолжить Лилия, понизив голос. — У Серёжи сейчас действительно сложный период в жизни. Не моя тайна, рассказывать не буду, но просто имей в виду: ты увидела далеко не лучшую его сторону. Я не призываю вас становиться лучшими друзьями, но в академии есть люди гораздо опаснее Вилкова. Я бы посоветовала тебе просто не обращать на него внимания, но... Серёга ведь как муха на мёд липнет к тому, что его интригует. А тебя, кажется, зовут Оля, верно?

— Да, Оля Свиридова, — я подозрительно прищурилась. — И к чему ты это ведёшь?

Лилия перекинула кожаную сумку через плечо и улыбнулась уголками губ: — Ну ты сама на себя посмотри. Ты яркая, симпатичная, не из этих избалованных кукол, да ещё и выглядишь так, будто способна без раздумий прописать ко-

му-нибудь тяжелым ботинком по ребрам. К тому же я уверена: то, что он тогда случайно ударил тебя у причала, глохнет его куда сильнее, чем он пытается показать. Такие парни привыкли всё держать под контролем, а в тот вечер он полностью потерял над собой власть. Его это наверняка бесит до безумия — отсюда и сегодняшняя выходка на паре.

Её телефон на столе завибрировал, на экране высветилось уведомление. Лилия мельком взглянула на экран, и на её лице мелькнула загадочная улыбка.

— Ладно, мне пора ответить. Садись сегодня с нами за обедом, хорошо? Анна тоже будет с нами.

Я помедлила, обдумывая предложение: — А Вилков там будет?

— Скорее всего, — она уже направлялась к выходу, поправляя распущенные волосы. — До встречи, Оль!

— До встречи, Лилия, — ответила я вслед.

Приглашение прозвучало вежливо, но тон Лилии не оставлял сомнений: отказов она получать не привыкла. Именно поэтому она исчезла раньше, чем я успела сказать «нет». Впрочем, идти к их компании я всё равно не собиралась. Лилия может быть хоть королевой «Олимпа», но становиться частью чьей-то свиты я не планирую. Я пришла сюда учиться и получить диплом, который станет моим билетом в новую жизнь подальше от Заречья и моего посёлка.

Остаток утра прошёл спокойно и, к моему огромному облегчению, без единого намека на присутствие Сергея Вилко-

ва. Перед обедом у меня выдалось окно в расписании, и меня отправили в библиотеку собирать материал для проекта.

Именно там я по неосторожности уселась по соседству с главными сплетницами курса, благодаря чему узнала о жизни учащихся намного больше, чем мне хотелось бы.

Устроившись за столом, я достала свой старенький ноутбук. На мгновение мне стало неловко за его вид: корпус в углу был треснут и перетянут накрест серой изолентой, крышка залеплена старыми наклейками, а трёх клавиш и вовсе не хватало. Но потом я мысленно послала все сомнения к чертям, громко хлопнула устройством по полированной поверхности столешницы и вжала кнопку питания. Ноут отозвался оглушительным гулом кулера, похожим на взлёт старого истребителя.

Внимание моё поневоле привлекли две девицы, шептавшиеся на мягком диванчике напротив.

— Серьёзно, три недели? — с азартом говорила одна. — Да сто пудов она залетела от него и свалила из города, чтобы шито-крыто всё сделать!

— Я слышала, её в реабилитационный центр отправили, — возразила вторая.

— Ну, тоже похоже на правду, — брюнетка в юбке экстрамальной длины хмыкнула. — Соскочить после трёх лет систематического приема не так-то просто. Особенно когда твой парень-хулиган может достать любую дрянь по щелчку пальцев.

Я уткнулась в экран, делая вид, что увлечена поиском информации, хотя уши буквально горели. Лилия не соврала: тайн и «грешков» в этом заведении хватало с избытком.

— Слушай, Алла, — подала голос вторая девица. — Ты всё ещё сохнешь по Максиму Сивову? Будешь пытаться его подцепить?

На папке, лежащей перед ней, было аккуратно выведено имя «Аня».

— Ну уж нет, — фыркнула Алла. — Сивов явно из тех парней, которые клюют только на жалеющих их девиц. Не мой формат. — Она задумчиво постучала ручкой по губам. — У меня сейчас цель интереснее.

Аня хищно улыбнулась: — Ого! И кто этот счастливец?

— Старый знакомый. Он давно был бы моим, если бы этот Сивов не путался под ногами, когда вернулся. — Девица кокетливо поправила причёску. — Мы с Серёжей Вилковым давно знакомы. Думаю, самое время разжечь былую искру, понимаешь, о чём я?

Сергей. Опять он!

Я даже не удивилась. Такой парень, как Вилков, наверняка привлекает именно девиц вроде этой Аллы, от которых за километр разит неприятностями. Хвост проблем тянется за ним, словно на буксире.

— Я слышала, они с Костей Дёминым сейчас постоянно закупаются на нелегальных ночных сходках и автошоу, раз уж ему спорт пока закрыт, — продолжала Алла. — Я нашла че-

ловечка, который скинет мне точное время и место следующей сходимки. Нагоним на него адреналинчику на гонках — и он будет готов к продолжению отношений!

— План — огонь! — одобрила подруга.

Тут прозвенел звонок на обед. Я с облегчением захлопнула свой дребезжащий ноутбук, убрала его в рюкзак и вышла в коридор.

Толпа студентов устремила в сторону главной столовой. Я держалась позади общего потока, плотно прижав локти к телу и изобразив на лице максимальное недружелюбие. Войдя в обеденный зал, я бегло осмотрела пространство. Найти нужный стол не составило труда: в самом центре зала выделялась идеальная осанка Лилии и яркие рыжие волосы Анны. А прямо к их столу вальяжно направлялся тот самый светлый ежик волос, который снился мне в кошмарах последние несколько месяцев.

Пульс мгновенно подскочил. Ну уж нет, сидеть с этой компанией я не стану ни за какие коврижки! Я пришла сюда не за популярностью и не за тем, чтобы заводить связи среди золотой молодёжи. Моя цель — учеба и билет в нормальную жизнь.

Схватив с раздаточной стойки контейнер с обедом, я привычным касанием «оплатить» на телефоне оплатила заказ у терминала и юркнула к боковому выходу, огибая шумный обеденный зал по самому краю.

На улице приятно припекало солнце, так что отсутствие

тёплой куртки ничуть не мешало. Я обогнула корпус столовой и направилась по тенистой аллее к раскидистым платанам — туда, где прошлым вечером заметила местных дворовых кошек. Присела на широкую деревянную скамью у старого пня и раскрыла свой контейнер с обедом.

Питание в «Олимпе», надо признать, держало марку: внутри лежал аппетитный бутерброд с запечённой грудкой и сыром, хрустящие ломтики картофеля и сочный кубанский мандарин. Я аккуратно очистила фрукт, а затем наломала птицу мелкими кусочками, надеясь выманить хитрых усатых пушистиков из тенистых кустов.

Долго ждать не пришлось: из-за густого кустарника показался нос мамы-кошки. А ещё через минуту из чащи выскользнул грациозный чёрный кот. Серого котенка видно не было, но я всё равно аккуратно положила несколько кусочков угощения на траву и вернулась на пенёк.

Животные следили за мной с безупречной осторожностью. Но они не знали одного: терпения мне не занимать. Мне абсолютно некуда было спешить, поэтому я спокойно ела мандарин, давая кошкам привыкнуть к моему присутствию.

Чёрный кот сдался первым: поведя носом, он короткими перебежками подобрался к индейке, поглядывая на меня с опаской.

Я медленно и бесшумно достала из сумки свой старенький фотоаппарат.

Чёрный уплетал угощение, а рыжая кошка наблюдала со стороны. Её худые лопатки резко контрастировали с большим круглым животом. Я сделала несколько удачных кадров, поймав интересный свет.

Поворачивая объектив, чтобы снять чёрного кота под другим углом, я неожиданно поймала в кадр чью-то фигуру.

В объективе стоял Сергей Вилков. Шагах в десяти от меня, руки в карманах брюк, на лице — привычное выражение полного равнодушия к миру.

От неожиданности я едва не выронила камеру. Сердце ушло в пятки. Камера — всё, что у меня есть.

Ты — пустое место. Ничтожество, — всплыл в голове знакомый злой голос отчима Никиты.

Я вскочила с пня, прижав рюкзак к груди и мгновенно запустив руку внутрь, нащупывая прохладную рукоять складного ножа. Глаза мои пылали гневом. И пусть Сергей смотрел на меня с искренним удивлением, застыв на месте с вытянутой ногой, я всё равно была готова к худшему.

— Сразу говорю, — Сергей поднял раскрытые ладони, делая шаг назад. — Я за тобой не следил.

Я молча жгла его взглядом, не в силах вымолвить ни слова от кипевшей внутри злости.

— Но я уже начинаю думать, что это ты ходишь за мной по пятам, — продолжил он, и полез рукой в боковой карман рюкзака. Он извлёк оттуда небольшую жестяную баночку. — Потому что у меня тут вообще-то ежедневный обеденный

ритуал с этой троицей.

Я буквально раскрыла рот от изумления, когда он с характерным щелчком потянул за кольцо, и по воздуху поплыл густой запах консервированного тунца.

Рыжая кошка и чёрный кот тут же подались вперёд. А из кустов выскочил тот самый серый котенок и с радостным мурлыканьем бросился прямо к ногам Вилкова, утыкаясь носом в его брюки. Сергей присел на корточки, выставил баночку на траву, а затем достал ещё две. Одну из них он аккуратно подвинул к рыжей кошке, которая осторожно подошла ближе. Чёрный кот тут же попытался отпихнуть её носом.

— Эй, без наглости, — неожиданно мягко строго произнёс Сергей, обращаясь к коту. — Люся у нас в положении, ей питаться надо за пятерых, так что не жадничай! Ты сам её брюхатой сделал, вот и терпи.

Я опешила: — Ты... ты дал им имена? — вырвалось у меня прежде, чем я успела сообразить, что надо уходить.

Сергей поднял глаза, и я снова встретила с его чистым, ярко-голубым взглядом. Никакой прежней развязности в нём не было — только лёгкая настороженность и любопытство. Будто он проверял меня на прочность.

Кажется, проверку я прошла.

— Ну да. Дал им имена нечисти из наших старых сказок. Вот эта рыжая — Кикимора, для своих просто Клуша, — он указал пальцем на кошку. — Чёрный — Анчутка, а этот серый разбойник — Леший. — Сергей аккуратно про-

вёл пальцем по краю ушка серого котёнка, и я заметила маленький аккуратный надрез-треугольничек — метку стерилизации. — Клушу я ещё прошлым летом умудрился в переноску заманить и к ветеринару отвезти: её там стерилизовали, прививки поставили и чип вшили. У неё до этого уже пара помётов была, благо наши местные волонтеры помогли всех котят по добрым рукам пристроить. — Он нахмурился, разглядывая чёрного кота: — А вот эти двое — вообще дикари, ни в какую к людям не шли. Я их почти приучил до зимних каникул, а потом пришлось из города уехать — и всё, весь прогресс коту под хвост. Теперь вот по новой их доверие завоёвываю.

Он говорил спокойно и размеренно. Я слушала его, но больше следила за его жестами: как он поправляет волосы, как наклоняет голову, как аккуратно чешет серого котенка за ухом. Его поведение казалось удивительно естественным и умиротворённым. Никакой агрессии.

Но я всё равно не расслаблялась, сжимая в кармане рукоять ножа.

— И что, ты у нас теперь местный кошачий спаситель? — с нескрываемым ядом спросила я.

Сергей взглянул на меня, и в его глазах что-то мгновенно угасло. Взгляд стал холодным.

— Не знаю. Иногда просто нужно свалить подальше от всех и побыть в тишине. Забрёл сюда однажды — а тут они.

Он поднялся на ноги. Клуша и я синхронно сделали пару

шагов назад. Если Вилков и заметил мою реакцию, то виду не подал. Он подхватил рюкзак и спокойно произнёс:

— Алла Михайловна просила передать тебе её извинения за утренний инцидент. К слову, с ней лучше не ругаться — она у нас женщина суровая.

— Ну, рыбак рыбака видит издалека, — буркнула я.

Желваки на его челюсти сжались, а глаза на секунду сузились:

— Могу тебя заверить: то, что было утром в аудитории, больше не повторится. Считай это минутным порывом и ошибкой.

Я сильнее сжала рукоятку ножа в рюкзаке:

— Что-то мне подсказывает, что у тебя вся жизнь состоит из таких «минутных порывов».

— Бывает, грешен, с самоконтролем у меня иногда проблемы, — он провел языком по нижней губе. — Хотя некоторые девчонки считают это спонтанным и весьма милым.

— Мечтай больше. Хотела бы я посмотреть на этих убогих.

— Поверь, ты бы не хотела на них смотреть, — абсолютно спокойно отозвался он. Затем его взгляд упал на мой рюкзак, и он подбородком указал на мою руку внутри: — Кстати, добрый совет: если комендант или охрана засекут у тебя на территории академии нож с фиксатором — проблем не оберёшься. Вылетишь отсюда в два счёта.

Я сквозь зубы процедила:

— Как-нибудь сама разберусь.

— Дело твоё, Оля Свиридова, — на его губах появилась едва заметная, тёмная ухмылка. Мне категорически не понравилось, как именно он произнес моё имя — вальяжно, с каким-то подтекстом, будто между нами была какая-то общая тайна.

От ответа меня спас громкий звон колокола, раздавшийся над территорией академии. Перемена закончилась, пора на пары. Я подхватила свой контейнер с едой и краем глаза следила за Сергеем, пока он собирал пустые консервные банки и выбрасывал их в урну. Кошки мгновенно растворились в зарослях.

Обходя его по широкой дуге прямо по газону, я ни на секунду не выпускала из пальцев рукоять ножа. А когда обогнула угол здания, прибавила шаг, практически ощущая спиной его долгий, тяжёлый взгляд.

Шёл ли Сергей за мной специально? Или это действительно была случайность?

Неважно.

Я больше никогда не позволю себе остаться с ним наедине. И на его фальшивые извинения я больше не куплюсь.

Глава 7

Сергей

Пятая пара — история — полнейшая тоска. И даже не потому, что наш учитель Сан Саныч половину урока увлечённо рассуждает о своей личной жизни и быте — это-то как раз происходит каждый божий день. Просто я никак не могу выбросить из головы все эти дурацкие пересечения с Олей Свиридовой. Мысли крутятся по кругу, и вся эта чертовщина категорически не сходится.

Что-то с этой девчонкой явно не так.

Она меня терпеть не может. И вроде как... Ну да, вполне логично. Вообще без вопросов.

Я влепил ей по лицу. Естественно, после такого она не вспыхивает ко мне симпатией. Но я ведь сделал это не намеренно! Не то чтобы я выбрал её из толпы и специально решил уложить с одного удара. Я не из тех отморожков, которые бродят по улицам в поисках девчонок, чтобы спустить на них кулаки. Чёрт, да это же абсолютно противоречит всем моим принципам и всему моему стилю!

Если судить по-честному, она сама выскочила прямо в эпицентр драки. Кто вообще влезает между двумя дерущимися парнями и рассчитывает уйти без единой царапины? Кому-то стоит объяснить этой гордой девице: если влезашь в чужой замес, будь готова получить свой случайный «пода-

рок».

Я вполуха слушаю, как учитель разбирает очередную тему, а сам продолжаю закипать. По правде говоря, я просто медленно варюсь в этой глупой злости. Я тут, понимаешь ли, извелся весь от чувства вины за тот удар, хотя моей прямой вины там почти и нет. Любой нормальный человек давным-давно всё бы понял. Оценил бы, что парню искренне паршиво, учитывая, что она сама полезла под руку. Простил бы и закрыл тему. Но Оля Свиридова ходит по моей территории с таким видом, будто я какой-то монстр во плоти, и это уже просто смешно.

До того смешно, что начинает безумно бесить.

Я решительно сгребаю тетрадь, заталкиваю её в рюкзак и подрываюсь с места.

— Сергей, ты куда это собрался посреди пары? — щурится Сан Саныч.

— В туалет, Сан Саныч, приспичило, — бурчу я и стремительно вылетаю из кабинета, даже не оглядываясь.

Шагаю по коридору, и с каждым шагом раздражение внутри только растёт. С какой вообще стати она взялась меня судить? Она же меня абсолютно не знает! И кто вообще давал ей право намекать, будто я не умею располагать к себе людей? Вы уж извините, но я умею быть чертовски обаятельным, когда захочу. Насчёт меня ни у кого обычно вопросов не возникает! Я богат, дьявольски хорош собой, подкачан — причём очень даже неплохо подкачан, спасибо регулярным

тренировкам, — да и в компании со мной никогда не скучно. Я дворовых котят стерилизую! Девчонок от навязчивых хамов защищаю! Да я почти святой, чёрт возьми!

А кто такая эта Оля Свиридова? Правильно: правильная до тошноты новенькая из какого-то глухого посёлка, которая не может переварить случайную плюху и вечно устраивает драму на пустом месте!

План созревает мгновенно. Я начинаю метаться по этажам, заглядывая в стеклянные окошки дверей. Я покажу этой Оле Свиридовой, насколько я умею быть душевным и славным парнем. Докажу ей, что проблема исключительно в ней и в её предвзятости!

Возле кабинета русской литературы я резко торможу и прилипаю носом к стеклу. Третий ряд, четвёртая парта. Вот она — моя цель. Я дергаю ручку и уверенно вхожу. Преподавательница прерывает лекцию и сдержанно улыбается:

— Сергей? Вот уж не ожидала тебя увидеть посреди урока.

— Добрый день, Елизавета Петровна, — я моментально включаю всё своё обаяние, слегка наклоняя голову и безупречно улыбаясь. Много усилий не требуется: учителям я всегда нравился. — Извините, что прерываю, но Таисию вызывают в кабинет психолога. Срочный вопрос.

Елизавета Петровна переводит взгляд в глубину аудитории, и я слежу за её взором. Тая щурится, на её лбу залегает недовольная складка. Я лишь невинно пожимаю плечами и

милу улыбаюсь — сам ангел во плоти, святость из меня так и брызжет.

— Ей брать вещи с собой? — уточняет учительница.

— Наверное, да, — киваю я с самой открытой улыбкой.

— Сказали, это может затянуться.

Я жду у двери, пока Тая со вздохом собирает тетради и рюкзак. Она двигается неторопливо, слегка хромая — скажутся последствия той старой автомобильной аварии. Обычно такая медлительность меня ужасно раздражает — я привык всё делать быстро, — но Тая прошла через адский ад, она крепка духом, и я её за это искренне уважаю.

А ещё мне прямо сейчас очень нужна её помощь.

Придерживаю перед ней тяжелую дверь. Едва очутившись в пустом коридоре, она поворачивается ко мне и строго спрашивает:

— Так, Вилков, что ты опять задумал?

— В смысле? — я забираю у нее тяжелые учебники и привычно перехватываю под мышку. — Почему сразу «задумал»? Вполне вероятно, что меня действительно послали за тобой из учебной части.

Тая выразительно закатывает глаза:

— Не юли. Говори прямо.

Разрабатывать хитроумную легенду времени не было, да и с Таем честность всегда работает лучше всего. У неё чутьё на фальшь получше, чем у любого детектора лжи.

— Мне нужна твоя помощь в одном деле.

— В каком ещё деле? — в её глазах вспыхивает подозрение. — Опять ваши пацанские разборки из компании «Демонов»?

— Нет, личное, — я взъерошиваю волосы на затылке. — Кое-что про девчонку.

Подозрение в её взгляде мгновенно сменяется искренним изумлением и озорным любопытством:

— Ого! Девчонка? В смысле, которая тебе реально понравилась? Кто она? Из нашей академии? — Она шутливо толкает меня кулачком в плечо. — Ну наконец-то! Я уж думала, ты так и будешь всю жизнь от всех отмахиваться. Давно пора завести нормальные отношения!

Я суетливо машу руками:

— Попридержи коней, Тая! Ты вообще не в ту степь ушла. Всё совсем не так! — Я морщусь и оглядываюсь по сторонам. — Ты же знаешь, я не по этой части. Никаких «серьёзных отношений».

Тая досадно вздыхает, хотя выглядит слегка разочарованной:

— Ну да, конечно. Ни ты, ни Тимур никогда не меняетесь.

— Вот Тимура сюда не плети, — фыркаю я. — У него-то как раз проблема в том, что у него этих девчонок вечно слишком много. А у меня тут возникло элементарное недопонимание, и его надо срочно уладить.

— И где же эта твоя загадочная причина недопонимания? — спрашивает Тая, оглядывая пустой коридор.

Я замираю.

— Э-э-э... — Я тоже глупо оглядываюсь по сторонам, будто новенькая должна была материализоваться из воздуха. — Вообще-то я не подумал. Я как-то не спланировал этот момент.

В этот момент оглушительно звенит звонок, и коридоры моментально заполняются шумными стайками студентов. По-хорошему, надо бы всё бросить и забить. С какой стати я вообще заикнулся на этой девчонке из посёлка Терновник? Какое мне дело, что она обо мне думает? Но тут в толпе мелькает знакомый цвет её волос.

— Пойдём со мной. Пожалуйста, Тай, очень надо! — прошу я.

Тая вздыхает и достаёт телефон:

— Ладно, сейчас только Максиму сообщение скину, а то они с Тимуром собрались в тренажёрку.

Студенты высыпают во внутренний двор академии: кто-то бежит к спортивному комплексу на секцию хоккея, кто-то — к бассейну, кто-то спешит на парковку или к общежитиям. Я выбираю самый короткий путь к корпусу и вынужден постоянно притормаживать, чтобы Тая за мной успевала.

— Как твоя голова после сотрясения? — спрашивает она, убирая телефон.

— Уже лучше, — я на автомате касаюсь пальцами затылка. — Ещё месяц покоя без нагрузок, и врач разрешит вернуться на лед к хоккейным тренировкам.

— А в уличные замесы больше не влезаешь?

— Слушаюсь, мамочка, — ухмыляюсь я. Если бы в нашей компании «Демонов» были распределены социальные роли, Тая точно была бы нашей заботливой и строгой матерью. — Я теперь парень примерный, занимаюсь исключительно автотзвуком и железом в гараже.

Тая нахмурилась:

— И ты думаешь, это безопаснее? Я видела видео с ваших ночных сходов. Выглядит дико и довольно опасно.

— Опасно — это когда водить не умеешь, — я с гордостью расправляю плечи. — А я, слава богу, за рулём чувствую себя богом.

Она смотрит на меня взглядом, в котором вспыхивает холодная сталь:

— Максим тоже так думал.

Ох. Попал так попал. Наступил на самую больную мозоль.

— Ну, у вас всё-таки совсем другая ситуация была, — быстро проговариваю я, пытаюсь сгладить угол. Упомянуть про дикого оленя, выскочившего на ночную трассу, я не стал — это только разбудит в ней тяжелые воспоминания. Вместо этого я ускоряю шаг, догоняя нужный корпус, ввожу код на дверях и впускаю Тая внутрь.

— И куда конкретно мы идем? — поджимая губы, спрашивает она.

— В комнату к Анне.

Нам предстоит подняться на четвёртый этаж, где живут

старшекурсницы. Пройдя половину пути, я с опозданием понимаю, что идея была паршивой. Лестницы и Тая — это ужасное сочетание. Она отстаёт почти на весь пролёт. Я бегаю назад, и сердце сжимается от того, с каким трудом ей даётся каждый шаг.

Заметив мой сочувственный взгляд, она твёрдо чеканит:

— Я в порядке. Просто перерыв в лечебной физкультуре вышел из-за... — она запнулась, не желая развивать тему трёх недель в реабилитационном центре, и буркнула: — Из-за праздников.

Чёрт. Три недели без нормальной физиотерапии — конечно, ей сейчас тяжело. Предложить поднести её или помочь — значит нарваться на вспышку гордости: Тая терпеть не может чувствовать себя слабой. Поэтому я просто пристраиваюсь рядом и плетусь её шагом, изо всех сил изображая спокойствие.

На четвёртом этаже я подвожу её к знакомой двери. После нашей летней истории мы с Анной пару раз зависали вместе — ни к чему не обязывающие встречи, лёгкий флирт, никакого задела на будущее. Анна — девчонка классная, лёгкая, веселая и абсолютно без претензий на романтику.

Я громко стучу в дверь. Тая стоит рядом, слегка покрасневшая от подъёма. Через пару секунд Анна открывает дверь и искренне удивляется, видя нас вместе:

— О, привет! А вы чего это...

— Твоя соседка у себя? — перебиваю я и бескомпромисс-

но вхожу в комнату.

Оля Свиридова сидит на кровати, подогнув ноги, с древним, выдавшим виды ноутбуком на коленях. Ноут — настоящий раритет, весь в потёртых наклейках, а корпус по углам буквально трещит по швам.

Стоит Оле увидеть меня, как вся её фигура моментально деревенеет.

— Опять ты? — выплёвывает она с искренней ненавистью. — Пошёл вон отсюда!

— Сергей, хватит, — предостерегающе говорит Анна.

Я знаю, знаю. Она просила меня не лезть, но эта девчонка постоянно оказывается на моей территории! Её раздолбанная «Девятка» стоит у нас в автомастерской. Она сидит на моих парах. Она кормит моих дворовых кошек возле столовой! Она живет с Анной! И при этом постоянно смотрит на меня так, будто я какой-то уличный бандит, подонок и конченный отморозок.

И тут до меня доходит одна простая мысль, от которой становится душно: *она смотрит на меня ровно так же, как люди смотрели на моего старшего брата Глеба.*

От этого осознания грудь сжимает спазмом. Я подхватываю Таю за плечи и слегка подталкиваю вперед, к Оле:

— Скажи ей, пожалуйста! Скажи этой упрямнице, что люди считают меня нормальным, надёжным и даже обаятельным парнем!

Тая награждает меня таким взглядом, каким обычно уби-

вают на месте, после чего поворачивается к Оле и протягивает руку:

— Привет. Я Тая.

Оля, выпрямившись как струна, подозрительно смотрит на её ладонь и не спешит отвечать на пожатие. Затем сухо выдавливает:

— Я Оля.

— Красивое имя, — доброжелательно улыбается Тая. — Ты только перевелась к нам?

Оля мельком стреляет взглядом в мою сторону и снова переводит взор на Таю:

— Да, первый день сегодня.

— И как тебе...

Я подношу кулак к губам и показушно кашляю:

— Кхм-кхм!

Ни одна из них даже головой не повела.

— Как тебе наша академия «Олимп»? — невозмутимо продолжают Тая.

Оля поджимает губы, напряжённо отвечая:

— Нормально. Сильно отличается от моей старой школы из посёлка. — Я замечаю, как её взгляд косится на рюкзак, будто она мысленно высчитывает расстояние до складного ножа, который там держит. — Но я хотела перемен, так что жаловаться не на что.

— Понимаю, — Тая переминается с ноги на ногу, и по её лицу видно, что долгий подъём даёт о себе знать. — Я-то тут

практически с малых лет училась...

— Вы издеваетесь надо мной?! — у меня окончательно срывает резьбу. — Тая! Я призвал тебя сюда помочь, а не чаёвничать и подружек заводить!

Тая резко разворачивается ко мне с пылающим взглядом.

— Вилков, ты вообще с дуба рухнул?! Что с тобой сегодня происходит?

Тут на моё плечо ложится тяжелая рука Анны. Она строго смотрит мне прямо в глаза:

— Вилков, всё, завязывай. Вали отсюда.

— Я уйду только тогда, когда Тая объяснит ей, что я не урод! — я раздраженно запускаю пальцы в волосы. Да что с ними со всеми не так?! Почему мои же друзья меня не защищают?

— Ты уйдёшь прямо сейчас, — твёрдо чеканит Анна. — Или я звоню Максиму и говорю, что ты хамишь Тае.

— Я не хамлю! — я оглядываюсь на Таю, но та лишь поджимает губы. Никакой поддержки. Ноль. Натуральное предательство! И это мои друзья, мои «Демоны»! Да я за любого из них в драку без раздумий влезу, а тут из меня делают виноватого!

Я раздражённо скидываю руки:

— Да пошло оно всё! Не собираюсь я ни перед кем оправдываться! — Я бросаю взгляд на Олю. По её тёмному выражению лица видно: она лишь лишний раз убедилась в своей правоте. — Девчонки, блин. Сплошной головняк!

Я вылетаю из комнаты и с грохотом хлопаю дверь. Ну и подавитесь. Мне вообще ничьё одобрение не нужно!

Спустя час я уже торчу в автомастерской дяди Саши, сбрасывая паровой напор через физический труд — со скрежежом сдёргиваю старый патрубок радиатора с BMW. Зажим не поддаётся, я силой рву его на себя и со всей дури сдираю костяшки пальцев о торчащий болт.

— Чёрт возьми! — шиплю я, глядя, как по тыльной стороне ладони струится алая кровь.

Я бессильно опускаю руки. Всё сегодня через одно место. Машина будто чувствует моё взвинченное состояние и решила отомстить за дурной характер.

— Я не плохой парень! — зло рычу я прямо в открытый капот.

И сам же себе не верю.

И уж тем более я не верю в это через десять минут, когда на парковку возле гаража со свистом влетают джип Максима и BMW Тимура.

— Ну всё, приплыли... — стону я.

Дядя Саша в глубине бокса дописывает накладные и счёта, что весьма кстати: судя по свирепым физиономиям Тимура Тулеева и Максима Сивова, когда они выходят из машин, разговор предстоит крайне неприятный.

Из машины Тимура вылезает Тая. Она выглядит не менее сердитой, вот только её гнев направлен на парней:

— Вы двое! Только попробуйте хоть пальцем его тронуть,

клянусь богом!

Максим в два шага преодолевает расстояние между нами и со всей силы тычет пальцем мне прямо в грудь:

— Тебе повезло, Вилков, что у тебя сотрясение мозга, иначе я бы из тебя всю дурь вышиб! — По его горящим глазам я понимаю: не шутит. — Ты вообще соображаешь, в какой она боли после того, как ты заставил её тащиться на четвёртый этаж?! Скажи мне, Вилков, ты сам-то что делаешь, когда тебе больно? А?! Лекарство пьёшь, чтобы отпустило?!

Он снова толкает меня в грудь, лицо перекошено от ярости, а я просто стою и хлопаю глазами, не в силах сказать ни слова.

— Максим! — голосом, в котором смешались боль и гнев, кричит Тая.

И тут до меня доходит. Мать твою...

Тая же на реабилитации. Ей категорически нельзя принимать обезболивающие! Если у неё сильные боли — ей приходится тупо терпеть!

— Я... я не подумал. Я не знал, Тай, — лепечу я.

— Ты не не знал, ты просто не подумал о ней! — рывкает Максим.

Тимур делает шаг вперед и хватают Максима за плечо, слегка отводя назад. Но если я надеялся, что друг за меня вступится, то сильно ошибся. Тимур сжигает меня тяжелым взглядом:

— Ты совсем башку потерял? Зачем ты вытащил её с пары

и потащил через весь корпус?!

— Я не со зла... — произношу я, и вся моя злость окончательно улетучивается. На её место приходит тяжелый, липкий стыд. Переводя взгляд на Таю, я чувствую, как лицо начинает гореть. — Тая... Прости меня. Я правда дурак. Я совсем об этом не подумал.

— Я знаю, Сергей, — вздыхает Тая, глядя, как Максим поджимает губы и опирается на капот своей машины.

— Ты как? Сильно болит? — тихо спрашиваю я.

Это заставляет её строго прищуриться:

— Да дело вообще не в лестнице! — Голос Таи звучит сочно и эмоционально. — Подумаешь, ноги поболят и пройдут! Я не хрустальная! Проблема в том, КАК ты себя вёл в той комнате! Что с тобой вообще стряслось, Вилков?

Максим кивает в мою сторону:

— Да у него какие-то терки с той новенькой девчонкой из Терновника.

— Нет у меня никаких тёрок! — Я сжимаю в кулаке гаечный ключ, абсолютно не замечая, как из раны на костяшках снова сочится кровь. — Она сама ко мне цепляется! Я просто хотел показать ей, что я нормальный адекватный парень, а не какой-то урод!

Тая качает головой:

— Показывая себя полнейшим хамом?

— Приведя человека, который знает, что я не хам! — пытаюсь оправдаться я, хотя сам уже сомневаюсь в своей логи-

ке.

Тая вздыхает и обращается к парням:

— Мальчики, дайте нам пару минут пошептаться.

— С какой стати? — бурчит Максим. Умеет же он включать упрямого быка.

Тая смотрит на него так, что вопрос отпадает сам собой:

— Потому что я сама в состоянии разобратся. Мне не нужны два охранника.

Парни молча отходят к машинам, но глаз с нас не спускают. Тая поворачивается ко мне:

— А теперь говори нормально. Что происходит?

— Помнишь... начало года? Когда мы снимали те видео для посвящения в «Демоны»? — напоминаю я. — Когда каждый должен был рассказать свой самый хреновый секрет? Помнишь ту девчонку из посёлка, которую я случайно ударил на сходке?

Тая округляет глаза:

— Да ладно... Это она?!

Я мрачно киваю:

— Она теперь учится у нас. И смотрит на меня так, будто я маньяк какой-то. Будто я специально её ударил! Это же полный бред! Она сама влезла в чужую драку! Я её знать не знал! А она ходит и...

— Так, стоп! — обрывает меня Тая. Я ловлю себя на том, что снова начинаю нервно ходить взад-вперед. — Успокойся.

— Я спокоен, — я делаю глубокий вдох. — Я абсолютно спокоен.

— Почему ты вообще позволил ей так тебя задеть? — мягко спрашивает Тая. — Ты задел её, Серёж. Она имеет право злиться и не доверять тебе. Почему ты просто не оставишь её в покое?

— Да не могу я!

— Почему?

— Потому что я знаю, кем я мог бы стать! — вырывается у меня. — Помнишь моего брата Глеба? Представь Глеба, только с моими кулаками и моей силой!

Тая даже бледнеет от этого сравнения:

— Ты никогда не будешь похож на Глеба.

— Вот именно! — я с силой бросаю гаечный ключ обратно в ящик с инструментами. — Я делаю всё, чтобы им не стать!

Тая смотрит на меня с глубоким сочувствием:

— Но так это не работает, Серёж. Ты не можешь насильно заставить человека тебя полюбить или уважать. Она либо узнает тебя лучше и изменит мнение, либо нет.

— Но ты же простила Максима? — Я указываю рукой в сторону Максима, и с моих разбитых пальцев слетают капли крови. — Ты ведь винила его за ту аварию, но в итоге простила! Как он этого добился?

Тая переводит взгляд на мою окровавленную руку и всплескивает руками:

— Боже мой, Вилков! Что у тебя с рукой?! — Она поворачи-

чивается и кричит: — Тимур, принеси аптечку из бардачка!

— Да ерунда, заживёт, — машу я рукой, но Тая крепко перехватывает мое запястье.

— Я никогда не винила Максима в самой аварии, — тихо и очень серьёзно говорит она, глядя мне прямо в глаза. — Я злилась на него за то, что он вообще поставил нас в ситуацию, где эта авария стала возможной. Понимаешь разницу?

Я замираю. В голове будто что-то щелкает.

Чёрт... Неужели Оля злится не из-за самого удара, а из-за того, что я вообще устроил ту драку на сходке?

Подбегает Тимур с аптечкой, за ним подходит Максим. Они молча наблюдают, как Тая осторожно обрабатывает мои раны перекисью и бинтует костяшки. Мне становится окончательно тошно: я натворил глупостей, а она меня же и лечит.

— Прости меня, Тай, — тихо повторяю я.

Шёлковая бровь Таи взлетает вверх:

— За что именно?

Девчонки вечно так делают: требуют расписать извинения по пунктам. Это безумно раздражает, но в глубине души я понимаю — ты не можешь искренне просить прощения, если не осознал свою ошибку.

— За то, что использовал тебя как аргумент в своем глупом споре.

Тая тепло и немного грустно улыбается:

— Прощаю.

Перед тем как уехать, Максим подходят ко мне. Хотя прощение Таи немного сбило с него спесь, взгляд у него остается строгим:

— Знаешь, Вилков... скажу тебе по собственному опыту: в какой-то момент надо перестать всем доказывать, какой ты хороший парень, и просто наконец-то им стать.

Они садятся в машины и уезжают.

Лучше бы Максим мне просто врезал. Ей-богу, было бы не так больно.

Глава 8

Оля

За первую неделю в академии «Олимп» я успела усвоить немало уроков, из которых правила работы с химикатами в фотолаборатории оказались самым простым. Обучение в элитной частной академии действительно на три головы превосходит обычную провинциальную школу. Понимание, что я катастрофически отстаю от программы, накрыло сразу: чтобы удержаться на одном уровне с остальными, придется пахать как проклятой, не жалея сил.

При этом я быстро заметила: несмотря на финансовую пропасть, здешние подростки в сущности ничем не отличаются от ребят из моего родного Терновника. Разве что масштабом. У них всего больше. Больше поощрений, больше возможностей, больше привилегий... и куда более дорогостоящих драм. Названия премиальных брендов и элитных курортов слетают с их губ так легко, будто это обыденность, и с каждым днем я всё больше убеждаюсь: половина моих сокурсников не видела собственных родителей примерно со времен начальной школы.

Если бы не кружок фотографии, я бы чувствовала себя здесь окончательно выбитой из колеи и одинокой.

— Ясмина, это просто потрясающе, — произнёс Лев Борисович, удерживая в руках одну из работ.

Мы находились в недавно отреставрированном корпусе изящных искусств имени Даниила Волкова. В нашей группе состояло всего семь человек, поэтому в просторном презентационном зале мы смотрелись совсем горсткой энтузиастов. Чтобы хоть как-то сплотиться, мы сдвинули стулья в один уютный полукруг у самого подиума. И это... честно говоря, оказалось неожиданно приятно.

Здесь хватало свободного пространства, чтобы спокойно вытянуть ноги и не опасаться случайных прикосновений. Сидевшая рядом со мной младшая девчонка — Ясмينا — раз за разом протягивала мне открытую упаковку шоколадных драже. Когда я наконец сдалась и отправила в рот пару конфет, она расцвела в искренней, сладкой улыбке. Я смущённо улыбнулась ей в ответ.

Снимок, который сейчас разглядывал преподаватель, принадлежал её брату-близнецу Руслану. На снимке запечатлели танцовщицу в стремительном движении: дерзкий, сочный кадр, где её волосы развевались плавным тёмным веером вокруг лица.

— Тебе великолепно удалось передать динамику кадра, — хвалил Руслана Лев Борисович. — Отдельно отмечу работу с цветом. Очень смело.

Сам Руслан напоминал ходячее воплощение этой самой работы с цветом: от ярких изумрудных полос на толстовке до неоновых-фиолетовых кроссовок. Парень гордо выпрямился в кресле и подался вперёд:

— А на этой неделе будет выставка в «Творческом уголке»?

Ясмина театрально вздохнула и пробормотала себе под нос:

— Опять охотник за славой выискался...

— Обязательно! — Лев Борисович сделала паузу и повернулся в мою сторону, поясняя для новичка: — Оля, у нас в вестибюле творческого крыла есть небольшая выставочная стенд-галерея для студентов. Каждую неделю мы отбираем лучшие работы по разным направлениям...

Ясмина тут же вставила свои пять копеек:

— Это если наши художники и писатели не заберут себе все стенды без остатка!

Гулкое, досадовавшее ворчание, прокатившееся по аудитории, ясно дало понять: война между фотографами и литераторами в искусствоведческом крыле длится не первый месяц. Ещё одна вещь, которую я успела усвоить про учеников «Олимпа», — они до жути, до скрежета зубов конкурентоспособны.

— На этот раз у нас целиком три свободных рамки! — воодушевлённо объявил Лев Борисович.

Вокруг раздалось дружное «о-о-о!». И снова эта местная особенность: ребята в «Олимпе» способны искренне зажигаться от малейшего пустяка. В моей прежней школе подобную бурю эмоций мог вызвать разве что анонс бесплатной пиццы в столовой.

— Своих фаворитов я объявлю в самом конце занятия, — пообещал преподаватель Руслану. — Так, кто у нас дальше? О, Оля Свиридова! Ну-ка, показывай, из какого теста ты слеплена!

С трудом подавив невольную судорогу волнения, я осторожно вытащила снимок из защитного конверта. Чтобы правильно проявить его, мне потребовалось целых пять попыток — сказывалось полное отсутствие опыта в обработке плёнки. Лев Борисович закрепил фотографию на прищепках, отступил на шаг и задумчиво прижал палец к подбородку.

На снимке была запечатлена Кикимора — та самая дворовая кошка, которую я подкармливала на днях. У неё были дикие, широко распахнутые глаза и внимательный, пронизывающий взгляд. Нельзя сказать, что она некрасива — вовсе нет. Но я выбрала именно её из-за рваного шрама на щеке и вечно испачканного носа. Она выглядела истинной королевой трущоб — созданием, которое узнало в этой жизни и вкус побед, и горечь поражений. На снимке кошка смотрела куда-то за кадр — туда, где Леший наглым образом утаскивал её кусочек индейки.

Я прекрасно понимала: фотографировать уличных котиков в мире высокого искусства — это примерно, как играть «Батарейку» на гитаре в компании профессиональных музыкантов. Банально до зубовного хруста. Но, кроме Анны, я пока ни с кем здесь толком не сошлась, чтобы просить попо-

зировать. Красивых пейзажных мест я ещё не знала, да и к местному пруду подходить без разрешения пока опасалась.

— Что ж.... — заговорил Лев Борисович, и я внутренне сжалась, готовясь выслушать сдержанную, вежливую критику. — Это однозначно забирает одно из мест на выставке.

— Серьёзно? — вырвалось у меня вопреки всем правилам приличия. Он ведь наверняка просто шутит.

Но преподаватель серьёзно кивнул, указывая на карточку:

— Потрясающий свет. То, как он бликует в глазах, и выбор чёрно-белой гаммы — всё сработало идеально. Тебе удалось схватить что-то невероятно живое, глубинное. От снимка веет такой сильной, щемящей тоской... — Он взглянул на меня, приподняв бровь. — Очень глубокая и печальная работа, Оля.

— Согласен, — Руслан подался вперёд, встретившись со мной взглядом. — Твой кадр отлично разбавит буйство красок на моём снимке.

Я стояла абсолютно оглушённая и слишком смущённая, чтобы выдать хоть что-то, кроме натянутой улыбки. Печальная тоска? Глубокий драматизм? На какую-то секунду мне до боли захотелось вернуться в родную школу, где обычные снимки котиков остаются просто снимками котиков, и никто не пытается искать в них скрытую философию.

После окончания встречи — Руслан и его сестра тоже получили по рамке — мы втроём остались в холле корпуса, дожидаясь, пока наши работы оформят в паспарту — широкой

рамке из плотного цветного картона. Меня всё это волновало меньше всего. Более того, после разговоров про «щемящую тоску» я была бы рада вообще остаться инкогнито.

Близнецы с задором спорили, чей снимок выйдет удачнее, и от их звонкой перепалки у меня удручающе заныла челюсть. Знакомый фантомный импульс нервного напряжения снова дал о себе знать. Я коротко стукнула костяшками пальцев по деревянной стойке, привлекая их внимание:

— Думаю, вы оба достойно представите это творческое пространство имени Даниила Волкова.

Руслан мгновенно умолк и уставился на меня с искренним изумлением:

— погоди, так Даниил Волков — это вообще то не художник. Она просто... ну, по девочкам.

Ясмину тут же пришла на выручку с пояснениями:

— А его богатый папочка не видит разницы.

— Дай бог здоровья его щедрому сердцу, — Руслан приложил ладонь к груди с наигранным благоговением. — Если он решил отстегнуть солидный кусок своего состояния, чтобы у нас появился этот шикарный корпус, я точно не стану жаловаться!

И только когда Лев Борисович вынес готовые рамки, и я прочитала подписи к фотографиям двойняшек, до меня наконец дошло.

— Адамовы? — с запнувшимся дыханием переспросила я. — Вы из тех самых Адамовых? Как именная стипендия

Адамовой?

Ни один из них даже не моргнул. Выходя на крыльцо, Ясмина обыденно заметила:

— Ну да, наши родители её учредили. Они помешаны на благотворительности. Ты ведь учишься по этой программе, да?

Я неловко поправила лямку рюкзака. Мысль о том, что я живу на чужую милость, казалась куда менее унижительной, пока эта милость оставалась обезличенной строчкой в документах.

— Ну... да, по ней.

— Ой, я знаю, о чём ты сейчас думаешь, — Руслан на ходу беззаботно дал «пять» пробежавшему мимо первокурснику. — Будто это какая-то хитрая схема, где наши предки решили: «Так, нашему захудалому фотокружку срочно нужны таланты, давайте выпишем им сильного игрока из провинции!»

— Из меня... сильный игрок? — я смирила его самым скептическим взглядом, на который только была способна.

Парень выразительно изогнул идеально уложенную бровь:

— Выкуси, красотка. Твоё портфолио — это просто пушка, я серьёзно.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, что он явно фантазирует, но тут увидела шагающего нам навстречу Сергея Вилкова — и слова застряли у меня в горле.

За последние несколько дней Сергей ни разу не позволил

себе лишнего. Никаких дерзких выходок на уроках Аллы Михайловны Розановой, никаких резких выпадов в коридорах. Он вел себя подчеркнуто сдержанно.

Однако это вовсе не означало, что я расслабилась. Напротив. Сергей Вилков словно активировал во мне скрытый навигатор опасности — чувство постоянной, изматывающей натянутости. Я находилась в состоянии боевой готовности каждую секунду, непрерывно следя за каждым его шагом и гадая, когда именно он нанесёт следующий удар. Казалось, стоит мне ослабить бдительность хотя бы на мгновение — и он тут же воспользуется этим.

Главная проблема на уроках Аллы Михайловны заключалась в том, что я не могла видеть его в лицо: Сергей сидел прямо за моей спиной. Мне приходилось полагаться на слух, улавливая малейший шорох. Это жутко напоминало мои прежние дни дома с отчимом Никитой. Как только Сергей опускался на стул, мой мозг мгновенно дорисовывал то, чего не видели глаза.

Вот раздался резкий звук расстегиваемой молнии на его рюкзаке. Вот тяжёлый блокнот с глухим стуком упал на парту. Вот методичный, размеренный клик механического карандаша. А вот шуршание его подошвы по линолеуму, когда он вытягивает свои длинные ноги, беззастенчиво забирая пространство возле моего парты. Моя спина моментально выпрямлялась. Я буквально кожей ощущала, как его движущиеся тени стремятся заполнить собой всё вокруг. Про-

шли дни, а он больше ко мне не цеплялся. Он вообще едва достаивал меня взглядом — будто я возвела между нами невидимый силовой барьер, и он неохотно решил соблюдать эти границы.

Но сквозь эту защиту всё равно проникали посторонние звуки. Его тихие вздохи. Едва слышное ругательство сквозь зубы, когда что-то не получалось. Или то, как он шёпотом проговаривал ход решения задачи.

Самым выбивающим из колеи был его бархатистый смех. Если мы сидели под определённым углом, его вибрирующее эхо отзывалось где-то глубоко у меня в груди. Это было невероятно дико — ощущать присутствие человека у себя внутри, когда ты изо всех сил пытаешься не подпустить его к себе снаружи.

Сейчас Сергей приближался к нам, уткнувшись в экран смартфона и явно не собираясь ни с кем заговаривать.

Пока Руслан не окликнул его во весь голос:

— О, рокер! Привет, Серёга!

Ясмينا в ту же секунду сдулась, словно очарованная: на её лице расцвела точно такая же мечтательная, влюблённая улыбка, как и у брата.

Я даже не пыталась скрыть своего искреннего ужаса, когда Вилков оторвал взгляд от телефона и приостановился. Сцена выглядела максимально очевидно: оба близнеца сохли по этому самоуверенному парню с одинаковой безумной силой. Я буквально оказалась в эпицентре фанатского клуба Сергея

Вилкова. А этот гад, почувствовав внимание, моментально расправил плечи, словно экзотический цветок под лучами солнца, и в его ярко-синих глазах блеснули дерзкие искры. Меня от этого зрелища едва не тошнило.

Его взгляд лишь на долю секунды скользнул по моему лицу — холодный, безразличный, — после чего он благополучно проигнорировал моё существование и выдал близнецам свою самую обворожительную ухмылку:

— Надо же, какие люди. Ясмину Адамова, — он мягко взял её ладонь и с лёгким поклоном коснулся губами костяшек пальцев. Девушка, кажется, была на грани обморока. — Выглядишь просто потрясающе. И ты здесь, Руслан, — парень уже заранее протянул свою руку, едва не истекая слюной от восторга. Сергей не растерялся и точно так же легко, чисто символически прикоснулся губами к его пальцам. — Как всегда, второй по красоте парень в нашей академии. — И, бросив на Ямину искрящийся взгляд, добавил: — После меня, разумеется.

Он уже неторопливо шагал дальше, когда Руслан, запоздало опомнившись, выкрикнул ему вслепую:

— Эй! Я вообще-то намного красивее тебя!

Сергей, не оборачиваясь, лишь победно вскинул руку с двумя пальцами в прощальном жесте и исчез за тяжёлыми дверями корпуса искусств.

Ясмину тихо всплеснула руками:

— Боже мой... Он только что поцеловал мою руку!

— И мою тоже! — восторженно подхватил Руслан, а затем огорчённо вздохнул: — Ну почему я всего лишь первокурсник?!

— Ага, будто дело именно в этом, а не в том, что девчонки его волнуют куда больше, — фыркнула сестра.

Руслан небрежно отмахнулся:

— Ой, да ладно тебе! Я всё равно выгляжу эффектнее тебя!

— Тут не поспоришь, — легко согласилась Ясмينا. — Но насчёт того, кто из вас красивее... Он всё-таки выигрывает.

Брат лишь глубокомысленно кивнул:

— Тоже верно.

Я больше не могла выносить этот цирк.

— Да вы издеваетесь?! — я резко остановилась на дорожке и махнула рукой в сторону дверей, за которыми скрылся Вилков. — Он же законченный хам и эгоист! И... вы вообще видели его причёску?! Серьёзно?!

— Сергей вовсе не хам, — мягко возразила Ясмينا. В её голосе не было спора — она произнесла это так, будто делилась со мной очевидной истиной вроде «трава зелёная, а небо синее».

— Он на самом деле очень душевный, — поддержал её Руслан, задумчиво наклонив голову. — Это вот его старший брат Глеб — настоящий монстр, тут без вариантов. А с волосами-то что не так?

Ясмينا принялась крутить локон на пальце, а её взгляд

снова стал туманным:

— Они выглядят такими шелковистыми...

— Да он постоянно отбрасывает их со лба вот этим пафосным движением! — Я провела ладонью от лба к затылку, передразнивая его фирменный жест. — Это значит, что они его бесят, но он продолжает носить эту длину, потому что он нарцисс и самовлюблённый павлин!

Близнецы переглянулись с искренним недоумением. Было очевидно: мои аргументы не имеют никакого значения. Что вообще происходит с этим местом? У них тут что, в местный водопровод подмешивают эликсир, из-за которого все поголовно считают Сергея Вилкова подарком небес?

«А может, дело не в остальных?» — предательски прошептал внутренний голос. — *«Может, дело в тебе?»*

Нет.

Исключено. Категорически нет. Человек, который сегодня может кипеть от глухой, ледяной ярости, а завтра изображать из себя обаятельного романтического героя, не может быть никем иным, кроме как источником крупных неприятностей.

Меня искренне удивляло, что Анна проявляла такое настойчивое желание подружиться, несмотря на колоссальную разницу в нашем социальном положении. Очевидно, единственным человеком, кого действительно волновал финансовый вопрос, была я сама. Что ж, запишем это в копилку моих личных комплексов.

В конце концов Anne и Таисии удалось затащить меня за их общий столик в столовой. За столом уже расположилась Лилия Герман и ещё несколько девушек, среди которых я узнала Карину — ту самую студентку, что заходила к нам в комнату в мой самый первый день. Здесь же присутствовали и парни, но я постаралась сесть как можно дальше от них — подальше от их громких хохотов, басовитых голосов и резких, размашистых движений. Среди них был брат Таисии — Тимур Тулеев, и её парень Максим Сивов.

Не желая того сама, я невольно наблюдал за этой парочкой. Меня заворожило то, как свободно и непрерывно они касались друг друга: случайные прикосновения рук, легкие касания пальцев, обмен кусочками еды из тарелок. В какой-то момент, нагнувшись под стол за упавшей вилкой, я случайно заметила, как ладонь Максима медленно скользнула по бедру Таисии, поднимаясь под край её юбки.

Выпрямившись, я резко отвернулась, надеясь, что никто не заметил вспыхнувшего на моих щеках румянца. Я не ханжа — далеко нет. Чёрт возьми, я выросла на реке, мы с пацанами в Терновнике с детства плавали без комплексов. Но этот неторопливый, намеренный и интимный жест прямо посреди переполненной студенческой столовой заставил что-то внутри меня сжаться в тугий узел.

Мой взгляд автоматически перетек на пару столиков в стороне, где сидел знакомый светловолосый парень. Сергей

расположился в компании таких же шумных и дерзких парней. В это мгновение наши глаза пересеклись. Его взгляд был абсолютно холодным, отстранённым — он скользнул по мне так, будто перед ним было пустое место. Меня волновало только одно: видит ли он мой румянец? Понимает ли, как пылает всё моё лицо?

Но Сергей не подал вид. Он спокойно отвернулся обратно к друзьям. Мне хотелось убедить себя, что я тут же забыла о нём, но это было враньём. Даже сквозь монотонный гул столовой я продолжала следить за ним — за его руками, за каждым быстрым движением. Он постоянно жестикулировал: сжимал пальцы в кулаки, расправлял их, действовал легко и раскованно. Руки, которые способны ломать. Руки, которые могут причинить боль.

Моя кожа зудела от одного вида этой его опасной свободы. Он был диким, спонтанным, необузданным.

Полной противоположностью всему, из чего состою я.

— Оль, ну так ты с нами в пятницу вечером? — окликнула меня Анна, возвращая к реальности.

— В смысле... куда? — я приподняла бровь, надеясь, что никто не заметил моей задумчивости. Или её причину. Быстрый взгляд на Таю подтвердил: та слишком увлеклась Максимом, чтобы обращать внимание на окружающих.

— Парни снова собирают свои «автовыставки», — пояснила Анна, изобразив пальцами кавычки. — Честно, не понимаю, почему они это так называют.

— Потому что, — вставила Лилия, хотя я даже не подзревала, что она слушает, — это обычные пацанские понты на тачках. Кто круче вдавит педаль в пол. Ярмарка тщеславия, короче.

И этим развлекается золотая молодёжь? Я почувствовала одновременно и любопытство, и полное равнодушие.

— Э-э-э.... — я нерешительно постучала вилкой по краю подноса. — Мне бы вообще-то надо за учебу сесть. Я сильно отстаю.

И это ещё мягко сказано. Первокурсники вроде Адамовых уже сейчас щелкают задачи, которые в моей старой школе пошли бы только через год. Скорость обучения здесь просто сбивала с ног.

— Да ладно тебе! — начала упрасивать Анна. — Ты же сама говорила, что приехала сюда за новыми впечатлениями?

Я прикусила изнанку щеки:

— Ну... в том числе.

— Вот это оно и есть! — Она обвела взглядом остальных, ища поддержки. — Побег из общежития после отбоя, вылазка за пределы академии, лёгкий элемент нелегалыщины... Это же классический посвящение в студенты «Олимпа»!

Звучало это всё не слишком-то заманчиво. Если честно, один в один напоминало глупости, которыми откровенно маялись парни у меня в Терновнике. Но моя новая соседка смотрела на меня с такой надеждой, что отвечать отказом на

её искреннее желание подружиться казалось просто некрасивым.

В конце концов, насколько плохо всё может пройти?

Густой, въедливый запах жжёной резины и оглушительный визг шин встретили нас ещё на подходе к эстакаде. Внизу, на полосе объездной трассы, несколько машин перекрыли движение в обе стороны, выстроившись полукругом и освещающая площадку мощными лучами фар. В воздух ударил резкий химический запах — едкая свежая краска. На противоположной стороне дороги какой-то парень в чёрном худи с капюшоном торопливо расписывал баллончиком бетонную опору моста.

— И вот так, значит, отдыхает элита по пятницам? — я перегнулась через перила, разглядывая происходящее внизу.

Справа от меня стояла Анна, слева — Карина. Таисия и ещё пара ребят из столовой о чём-то оживленно переговаривались неподалёку. Здесь хватало и других подростков, но по их виду нельзя было сказать, что они из «Олимпа». Скорее, эти ребята напоминали моих знакомых из Терновника. Впервые в жизни я почувствовала себя странно расщеплённой между двумя мирами, хотя ни один из них на самом деле не был моим.

— Уверена, часть народа сейчас зависает на хате у Лизы, — отстранённо проговорила Анна, жуя жвачку. — В «Олимпе» вообще всё как-то наперекосяк пошло после осеннего

бала.

— В смысле? — мне пришлось практически кричать, потому что один из водителей внизу распахнул багажник, где стояла монструозная акустическая система. Тяжёлый басовитый рэп заставил вибрировать внутренности.

— На танцах устроили жесткую взбучку, — пояснила Карина. — Вскрылось, что наш закрытый клуб, который вроде как официально закрыли за косяки, снова функционирует. Администрация выпала в осадок, потому что их выставили полными дураками. Теперь препода и комендант Андрей Дмитриевич шмонают все вечеринки.

— Думаете, сюда полиция не приедет? — спросила я, наблюдая, как в центр сформированного из машин круга выезжают два автомобиля.

Анна беспечно пожала плечами:

— Да тут в основном пацаны из Заречья и с дальних районов. Всё подпольно, на радары руководства не попадает.

— А вы-то как про это место узнали?

Она просто кивнула в сторону круга. Там стояла знакомая «бэха четвёрка» с агрессивным обвесом. Водитель высунулся из окна, что-то эмоционально жестикулируя руками. У меня внутри всё мгновенно сжалось — где-то на дне живота, подступив колом к самому горлу.

— Раньше мы постоянно ходили на бои Серёги, но после его последних сотрясений он решил сменить хобби, — сказала Карина. — Бои были... мягко говоря, не самым безопас-

ным занятием. — Они с Анной обменялись многозначительными взглядами. — Так что теперь мы просто его поддерживаем.

Они говорили о нём с такой теплотой. Словно о родном человеке, о котором искренне переживают и которого хотят уберечь от бед. Это не укладывалось у меня в голове. В академии Вилков почти не пересекался с их компанией — у него были свои друзья, свой стол в столовой, свои интересы. Что вообще их объединяло?

Внизу золотистая шевелюра снова скрылась в салоне «Бэ-хи», и до нас долетел глухой, рычащий рев прокачанного мотора.

Анна азартно ухмыльнулась:

— Что ни говори про Серёгу, а устраивать безумный треш он умеет лучше всех!

«Потому что он безумец», — мысленно отозвалась я, не в силах оторвать взгляда от иссиня-черного немецкого кузова. Машина блестела в свете фар, словно полированный сапфир. Сверху мне отлично видны были строгие линии тюнинга. Атмосфера в толпе мгновенно накалилась: зрители сгруппировались плотнее к краю или высыпали на эстакаду. Кто-то зажег упаковку фальшфейеров, затянув воздух ярким дымом и снопом искр.

Задние фонари на машине Сергея вспыхнули ало-красным, рев мотора слился с оглушительным визгом сожженной резины, и через мгновение автомобиль сорвался с места. Он

начал закручивать машинный дрифт на бешеной скорости, описывая опасные дуги в считанных сантиметрах от стоящих людей.

Я понятия не имела, как называется этот трюк, но точно знала одно: у этого парня отсутствует инстинкт самосохранения. Но ладно он — толпа вокруг вела себя не менее безумно. Людей ничуть не пугало, что многотонная машина с каждым новым кругом пролетала всё ближе. Сквозь боковое стекло я видела, как его пальцы мёртвой хваткой вцепились в руль, контролируя каждый миллиметр заноса. Моё сердце колотилось где-то в горле от ужаса предчувствия катастрофы, а пальцы до белизны костяшек сжали металлические перила моста.

И в тот момент, когда мне показалось, что он окончательно потерял контроль и машина вот-вот влетит в толпу, Сергей идеально выровнял корпус, щелкнул передачей и с ревом улетел по прямой в темноту трассы.

После него остался лишь едкий сизый дым жженой резины и моё ушедшее в пятки сердце.

— Чёрт возьми! — визгнула Анна. — Это было просто дико! Правда?!

Я не смогла выдавить из себя ни слова, но мысленно согласилась: да, это было не просто дико, это было конченное безумие. Абсолютный, неконтролируемый хаос. Я невольно прислушивалась, ожидая услышать из темноты звук страшного удара — доказательство того, что расплата за глупость

его всё-таки настигла.

Но вместо звука аварии над эстакадой, перекрывая музыку и крики, раздался отчетливый, ни с чем не сравнимый вой полицейской сирены.

— Мать твою... — пробормотала Анна.

— Мусора! Облава!

Толпа внизу в мгновение ока превратилась в бурлящий улей.

— Бежим! — смеясь и тяжело дыша, крикнула Анна. — К машине, живо!

Я кинулась за девчонками, толком не соображая, где именно мы оставили свою «Ауди». На мосту мы ещё были в относительной безопасности, но в следующий миг снизу на насыпь хлынул паникующий поток людей. Вокруг поднялся невообразимый гвалт, машины с визгом разъезжались во все стороны, а в ушах набатом молотило собственное сердце. Я меньше всего на свете хотела попасть в отделение за просмотр нелегальных гонок.

Я изо всех сил старалась удержать из виду яркие рыжие волосы Анны. Вот она юркнула в дыру в дырявом рабицевом заборе. Я рванула за ней, но толпа резко плотнее сомкнулась вокруг. Чужие тела начали давить, толкать, зажимая со всех сторон. Чужие руки касались моих плеч, одежды.

«Ты пустое место... Ты ничто...»

Я замерла на месте. Тело мгновенно одеревенело, а легкие словно сжал стальной обруч.

— Оля! Ну же, давай руку! — прокричала Анна из-за забора, протягивая мне руку.

Я тупо уставилась на её ладонь, не в силах шевельнуться. Кровь с шумом пульсировала в ушах.

— Оля!

Я качнула головой и сделала шаг назад — и тут же наскочила спиной на кого-то из парней.

— Смотри, куда прешь! — Я резко развернулась и увидела, как в мою сторону тянутся мужские ладони.

Древний инстинкт сработал мгновенно: ожидая удара, я в ужасе вжала голову в плечи и отшатнулась.

Вырвавшись из затора, я побежала вслепую — подальше от этих рук, чужих тел и давящей массы. Я бежала, пока синие-красные проблесковые маячки не вытеснили меня с проезжей части. Мне нужно было срочно найти укрытие, чтобы просто глотнуть воздуха.

В конце концов я забилась за массивную вывеску возле старой кирпичной церкви. Забившись в щель между стеной и густым колючим кустарником, я опустила голову на колени, судорожно и жадно хватая ртом воздух.

Чёрт. Нашла же время для панической атаки.

Я лишь отстранённо слышала, как мимо медленно проехала патрульная машина, отбрасывая синие блики на фасад здания. Мне потребовалось добрых десять минут, чтобы просто вернуть контроль над дыханием и унять дикую дрожь в пальцах.

Всё в порядке, — повторяла я себе как заклинание. — Тебя никто не тронул. Не успел.

Чувство облегчения от этой мысли было старым, привычным знакомым.

А вот липкое, мерзкое чувство разочарования в самой себе — новым.

Когда полицейские огни окончательно растворились за поворотом, меня накрыла тяжелая, свинцовая усталость, которая всегда приходит вслед за приступом паники. Но я ещё какое-то время просто сидела на корточках. Сидела до тех пор, пока моросивший дождь не превратился в мелкую капель, промочившую мои волосы и куртку.

Тяжело вздохнув, я поднялась, отряхнула ладони от земли и огляделась.

Я понятия не имела, где нахожусь. Вытащив телефон, я отыскала в контактах номер Анны. Но стоило мне занести палец над кнопкой вызова, как из темноты за церковным двором плавно выкатился автомобиль.

Окно со стороны водителя медленно поползло вниз.

Сергей Вилков вальяжно оперся локтем о дверцу и посмотрел на меня своими пронизывающими, невыносимо синими глазами.

— Подвезти, Свиридова?

«Ты, чёрт возьми, издеваешься надо мной», — мысленно констатировала я.

Глава 9

Сергей

У меня с детства дурацкая привычка ковырять болячки. Маму это всегда доводило до белого каления. Любой шрам заживал бы вдвое быстрее, если бы я не сдирал нежную розовую кожу механически, бессознательно. На правой руке сейчас красуется здоровенная корочка на костяшке, и я весь вечер тербил её, пока не обнажилось живое мясо.

Но прямо сейчас за окном, в сгущающемся холодном ливне, маячит другая «болячка» — стоит с каменным лицом и в упор смотрит на моё окно.

Похоже, отковырять эту неприятность мне тоже не удастся.

— Садись, — бросаю я, хлопая ладонью по соседнему сиденью. — Слово даю, кусаться не стану.

Она резко разворачивается и уходит прочь, плотно запахнув куртку. Закатив глаза, я плавно качу слева от неё на своей мощной «бэхе».

— Небо сейчас прорвёт окончательно, а на улице дубак собачий. Мы всё равно едем в одну сторону, не ломайся ты так...

— Пошёл к чёрту! — бросает она через плечо, прибавляя шагу.

Знаю ведь, что надо было просто дать ей уйти. Наверное,

единственное, что хуже моего общества — это оставить девочку одну на трассе в холодную непогоду.

— И не подумаю, — фыркаю я. — И что ты сделаешь? Потопаешь пешком под ливнем до самого общежития? Хватит уже включать недотрогу.

Волосы за её спиной тяжело раскачиваются от ветра, лица почти не разглядеть в темноте, но челюсти сжаты намертво. Настоящая бетонная плита, пробить которую нереально.

— Садись уже! — теряю терпение я и с усмешкой добавляю: — Можешь даже свой нож захватить, раз так спокойнее.

Она замирает.

Я нажимаю на тормоз чуть резче, чем планировал, удивлённый, что этот манёвр вообще сработал. С секунду царит звенящая тишина, прежде чем щелкает замок пассажирской двери.

Первым делом в салон втягивается цепочка с армейскими жетонами на шее, а затем и её обладательница.

Нож при ней. Причём она даже не утруждается опустить лезвие — держит так, будто уже собралась меня прирезать. Господи Боже мой. Наверное, мне всё-таки стоило бросить её на обочине.

Она поворачивается лишь наполовину, влажные пряди прилипли к бледным щекам.

— Дотронься до меня, и я вонжу эту штуку тебе прямо в глотку, — шипит она.

И после этого люди ещё говорят, что у меня проблемы с

агрессией!

— Заметано, — пытаюсь улыбнуться я, но улыбка выходит кривой. На её губах от этого зрелища проступает лишь презрительная усмешка.

К счастью, когда я трогаюсь с места и выруливаю на трасу, она немного отмякает — по крайней мере, перестаёт целиться в меня ножом, укладывая его на колени. Вместо этого она начинает спешно собирать мокрые волосы в небрежный пучок. Едва закончив, она снова подхватывает нож, тревожно постукивая рукояткой по колену.

Оля вжимается в дверь, отгородившись от меня всем телом. Между нами просторный салон, подлокотник, рычаг коробки передач, но она сидит так, будто я могу в любую секунду наброситься на неё. Её дыхание уже покрывает боковое стекло испариной, а рука судорожно сжимает рукоятку ножа, как в остросюжетном детективе.

Она явно замёрзла — плечи подрагивают от холода.

— Я поеду в объезд академии, — сообщаю я, выруливая на кольцевую дорогу вокруг посёлка. — Не хочу нарываться на дорожную патрульную службу.

Она кивает, а пальцы тем временем нервно теребят бахрому на рваных джинсах — модный разрез на колене и чуть выше бедра открывает полоску бледной кожи. Я силой отрываю взгляд от её ног и сосредоточенно смотрю на тёмную дорогу.

— Сейчас включу печку, — предупреждаю я, делая мак-

симально плавное движение рукой, чтобы не спугнуть.

Общение с ней напоминает поездку с диким, ошетинившимся котёнком. Заметив, что я не делаю резких движений, она лишь сильнее вжимается в обивку двери. Чтобы хоть как-то разрядить эту звенящую атмосферу, я включаю магнитола — музыка должна заглушить неловкое молчание. Находиться рядом с тем, кто откровенно тебя терпеть не может — новый опыт для меня, особенно если речь идет о девушках.

Она бросает на колонки колючий, возмущённый взгляд.

— Вообще-то я люблю эту песню, — цедит она так обвиняюще, будто я специально подгадал трек, чтобы отравить ей жизнь. Дескать, какое я имею право слушать ту же музыку, что и она?

— Представь себе, я тоже, — подмигиваю я. — Видишь, у нас уже есть кое-что общее. Просто невероятно.

Она гордо задирает подбородок, одаривая меня ядовитой улыбкой.

— А я вот думала о чём-то более радикальном, чем совпадение музыкальных вкусов.

Теперь моя очередь изумлённо таращиться на неё. Чёрт побери, да эта девчонка — настоящая искра! Опасная, несговорчивая, дерзкая. И, пожалуй, чертовски привлекательная — почти такая же, как я сам. Я бросаю быстрый взгляд на эту вредную красотку рядом со мной, и внутри вспыхивает искра.

О да, в эту историю я влип по полной.

Проходит пара минут, и крупная дрожь наконец покидает её тело. Она всё ещё напряжена до предела, но хотя бы не собирается выпрыгивать на ходу. Уже прогресс.

— Что ты вообще забыл за той старой церковью? — неожиданно нарушает тишину она, и голос её звучит на удивление ровно, без прежнего яда.

Удивлённый таким вопросом — и главное, отсутствием привычной агрессии — я бросаю на неё мимолётный взгляд.

— Прятался, — отзываюсь я, вальяжно откинувшись на спинку кресла и небрежно переключая передачу одной рукой. Понимаю, что перед ней особо не покрасуешься, но инстинкт показухи у меня в крови. — Услышал сирены и решил, что лучше переждать в тишине. Облавы на ночных гонках — дело привычное. У меня всегда есть план отступления.

Готовый к очередному предупреждению насчёт своих стратегических мест, я осторожно спрашиваю: — А ты? Как тебя вообще занесло в такую глушь?

Я ведь видел её там, съезжившуюся в темноте, и даже думал подойти. Наверное, так бы и сделал, если бы её плечи не вздрагивали от тяжёлых рыданий. Она плакала. А нет ничего хуже плачущей девчонки — разве что девчонка с холодным оружием наперевес.

— Я тоже пряталась, — её пальцы продолжают крутить злосчастную нитку на джинсах, а в голосе проскальзывает

глухая усталость. — Бежала за Кариной и Анной, но...

Я кошусь на неё взглядом: — Но?

— Мы потерялись в толпе, началась давка, и какой-то пьяный тип начал ко мне приставать, — слова вылетают из неё потоком, будто она наконец открыла плотину. — Мне просто нужно было уйти отсюда.

Мой мозг цепляется за эти крошечные детали, складывая их в единую картину. Может, всё дело в последнем сотрясении мозга, а может, я просто дурака валяю, но пазл начинает складываться.

— Значит, я не единственный парень, к которому ты не позволяешь приближаться? — уточняю я.

Она удостаивает меня таким взглядом, что мои внутренности мгновенно сжимаются.

— Представь себе, не единственный.

Мой первый порыв — протянуть руку, заправить за ухо выбившуюся прядь её волос. Чистый инстинкт, всё тот же зуд в пальцах. С одной стороны, во мне говорит привычка нарушать правила, с другой — странное, незнакомое прежде чувство. На её лице написана такая боль, что мне почему-то становится физически неприятно это видеть. Во мне поднимается глупый, мальчишеский порыв избавить её от этого состояния, заставить почувствовать себя в безопасности. Ох ты ж. Неужели это и есть то самое озарение, когда понимаешь, что кто-то запал тебе в душу? Именно эта мысль останавливает меня от опрометчивого шага.

Ну, и ещё тот факт, что мне совсем не хочется быть зарезанным в собственной машине. Салон «бэхи» не должен пахнуть кровью.

Я кладу руку на рычаг коробки передач, позволяя мощному мотору уверенно катить по ночной дороге.

— Слушай, откуда у тебя эта раритетная тачка? Наверное, знатная была вещь в своё время.

После долгой паузы она тихо отвечает: — Это папина.

Ирония судьбы: мне невыносимо молчать о том, как я сам перебирал каждый узел машины, ставил новый генератор и возился с проводкой. Я уже прожужжал все уши дяде Саше в гараже.

— Ого, круто, — выдавливаю я, гадая, какой же отец подарит девушке полудохлое корыто на честном слове. — Мой отец никогда бы на такое не решился.

Она дёргает за нитку, отвернувшись к боковому стеклу.

— Подарил — громко сказано. Скорее, оставил в наследство проблемы.

Чёрт. Её отца нет рядом. Сбежал? Умер? Меня жжёт любопытство, но лезть в душу пока рано.

— Ну, в любом случае, это классика, — поправляю я себя. — Мой старик вообще ненавидит мою ласточку. Не понимает, почему мне не нравится какая-нибудь глянцевая новая иномарка с тихим салоном.

Я провожу ладонью по приборной панели, чувствуя вибрацию мотора.

— Тишина и комфорт — это смертная скука. Мне нужно чувствовать каждый поворот, каждую кочку. Это тебе не просто езда, это жизнь.

Я искоса смотрю на Олю: её брови нахмурены, а губки надуты в невероятно милом, сердитом выражении. Я вовремя прикусываю язык — она явно не просила читать ей лекции по автомобильной философии, но она вдруг удивляет меня вопросом: — То есть твой отец купил тебе эту машину, хотя сам её терпеть не может?

— Щас! — смеюсь я. — Я заработал на неё сам, своими руками. Ни копейки родительских денег. Перебрал по винтику, вытащил из металлолома, научился сам крутить гайки. Она моя от бампера до номерного знака.

Она скептически кривит губы и качает головой: — Ну конечно.

— Что?

— Такая машина стоит целое состояние. Даже если родители не дали наличные, наверняка помогли сбережения.

Раздражение мгновенно подступает к горлу.

— Я не отрицаю, что семья меня поддерживает, но в эту тачку не вложено ни единого рубля от них. Я пахал сам. Восстанавливал её кровью и потом, сутками пропадая в гараже. Она принадлежит только мне.

Она окидывает меня взглядом, в котором сквозит стопроцентное недоверие.

— Значит, у тебя есть нормальная работа?

— Работа — громко сказано, — морщусь я, сглатывая неприятный осадок. Чего мне стыдиться? Я мастер своего дела. — Я участвовал в боях. Выигрывал призовые. Впрочем, — заметив её реакцию, я тут же добавляю: — Завязал. Больше я этим не занимаюсь.

Дорога темна, её лица в полумраке не разглядеть, но она произносит: — Карина говорила, у тебя было сотрясение.

Это не вопрос, но звучит так, будто ей не всё равно. Неужели проснулось любопытство?

Я включаю правый поворотник, замечая наш съезд.

— Пару раз бывало, но последнее действительно выбило из колеи, — признаюсь я, крепче сжимая оплётку руля при воспоминании о том злополучном бое. Я потерял контроль, позволил противнику взять верх. Хотя мог победить. — Врачи и домашние считают, что всё из-за хоккея, поэтому меня посадили на скамейку запасных. А мне так важно отыграть этот сезон. Команда рассчитывает на меня, так что с рингом я завязал.

— И теперь ты переключился на нелегальные гонки? — она резким движением ножа срезает очередную нитку на джинсах. — Спорное решение в плане безопасности.

Яжимаю плечами: — Что поделать, натура у меня такая. Демоны академии «Олимп» по-другому не умеют. Вредные привычки — наше второе я.

Ворота академии уже близко. Я плавно въезжаю на парковку, оставляя машину в самом дальнем углу, подальше от

чужих глаз, и глушу двигатель.

Поворачиваясь к дверце, я слышу её тихий, вымученный голос: — Ладно... спасибо, что подвез. Наверное.

Она открывает тяжелую дверь, вылезает из машины на мокрый асфальт и спешно шагает в сторону жилого корпуса. Я сижу, сжимая руль, и чувствую, что не могу вот так просто её отпустить. Зуд в пальцах требует действий. Ковыряй-ковыряй.

— Стой! — кричу я в открытую дверь. — Да подожди ты! Мне нужно... точнее, я хочу...

Она замирает на полпути и оборачивается. Смотрит на меня с улицы своими огромными глазами, в которых плещутся сомнение и настороженность: — Что ещё?

Я глушу мысль о том, насколько глупо выгляжу, быстро выбираюсь из машины и догоняю её на парковке.

— Слушай, Оля, — начинаю я, когда мы оказываемся лицом к лицу под морозящим дождём. — Прости за тот случай. Честно говоря, само это место действует мне на нервы, а когда я увидел того придурка, у меня просто сорвало крышу. Тот удар предназначался ему, а не тебе. Клянусь.

— Да знаю я, — бросает она безэмоциональным голосом и поворачивается, чтобы идти дальше.

Я делаю шаг следом, чувствуя нервное напряжение: — И это всё? Извинение принято? Бог знает, сколько раз за всю жизнь я извинялся перед кем-либо, можно по пальцам пересчитать. Думаю, я заслужил нечто большее, чем это сухое

«знаю». Это была случайность, ты же понимаешь, а ты раздула из мухи слона.

Она резко останавливается и разворачивается ко мне.

— Ты издеваешься?! — взрывается она. — Ты лезешь куда не просят, устраиваешь потасовку, бьёшь меня так, что у меня до сих пор челюсть ноет, и надеешься отделаться дешёвыми извинениями?! Ты думаешь, мир крутится вокруг тебя, Вилков? Все вы одинаковые — идёте по головам, крушите всё вокруг, а потом списываете всё на плохой день или случайное недоразумение!

Она тыкает пальцем себе в висок, глаза мечут искры: — Тебе кажется, что эта твоя наглая самоуверенность чертовски очаровательна. И все вокруг прощают тебе выходки только потому, что у тебя смазливая мордашка! — она презрительно оглядывает меня с ног до головы. — Так вот, засунь своё обаяние куда подальше. На меня твоя улыбка не действует, потому что главное правило моей жизни — держать руки при себе. А для тебя это, судя по всему, невыполнимая задача!

Её слова бьют сильнее любого удара на ринге — вовсе не потому, что она права. Чёрт возьми, она абсолютно права, и я понятия не имею, как на это реагировать. Я не могу просто отшутиться, улыбнуться или обаять её привычным способом, потому что впервые в жизни зашёл в тупик. Эта девушка сломана изнутри чем-то чужим, и починить её привычными методами — силой, деньгами или заботой — не

получится. Или... всё-таки получится?

— А если я не хочу играть по твоим правилам? — спрашиваю я тихо.

Она ошарашено смотрит на меня: — Чего?

— Ты слышала. — Я делаю шаг вперед. — Мои руки способны не только драться, Оля. Они умеют делать так, чтобы девушке было хорошо. Поверь, я и сам не против расслабиться.

Её щеки мгновенно заливает яркий румянец, а в глазах вспыхивает ярость.

— Да ты невыносим!

— Серьёзно? А мне показалось, только что ты назвала меня симпатичным. — Я облизываю губы, понимая, что влип по уши. Эта девчонка — лучшее, что со мной случилось за последнее время. — Признайся, я тебе небезразличен.

— Чушь собачья! Ненавижу таких самовлюблённых индюков, как ты!

— Да неужели? А почему тогда у тебя дыхание сбилось, и щёки горят? Могла ведь уйти сразу, но села в машину. Значит, подсознательно тебя тянет ко мне, как магнитом.

— Брехня! — бросает она, но в её голосе уже нет прежней уверенности, а на лбу залегла складка сомнения. Она боится признаться самой себе.

Мы в метре друг от друга, и она всё ещё не бежит. Смотрит на меня исподлобья злобным, колющим взглядом, но я-то вижу: вся эта боль в её глазах направлена не на меня. Кто-

то другой ранил её раньше, но я сделаю всё, чтобы вытеснить этот образ из её памяти.

Не раздумывая больше ни секунды, я сокращаю расстояние и накрываю её губы своими. Она цепенеет на мгновение, но её губы поддаются, становясь мягкими. Она не вонзает в меня нож — и это почему-то кажется лучшим доказательством моей победы.

Поцелуй нежный, но в то же время страстный, под стать нам обоим. Кончик её холодного носа касается моей щеки, пока я жадно выпиваю тепло её губ. Они горячие, податливые, и когда я едва касаюсь языком её губ, она отвечает на поцелуй с неожиданной яростью, втягивая меня в этот стихийный поединок. Чёрт возьми, да!

Это настоящая борьба двух упрямых стихий. Поцелуй, перерастающий в противостояние. Это я умею лучше всего. Чувствуя её сбившееся дыхание и яростный отпор, я кладу руки ей на поясницу, прижимая к себе всем телом...

Она резко отстраняется, упираясь ладонями мне в грудь, и со всего маха вгоняет колено мне между ног — прямо в цель!

— Ох... — стону я, сгибаясь пополам и судорожно хватая ртом воздух, пока резкая боль пронзает всё тело. Земля уходит из-под ног, и я оседаю на влажный асфальт, зажмурившись. До чего же унизительно! Лежать вот так в грязи перед девчонкой. Я поднимаю голову и вижу её опухшие, ярко-красные губы и торжествующую ухмылку.

— Правило номер один, дорогой, — она грациозно убирает нож в сумочку. — Руки держи при себе.

На следующее утро я иду по коридору главного корпуса академии «Олимп», изо всех сил стараясь не показывать, что последние два часа провёл с пакетом льда на самом больном месте. Мужское эго пострадало не меньше, чем физическая оболочка. Я выигрывал жестокие драки, лихо управлял спортивной тачкой, но умудрился проиграть девчонке по имени Оля. Позор. И самое обидное — тот поцелуй был просто великолепным. Настолько потрясающим, что ради него стоило потерпеть удар ниже пояса.

— Привет, Сергей, — Алла настигает меня у шкафчиков. — Видела твою тачку вчера возле академии. Жаль, что полиция всё испортила, мы могли бы отлично провести время после.

Я перевожу на неё взгляд.

— Да уж, не повезло.

Я открываю дверцу шкафчика, а Алла тем временем кокетливо кладёт ладонь мне на грудь.

Я устало вздыхаю.

— В следующий раз обязательно придумаем план понадежнее, — воркует она.

Эта девчонка принципиально не понимала намёков. Открыв рот, чтобы окончательно поставить точку в наших несуществующих отношениях, я замечаю за её плечом Мак-

сима, который как раз достаёт из ячейки чёрный конверт. Ага, кажется, у Демонов академии «Олимп» снова намечаются тайные дела. Не хватало ещё, чтобы Алла в это ввязалась.

— Обязательно что-нибудь придумаем, — отмахиваясь я, захлопывая дверцу. — Извини, спешу на пару к Алле Михайловне, она за опоздание голову оторвёт.

Её глаза сияют от восторга: — Обязательно спишемся! — бросает она мне в спину, проводя ногтем по груди.

Дождавшись, пока она скроется за поворотом, я заглядываю в шкафчик. На полке лежит аккуратный пластиковый пакет со льдом, а сверху — записка, выведенная аккуратным почерком: *«Надеюсь, в следующий раз ты лучше запомнишь первое правило»*. Ага, значит, игра продолжается?

Я оглядываю коридор в поисках Оли, но её нигде нет. Прихватив пакет со льдом и записку, я направляюсь в аудиторию. Она сидит за второй партой, демонстративно уставившись в учебник и делая вид, что меня не существует. Классический игнор. Но я-то знаю, что она чувствует моё присутствие каждой клеточкой кожи — слишком уж прямо держит спину. Эта девушка прочно засела у меня в голове.

Я бесшумно опускаюсь за соседний стол, кладу пакет со льдом перед собой и отрываю кусочек. Наклонившись к её уху, громко хрущу ледышкой. Её плечи мгновенно напрягаются.

— Вилков! — раздаётся над ухом строгий голос Аллы

Михайловны, отвлекшейся от интерактивной доски. — Что это за фокусы на уроке литературы? Напоминаю, употреблять пищу и напитки в аудитории строго запрещено.

— Простите, Алла Михайловна, — виновато улыбаюсь я, демонстрируя пакет. — Это не еда. Вчера получил спортивную травму, приходится охлаждать ушибленное место.

Преподавательница строго сужает глаза: — Чтобы пакет лежал молча и не привлекал внимания.

— Слушаюсь, Алла Михайловна.

Сегодня пятница, а значит, половину пары Алла Михайловна будет увлечённо расписывать на доске символику произведений. Когда гаснет свет, и аудитория погружается в полумрак под монотонный бубнёж учительницы, я опираюсь локтем на край парты и шепчу прямо ей в ухо: — Спорим, ты всё ещё думаешь о том, как мой язык касался твоих губ? Вчера ты выглядела куда менее неприступной, Оля.

Её ручка замирает на бумаге, а пальцы с белыми костяшками сжимают пластик.

— Ты можешь сколько угодно строить из себя ледяную королеву, но я-то знаю правду, — продолжаю я, подбираясь ближе и легко проводя пальцем по её шее. — Понравилось? Подожди, я покажу тебе кое-что поинтереснее.

Реакция молниеносная. В следующую секунду она вскакивает с места, выхватывая с парты тот самый пакет со льдом.

— Свиридова, ты что себе позволяешь?! — изумлённо

воскликает Алла Михайловна.

Но поздно: Оля срывает застёжку и выливает всю талую ледяную воду мне прямо на голову.

— Чёрт! — рывкаю я, подпрыгивая от неожиданности, пока ледяные струйки стекают по лицу и за воротник рубашки. Внутри закипает азарт. Недолго думая, я запускаю руку в мокрые волосы, хватаю оставшийся в пакете крупный кусок льда и, поддев пальцем воротник её блузки, закидываю ледяную глыбу прямо ей за спину.

Оля шумно ахает и шарахается в сторону, едва не опрокинув парту.

— Офигеть! — кто-то на задних рядах громко присвистывает. Аудитория мгновенно взрывается хохотом и возбуждённым шёпотом.

Алла Михайловна багровеет лицом: — Вилков! Свиридова! Немедленно прекратите этот балаган!

Я указываю на мокрую рубашку и заявляю: — Вы же видели, она первая начала! Вылила на меня ведро воды!

Оля разворачивается к преподавательнице, судорожно пытаюсь вытряхнуть лёд из-за пазухи, и гневно выпаливает: — Он первый полез! Он распускает руки!

— Слушать ничего не хочу! — учительница явно близка к сердечному приступу. — Вон из аудитории! Оба! Живо к директору!

Я поднимаюсь со стула, чувствуя, как по спине стекает ледяная вода, но на губах сама собой расплывается довольная

улыбка. Пусть нас выгнали с пары. Пусть директор Алексей Владимирович устроит нам знатную выволочку. Главное одно: если Оля Свиридова думает, что подобными выходками заставит меня отстать от неё... Она глубоко заблуждается. Эта девчонка просто ещё не знает, с кем связалась.

Глава 10

Оля

Знаете, что самое коварное в жизни без прикосновений? К этой пустоте слишком быстро привыкаешь. Ведь это просто... отсутствие чего-то. Мне не потребовалось много времени, чтобы напрочь забыть, каково это — ощущать чье-то тепло. И почему вокруг него вообще было столько шума. В какой-то момент я и вовсе перестала чувствовать, будто лишаюсь чего-то важного. Это было действительно удобное состояние. Очень комфортное и безопасное.

А потом этот чертов Сергей Вилков меня, видите ли, взял и поцеловал!

Красная как рак, едва ли не пыша паром от неконтролируемой ярости, я пулей вылетаю из кабинета Аллы Михайловны Розановой. В бюстгальтере застряли ледяные крошки, а по талии уже ползут неприятные, обжигающие холодом струйки растаявшего льда. Не выдержав, я прямо на ходу выдергиваю край блузки из юбки и с глухим стуком вытряхиваю оставшиеся кубики льда прямо на паркет. Два ледяных квадратика с легким звоном катятся по полу и упираются аккуратно в носки тяжелых черных кожаных ботинок.

— Доволен?! — рявкаю я, сжимая кулаки и снизу вверх метая молнии в Вилкова.

Он тем временем неспешно выправляет край собственной

рубашки из брюк. Я волей-неволей выхватываю взглядом его рельефный, как с картинки, пресс. Господи милосердный, да за какие грехи мне всё это?! Этот парень — просто ходячее наказание!

— Теперь мы оба по уши в неприятностях, благодаря тебе! — добавляю я, чувствуя, как от злости пылают уши.

Сергей опускает рубашку, и его голубые глаза сужаются, впиваясь в меня упорным, недобрым взглядом: — Между прочим, ты сама всё это начала, когда прошлым вечером возомнила себя хирургом и попыталась лишить меня мужского достоинства!

— А ты начал всё первым, когда... — Я вовремя осеклась, едва не подавившись этим треклятым словом. *Поцеловал*. Когда ты, идиота кусок, без спросу бессовестно снес всю мою многомесячную оборону и сломал мою идеальную выдержку! Голос срывается, и я выдавливаю сквозь сжатые зубы: — Ты прекрасно сам знаешь, что ты сделал!

На его красивом лице тут же расплывается наглая, самодовольная ухмылка: — Зато я точно знаю, что тебе понравилось.

Я лишь скриплю зубами и ускоряю шаг по коридору. Нам только не хватало устроить еще один громкий скандал прямо перед дверями кабинета Аллы Михайловны, чтобы окончательно вылететь из академии «Олимп». Но Вилков, разумеется, плетется следом. Как банный лист! Настоящий назойливый тип: невероятно красивый, с точеным подбород-

ком, идеальными кубиками пресса — и совершенно невыносимый.

— Спойлер, Вилков! — бросаю я через плечо, не сбавляя хода. — Если девушка заезжает парню коленом между ног, это обычно означает, что от его поцелуев она мягко говоря не в восторге!

— Или, — легко нагоняет он меня, ровняя шаг и нагло влезая в мое личное пространство, — это значит, что она настолько потеряла голову, что просто запаниковала и испугалась! Ты же до смерти боишься, что кто-то раскусит твои ледяные доспехи и увидит, что на самом деле ты никакая не снежная королева.

Я резко торможу, разворачиваюсь и натыкаюсь взглядом на дверь подсобки. Дергаю ручку — не заперто. Не думая ни о чем, кроме дикого страха вылететь из академии за очередную выходку, я вцепляюсь мертвой хваткой в лямку рюкзака Сергея и бескомпромиссно втаскиваю этого мажора внутрь.

В подсобке царит полумрак, густо пахнет бытовой химией и оглушительной тишиной. И я мгновенно мысленно даю себе пощечину за этот импульсивный порыв. Добровольно запереть себя в четырех стенах с наглым, избалованным и абсолютно неуправляемым типом? Ну браво, Оля! Просто премия за самое «умное» решение года!

Сергей снисходительно опирается ладонью о стеллаж и сверху вниз смотрит на меня с ленивой смешинкой: — Надо же, Свиридова. Захотела уединиться?

— Ага, мечтала с самого утра, — процеживаю я и незаметно достаю из сумочки свой складной перочинный ножик. Металл щелкает. — Прямо жаждала.

Он замечает холодный блеск лезвия в полутьме, но даже бровью не ведет. Лишь ещё сильнее ухмыляется: — Если ты думаешь, что эта твоя маска опасной девчонки меня отпугнет, то у меня для тебя плохие новости, милочка.

— А если ты думаешь, что твой наигранный образ местного плохого парня меня впечатляет, то новости есть и у меня, — я меряю его самым уничтожающим взглядом, на который только способна. — Поверь, Вилков, я видела парней и посуровее тебя. Наш Терновник такими наглецами пруд пруди, я твои штучки насквозь вижу.

Он наклоняется совсем близко к моему уху и с бархатным приторным шепотом произносит: — Так перевоспитаешь меня, Оленька? Я весь в твоём распоряжении. Можешь не торопиться.

Я свирепо хмурюсь, хотя сердце отчаянно колотится где-то в горле: — Почему ты просто не можешь отвалить от меня?

Его взгляд медленно соскальзывает на мои губы, на секунду задерживается там, а затем Сергей неохотно пожимает плечами: — Не знаю. Но не могу.

— Не хочешь, — выдыхаю я, чувствуя, как от его близости перехватывает дыхание и кружится голова.

— И это тоже, — легко соглашается он с улыбкой роко-

вого искуителя.

— А ты заставь себя! — Ноздри гневно раздуваются, но наглец только ещё больше получает удовольствие от моего пламени. — Другие девчонки из «Олимпа», может, и сходят с ума по твоей физиономии, но со мной этот номер не пройдет! То, что было между нами вчера — это глупое недоразумение! Понял? Никаких двойных смыслов. Ты мне не нравишься!

Сергей чуть наклоняет голову, внимательно рассматривая меня своими невыносимо синими глазами: — Нравлюсь. Ещё как.

Я от изумления даже рот открываю: — Ты глухой? Или тебя в детстве слишком часто роняли? Я держу нож у твоего паха!

— Я просто наблюдательный, — спокойно парирует он, разглядывая мою шею и ключицы. — Я вижу, как у тебя нашее колотится пульс. Словно птичка в клетке. Зрачки расширены, и ты постоянно косишься на мои губы. Так что нож ты, конечно, держишь уверенно, а вот сердце твое выдает совсем другое.

Он подается вперед, останавливаясь буквально в миллиметре от моих губ. Затылком я уже вжимаюсь в деревянную полку стеллажа — бежать некуда. Его волосы ещё влажные, на белой рубашке темнеют мокрые пятна, а от легкого дыхания кожу обдает теплом.

— Ты же сама сгораешь от этого, Оля, — шепчет он.

И ведь самое ужасное... он прав.

Конечно, он прав! Но этот мажор ничего не понимает и вряд ли когда-нибудь поймет. Дело ведь не в нем — ну, или не совсем в нем. Дело в паршивом осознании того, что мне вообще нельзя ни с кем быть. Это нечто запретное, прекрасное и абсолютно недостижимое для меня. Я ведь до четырех утра не могла заснуть, снова и снова прокручивая в голове тот поцелуй, заново переживая ощущение, каково это — чувствовать другого человека. Его губы, его дыхание, эту безумную, сладостную требующую волну. Желание быть нужной.

Разумеется, я чертовски этого хочу!

Но вместо этого я сжимаю зубы и выдавливаю из себя всю накопившуюся горечь: — Даже если бы я искала себе парня, Вилков, ты был бы самым последним в этом списке.

Он насмешливо выгибает бровь: — А кто сказал, что речь идет про «встречаться»? Я, например, вообще не по этой части.

От его слов внутри все сжимается. Впрочем, этого и следовало ожидать. Поцелуй Вилкова, вероятно, будет кормить мою фантазию следующие полгода, и, хотя моё тело на него реагирует с предательской яркостью, я заставляю себя проглотить это вспыхнувшее дикое желание.

— Между нами ничего нет и никогда не будет, — твердо произношу я то, что он должен усвоить. И то, что я сама должна запомнить раз и навсегда. — Так что в свои игры иг-

рай с кем-то другим. Меня вычеркивай.

Я юрко ныряю под его рукой, резко отталкиваю его и пулей выскакиваю обратно в коридор. Я знаю, что сбежать от Вилкова и всех проблем, которые он за собой тащит, будет непросто. Но на его лице, когда я уходила, застыло самое настоящее разочарование. Вряд ли этот избалованный мажор привык получать отказы.

А вот для меня это тянущее чувство под ложечкой — от мысли, что такого поцелуя в моей жизни больше никогда не будет — увы, давно стало привычным.

— Слава Демонам «Олимпа»! — гремит над трибунами многоголосый хор. — Демоны, вперед! — скандируют болельщики, пока девчонки из группы поддержки с азартом трясут пышными золотисто-черными помпонами.

На паркете вовсю идет игра: вспотевшие баскетболисты носятся от щита к щиту, а их кроссовки с оглушительным визгом липнут к полированному полу. Парень в ростовом костюме Демона — талисмана академии — ритмично подбрасывает вверх свой игрушечный трезубец, подзадоривая трибуны.

В моем родном Терновнике единственным «командным духом» была бутылка дешёвой газировки или кое-чего посуровее, которую пацаны распивали за вагончиком учительской. Если на площадке не играл твой брат или парень, никто бы в жизни не приперся орать на трибуны. В «Олимпе»

все иначе. Здесь гордость за свою академию вбита едва ли не на генетическом уровне.

Я стараюсь не ерзать на жестком сиденье, но от этой шумной, разношерстной толпы у меня внутри все сжимается от тревоги. В окружении такого количества людей мне всегда становится неуютно. Слишком много чужих рук, плеч, резких движений. Я не могу контролировать ситуацию.

Хотя, когда я остаюсь одна, легче не становится. Никита — мой отчим — всегда предпочитал подлавливать меня именно без свидетелей. В двенадцать лет, когда мама уходила в ночную смену. В тринадцать, когда школьные автобусы перестали ходить на нашу улицу, и мне приходилось ежедневно ездить с ним в одной машине. В четырнадцать, когда умерла бабушка, и мама уехала на пару дней оформлять документы. Мои редкие минуты наедине с отчимом превращались в самый настоящий кошмар. Его «наказания» всегда были жестокими, но именно наедине происходило самое страшное: сломанные кости, синяки от ремня и ожоги, которые не заживали неделями.

Да, жизнь с отчимом научила меня до смерти бояться тихих, уединенных уголков. А одна-единственная ночь с Сергеем Вилковым заставила опасаться даже вот таких шумных, людных мест.

Таисия слегка нагибается через Анну и весело спрашивает: — Девочки, у Максима после матча намечается небольшая тусовка в новом доме. Поедете?

У Анны от удивления взлетают брови: — А его отец тоже там будет?

— Ну-у, — Тая задумчиво хмурится, — думаю, да. Он после всех осенних событий стал чаще бывать дома. Но он вполне нормальный мужик, так что без паники!

Анна восторженно кивает: — Я за! Оля, ты как?

Я смотрю на нее с недоумением. У «олимпийских» деток есть эта странная привычка — спокойно звать незнакомых людей в чужие дома.

Я уже собираюсь придумывать отговорку, но Тая тут же подхватывает: — У него там невероятно круто! Бассейн с подогревом, джакузи, внизу огромная игровая зона. Ну пожалуйста, поедem вместе! — Она умоляюще складывает ладошки перед грудью и смотрит на меня своими большими голубыми глазами.

Я лишь тяжело вздыхаю. Отказать Таисии Тулеевой — это примерно, как пнуть маленького пушистого щенка. — Ладно, уговорила. Поехали.

Анна тут же подпрыгивает с места: — Отлично! Бежим за купальниками, я переоденусь и потащу нас на машине!

— Ой, подожди, — начинаю я, но она уже вихрем несется вниз по ступеням трибуны.

Я торопливо пробираюсь следом за ней, минуя ряд, где расположилась вся наша мужская компания. Тимур, Максим, Костя Демин, Илья Костин — они всегда держатся вместе. Но прямо на выходе мне преграждают дорогу чьи-то

длинные ноги.

Ну конечно. Кто бы сомневался.

Вилков вальяжно развалился на скамье, занимая собой место троих. Он снизу вверх смотрит на меня с той самой дерзкой ухмылкой, от которой кулаки чешутся сами собой.

— Двинься, — цежу я сквозь зубы.

— Скажи «пожалуйста», — вальяжно тянет он, — и я, так и быть, пропущу.

— Вилков, я не шучу. Сгинь с дороги!

— С чего бы это? — Его глаза медленно скользят по моей фигуре. — Мне, может, вид нравится.

— Слушай, Вилков, — вмешивается Тимур Тулеев, толкая его в плечо. — Тебе-то вид, может, и нравится, а вот остальным она обзор перекрывает. Дай девчонке пройти.

— Вот видишь? — огрызаюсь я. — Ты даже своих друзей достал.

Сергей неторопливо поднимается на ноги, оказываясь со мной практически вплотную. Наклоняется к самому уху и тихо, с опасной бархатной хрипотцой произносит: — Не волнуйся, Свиридова. Я свое «пожалуйста» из тебя все равно выбью.

От его теплого дыхания по коже пробегает сумасшедшая дрожь. Не выдержав, я со всей силы толкаю его обеими руками в грудь. Сергей не ожидает такой прыти, спотыкается и неловко валится прямо на сидящих сзади парней.

— Вилков, ты совсем с дуба рухнул?! — рывкает Илья Ко-

стин, спихивая его с себя.

Пока парни наперебой возмущаются, я пользуюсь шумихой и быстро сбегая вниз по лестнице, догоняя Анну в холле.

— Ты что-то хотела сказать перед тем, как мы потерялись? — спрашивает она.

— Ах да, — переводя дыхание, я всё ещё взвинченная стычкой с Вилковым. — У меня нет с собой купальника.

Анна белозубо улыбается: — Не парься, Оля! Я тебя выручу.

Как выяснилось чуть позже... «выручила» она меня весьма специфически.

То есть купальник-то она мне дала. Но это было открытое бикини сочного изумрудного цвета, которое скорее символизировало наличие одежды, чем реально что-то прикрывало.

— Я в этом не пойду, — категорично заявляю я, глядя на себя в огромное зеркало в раздевалке при бассейне в доме Максима. — Я выросла у реки и плаваю лучше любого матроса, но столько голой кожи я на себе ещё в жизни не видела!

— Да ты что, это же огонь! — Анна завязывает тесемочки своего купальника на бёдрах. — Ты выглядишь просто потрясающе!

— Спасибо, но у меня нет цели выглядеть «потрясающе», — буркаю я, нервно поправляя верх, чтобы случайно не устроить стриптиз при первом же взмахе руками.

Дело было вовсе не в комплексах из-за фигуры. С этим

у меня всё нормально: худая, подтянутая, где надо — кругленькая. Дело было в шрамах.

В Терновнике у меня всегда были наготове легенды. Обо-жглась о сковородку, упала с велосипеда, неудачно прыгну-ла с обрыва в реку. В мелких дозах это работало. Но выва-лить всю эту «коллекцию» разом перед местными элитными девчонками? Да у них же сразу возникнут вопросы! У Анны кожа — гладкая, ровная, сияющая, как с картинки журнала. Все девчонки из «Олимпа» такие — ухоженные, чистенькие, идеальные. Глядя на них, иногда даже злость берет.

В этот момент из душевой выходит Таисия в ярком ку-пальнике. И первое, на что падает мой взгляд — это темная татуировка на ее бедре. А затем... я замечаю огромный, рва-ный шрам, идущий от живота к спине. На фоне этого сле-да мой небольшой рубец на ребрах выглядит просто детской царапиной.

Я замираю, глупо уставившись на нее. Тая замечает мой взгляд и чуть поднимает брови.

— Извини, — смущенно выдавливаю я. — Я не хотела тарашиться, просто...

— Все нормально, — спокойно отзывается Тая, хотя взгляд у нее становится немного отстраненным. — Это после аварии. Раньше я его ужасно стеснялась, а потом переросла.

— Да она просто с Максимом теперь встречается, а он на нее чуть ли не молится, — вставляет Анна. — Вот и вся сек-ретная психотерапия!

— Дело не только в нем, — улыбается Тая. — Просто я поняла, что скрывать очевидное нет смысла. К тому же... у Максима на спине шрамы вообще будь здоров, и ничего.

Я удивленно моргаю: — У твоего парня тоже шрамы? И никто в компании не донимает его расспросами?

Тая мгновенно меняется в лице. Взгляд становится холодным и цепким, а милая «папина дочка» исчезает без следа: — До этого момента никто не лез.

— Эй, я без наезда! — поднимаю я ладони. — Просто спросила.

Анна пытается разрядить обстановку, а я решаю: черт с ним. Если эти богатые детки спокойно живут со своими от-метинами, то и мне скрывать нечего. Я решительно собираю волосы в высокий хвост, открывая спину и шею, и иду складывать вещи в сумку.

Когда я поворачиваюсь, Тая смотрит на меня с открытым ртом. Правда, быстро совладевает с собой и тихо говорит: — Ну вот видишь... Никого твои шрамы не испугают. Ты красивая девчонка, Свиридова.

— Зато парни меня не интересуют, — отмахиваюсь я. — Мечтаю просто окончить «Олимп» и жить дальше.

Тая и Анна переглядываются и вдруг синхронно прыскают от смеха.

— Чего смешного-то? — искренне не понимаю я.

— Оля, а что у вас с Вилковым? — лукаво спрашивает Анна.

— Ненависть и взаимное презрение! — честно отвечаю я.

— Он просто наглый тип, которому скучно!

— Да я же вижу, как ты на него смотришь, — ухмыляется Тая.

— Как будто хочу проткнуть его отверткой?

— Именно! — смеется Анна. — Но между вами прямо искры летят! Серёга Вилков привык, что девчонки перед ним на задних лапках бегают. Богатый, красивый, спортивный, да ещё и в постели... хм, мастер, скажем так. А ты ему спуску не даешь! История с кубиками льда в его шкафчике — это вообще шедевр!

Я даже притормаживаю: — Погоди. Ты сказала «в постели»? Вы с ним... были вместе?

Анна легко пожимает плечами: — Было пару раз. Без обязательств, чисто по дружбе. Но мы быстро поняли, что не подходим друг другу.

В груди у меня неожиданно вспыхивает укол... ревности? Нет, не к Анне. Я завидую той легкости, с которой она обо всем этом говорит. Для нее это просто эпизод. А для меня — дикий стресс, преодоление и куча внутренних баррикад. С Сергеем Вилковым я бы точно так легко не смогла.

В дверь громко стучат. Тая открывает, и на пороге появляется Максим. Его взгляд тут же прилипает к своей девушке, а рука бережно ложится на её талию, прикрывая шрам от чужих глаз.

— Пошли на воздух, девчонки, — зовет Анна.

Мы выходим к бассейну. Прохладный вечерний воздух тут же обжигает кожу, и я спешу быстрее погрузиться в теплую воду.

Заплыв на несколько метров, я разворачиваюсь, опираясь локтями о гладкий бортик, и слышу знакомый голос: — О, уже уходишь?

Я оборачиваюсь и едва не теряю дар речи. На самом краю бассейна стоит Сергей Вилков. На нем только черные плавательные шорты.

Мать божья... Это вообще законно — так выглядеть?!

Широкие рельефные плечи, четко прорисованный пресс, подтянутый живот, а на ключицах — темная татуировка с фразой на латыни и хищная метка с трезубцем. Выглядит он как сошедший с экрана актер — опасный, безумно красивый и абсолютно уверенный в собственной неотразимости.

Не давая мне времени опомниться, он с разбегу прыгает в воду. Брызги летят во все стороны, накрывая с головой стоящих у края девчонок.

— Вилков, блин! — визжит Элина, вытирая лицо. — Я же только уложила волосы!

— Извини, красотка! — Сергей шутливо машет ей рукой и уверенными, мощными гребнями устремляется в мою сторону. — Видишь, Свиридова? Я не только тебе жизнь порчу.

— Да ну? — я складываю руки на груди, пытаюсь отгородиться от него хотя бы так. — Что-то я не вижу, чтобы ты к ним лез так же беспардонно, как ко мне. Или наглого толка-

ния и дерзостей у тебя на всех не хватает?

— Ну так они и не пытаются скинуть меня в воду при первой возможности, — хмыкает Вилков, останавливаясь буквально в метре от меня. Его темные глаза медленно и бесстыдно скользят по моему лицу, мокрому губам, открытой шее и спускаются ниже, к изумрудному бикини. — Так что эта честь — испытывать мое терпение — досталась только тебе. Ты у нас вообще особенная, Оля.

Он делает этот свой фирменный трюк — чуть наклоняет голову и смотрит на меня снизу вверх сквозь мокрые ресницы. Слишком близко. Слишком горячо.

Я отталкиваюсь от бортика, глубоко вздыхаю и накрываюсь водой с головой, уходя на глубину. Проплыв под водой почти половину бассейна, я всплываю у противоположного края, судорожно хватая ртом теплый воздух. Волосы вымокли и липнут к шее, а сердце стучит в ребра с такой силой, будто я преодолела дистанцию на выживание.

Сергей даже не подумал плыть следом. Он просто стоит по грудь в воде, лениво закинув руки на бортик, и наблюдает за мной. На его губах снова играет эта невыносимая ухмылка. Он прекрасно знает, *почему* я уплыла.

— Хреновый из тебя водолаз, Свиридова! — громко кричит он через весь бассейн. — От себя всё равно не нырнешь!

— Попробуй задерживать дыхание подольше, Вилков! — отрезаю я, пытаюсь вернуть голосу твёрдость. — Глядишь, и мир станет чуточку тише!

Илья Костин, прыгнувший в воду неподалеку от него, с хохотом брызгает на друга водой: — Серёга, тебя только что официально утопили! Прими поражение!

— Мечтайте, — хмыкает Вилков и легким, бесшумным движением выталкивает свое тело из воды, садясь на край бортика. Капли стекают по его светлым волосам, рельефной груди и прессу, блестя в свете подсветки.

Он берёт с шезлонга бокал с напитком, но его темные глаза продолжают цепко следить за каждым моим движением. И в этом взгляде больше нет утренней дурашливости. Там читается кое-что поопаснее — азарт хищника, который точно знает, что добыча попалась в сетку.

Я погружаюсь в воду по самый подбородок. Мой безопасный, привычный ледяной панцирь трещит по швам. И самое страшное — мне впервые в жизни становится от этого чертовски жарко.

— Костян! — гаркает Илья Костин и с ходу совершает прыжок, пытаясь сгрести Сергея Вилкова за талию и утащить его под воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.